

Л.Ю.КУЛИШ

ПСИХО- ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ УСТНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

*ЗАВИСИМОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ
ОТ РЕЧЕВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГОВОРЯЩЕГО*

Киев
Издательство при Киевском
государственном университете
издательского объединения «Вища школа»
1982

974709

На материалах исследований по комплексной характеристике речи индивида раскрывается зависимость восприятия устной речи от ее звукового оформления, темпо-ритма и кинетического сопровождения. Проведенный анализ представлен в сопоставительном плане на базе русского и английского языков и отражает специфику легко- и трудновоспринимаемой на слух речи.

Для преподавателей, научных работников в области речеведения, психолингвистики, социолингвистики, психологии речи и методики, студентов.

Рецензенты: проф. Г. П. Ятель, проф. Э. Ф. Скороходько

Редакция литературы по филологии и журналистике
Зав. редакцией *М. Л. Скирта*

По мере того как лингвистика все дальше углубляется в познание своего объекта — реального человеческого языка, она вынуждена учитывать все новые и новые аспекты его функционирования. Так, в последнее время внимание языковедов особенно привлекли проблемы реально осуществляющегося языкового общения, в частности определение роли звучащей речи во взаимодействии говорящего и слушающего. Исследования в области культуры речи, риторики, паралингвистики показали, что действенность речевого сообщения во многом зависит от таких его нефонологических параметров, как четкость, темп, тембр, паузация, которые оказываются не просто внешними элементами оформления, но играют и значительную коммуникативную роль в высказывании.

Эти речевые характеристики с одной стороны, имеют общенациональную специфику, будучи свойственными речи любого носителя данного языка в отличие от речи представителя другого языкового коллектива. Каждое языковое сообщество представляет собой особую национально-культурную общность, в историческом развитии которой складывается своя система «факторов, обуславливающих отличия в организации, функциях и способе опосредования процессов общения»¹. Такие национальные особенности речи уже исследуются учеными-этнопсихолингвистами, лингвисты эти вопросы пока не изучают. Дополнительные задачи ставят они перед методикой обучения неродному языку: изучение его звуковой стороны не может больше ограничиваться звуковым составом и интонацией.

Не менее важным, с другой стороны, является изучение и чисто индивидуальных речевых характеристик, которые, безусловно, влияют на эффективность общения между членами одного и того же языкового коллектива.

Известно, что в пределах общенациональных произносительных норм в повседневной практике общения наблюдается огромное разнообразие индивидуальных вариаций речевого темпа, степени четкости высказывания, способов паузации речевого потока, причем не все они одинаково благоприятны для восприятия. С явлениями такого рода постоянно имеют дело преподаватели языка и переводчики, работники радио и телевидения, актеры и певцы, акустики и связисты. Эта проблема не может не интересовать и логопедию, которая должна теперь расширить свое понимание индивидуальных недостатков речи, не ограничиваясь областью искажения артикуляции звуков.

В удовлетворении этих потребностей могла бы быть полезной специальная научная дисциплина «речеведение», которая, по мнению О. С. Ахмановой и Л. В. Минаевой, занималась бы «установлением непосредственных корреляций между внешним миром и умственными процессами, с одной стороны, и теми богатейшими возможностями их передачи, которые представляет естественный человеческий язык звуков, с другой»². Эта наука должна была бы «учить людей говорить, выражать свои мысли и чувства в наиболее совершенном виде, воздействовать на слушающих, обеспечивать прямой контакт с ними»³. В более широком плане исследование этих аспектов речевой деятельности происходило бы в области социопсихолингвистики.

Предлагаемая читателю книга Л. Ю. Кулиш как раз и посвящена проблемам восприятия речи в процессе общения. В ней изложены результаты социопсихолингвистического исследования комплексной речевой характеристики лиц, речь которых по-разному воспринималась слушающими — от легкого и полного понимания до усвоения содержания с большими затруднениями. Основное внимание уделялось при этом звуковому оформлению высказывания, темпо-ритму и кинетическому сопровождению речи. Наблюдения над русской речью постоянно сопоставляются с аналогичными данными, полученными от носителей английского языка, что позволяет наряду с индивидуальными особенностями речи испытуемых говорящих выделять общенациональные речевые характеристики обоих языков.

Исследование проводилось на большом фактическом материале с широким использованием анкетирования и

обработкой результатов с помощью ЭВМ М-220. Можно ожидать, что полученные данные окажутся полезными как для общей теории речевого воздействия, так и для ряда прикладных областей языкознания. Возможно, что за этим, пока первым в нашем отечественном языкознании, исследованием коммуникативного значения речевых характеристик говорящих, последуют новые интересные работы в этой области.

Ю. А. Жлуктенко,
доктор филологических наук, профессор

ЗАВИСИМОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ОТ ЗВУКОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК РЕЧИ ИНДИВИДА

Звуковой характер языка делает его универсальным средством общения между людьми. Очень важно поэтому, чтобы устная коммуникация не вызывала никаких трудностей. Звуковая речь, как очевидно, включает в себе два взаимосвязанных аспекта: акустический, проявляющийся при речепорождении, и перцептивный — при восприятии речевых единиц¹. Успешное восприятие особенно иноязычной речи зависит от качества ее акустических особенностей. Таким образом, анализируя, как воспринимаются определенные инварианты речи индивидов, можно сделать вывод, как следует говорить, чтобы быть легко понятным. На восприятие речи влияет, как очевидно, лексическое и синтаксическое оформление речи, форма выражения мысли и другие параметры речи. Однако звуковые характеристики, как никакие другие, оказывают первостепенное влияние на восприятие речи на слух.

До настоящего времени в отношении аудирования рассматривались лишь фонетические трудности, обусловленные системой того или иного языка. Зависимость восприятия от инвариантов звукового оформления речи индивидов не нашла достаточного освещения в доступной нам литературе.

В группу параметров, характеризующих звуковое оформление речи, в нашем исследовании отнесены следующие: 1) дикция; 2) выразительность; 3) эмоциональность; 4) громкость; 5) акцентуация; 6) высота голоса; 7) тембр голоса; 8) преобладающий тон; 9) дефекты речи. В группу вошли параметры, обладающие воспринимаемыми на слух качествами, определение которых не требует дополнительной инструментальной проверки.

Мы полностью разделяем мнение О. С. Ахмановой и Г. И. Деятниковой о том, что при изучении речевого

общения «если заниматься звуковой стороной речи, то... нет никаких оснований выходить за пределы того, что естественно воспринимается человеческим ухом, так как только на его естественное и прямое восприятие и рассчитано нормальное речевое сообщение»². Подтверждение данной точке зрения находим и у Л. В. Щербы. В лекциях по фонетике Л. В. Щерба высказывал свое убеждение в том, что «при исследовании фонетической стороны языка основным методом является метод субъективный, ...метод психологический». Фонетика, по его мнению, «есть прежде всего наука психологическая, ибо она имеет дело с анализом, основанным на психологии»³.

Указанные выше параметры звукового оформления речи можно разделить на две подгруппы. Первая из них обуславливает в основном трудность или легкость понимания (дикция, наличие или отсутствие дефектов речи, выразительность, эмоциональность), вторая — утомляемость или неутomляемость аудитора (громкость, логическая акцентуация, высота голоса, тембр, преобладающий тон). В каждой подгруппе параметры звукового оформления расположены по степени убывания значимости их качества для восприятия речи. Между собой обе подгруппы стыкуются тесно коррелирующимися, как нам представляется, параметрами: эмоциональность и громкость.

Рассмотрим параметры звукового оформления речи поочередно.

Д и к ц и я — произнесение, манера выговаривать слова — одна из важнейших сторон культуры речи⁴. Чистая, ясная, четкая дикция необходима учителю, лектору, пропагандисту, оратору, командиру и др. Особенно большое значение дикция имеет в искусстве театра. Требование хорошей дикции обусловлено в искусстве актера задачами раскрытия содержания образа⁵.

Дикция связана как с индивидуальной манерой говорить, так и со стилем произношения. Полный стиль характеризуется тщательностью произношения, в то время как неполному стилю присуще обратное — неотчетливое, небрежное произнесение звуков⁶. Л. В. Щерба выделяет три стиля произношения: замедленный, обычный разговорный и скороговорочный⁷. В последнее время представители новой отрасли фонетики — фоностилистики раз-

личают до пяти стилей⁸, в которых реализуется и разная степень тщательности выговаривания слов в потоке речи.

Чистое произношение зависит от правильной артикуляции. Слабость и нечеткость артикуляции ведет к уничтожению важных фонематических признаков звуков.

Л. В. Щерба при обучении родному и иностранному языкам настаивал на необходимости учить отчетливому ясному произношению⁹. Ясность и отчетливость дикции особенно при общении на иностранном языке способствует лучшему восприятию речи, требует меньшего напряжения внимания слушателя¹⁰.

Особое внимание уделяется дикции актера. К. С. Станиславский отмечал, что «каждый артист должен чувствовать не только фразы, слова, но и каждый слог, каждую его букву»¹¹. Плохое произношение К. С. Станиславский сравнивает с уродством лица или тела. Он справедливо считает, что плохой почерк лучше плохой дикции, так как написанное можно постепенно разобрать, а непонятое в речи так и остается непонятым¹².

Положительные характеристики дикции группируются в анкетах № 1 (по манере речи с вопросами открытого типа) вокруг слов «четко» и «внятно». Четкость дикции подробнее определяется следующими словами: отчетливо, четко, ясно выговаривая каждое слово, четко произнося окончания слов. Четкости дикции соответствуют также определения: чеканя, отчеканивая каждое слово, чеканя фразы. Последние три положительные характеристики пребывают на стыке с отрицательными оттенками речи индивида, так как при большой громкости такое отчеканивание может утомлять слушателя. Отрицательные характеристики этого параметра чаще всего характеризуются в анкетах словами «невнятно», «нечетко». Невнятность дикции также конкретизируется понятиями: гугниво, гнусаво, мямля, ворча, бубня, как бы жуя слова. Следует отметить, что такие определители невнятности, как: комкая слова, как бы жуя слова, ворча, бубня находятся на стыке с другими параметрами. Первые три упомянутых определителя характеризуют не только дикцию индивида, но и темп его речи. Определитель «ворча» пребывает на границе трех параметров внутри звукового оформления речи: дикции, громкости, тона. Определение «бубня» расположено на стыке двух параметров: дикции и громкости.

С дикцией тесно связаны другие параметры звукового оформления речи, в первую очередь, выразительность. К. С. Станиславский оба этих параметра иногда соединяет в одно понятие «выразительной дикции»¹³. Выразительность речи чаще всего наблюдается, вероятно, при четкой дикции, в то время как нечеткая дикция едва ли может с нею сочетаться. Выразительная, или экспрессивная речь¹⁴ непосредственно коррелируется также с ее эмоциональностью, относящейся к выражению чувств, настроений.

Диапазон голоса составляет по высоте 4—6 тонов октавы. Благодаря этому каждый человек может широко пользоваться модуляцией тона для придания своей речи большей выразительности и доходчивости. Отсутствие модуляции высоты и силы звука делает речь человека невыразительной, монотонной, сухой. В разговорной речи обычно используется диапазон в четыре тона октавы. Эмоционально окрашенная речь может достигать шести тонов¹⁵.

Выразительность речи анкетированные определяют словами, которые представляют две противоположные группы: выразительно и невыразительно, монотонно. Положительная характеристика эмоциональности определена в ответах студентов одним словом — эмоционально. Неэмоциональной речи соответствуют слова: вяло, сухо, безразлично, бесстрастно, без эмоций и неэмоционально.

Сухость и монотонность, по мнению К. Маркса, злейшие враги оратора. Сухую, вялую, монотонную речь одного из таких ораторов К. Маркс сравнивает с речью оценщика на аукционе¹⁶. А. В. Толмачев советует избегать утомляющей монотонности речи, как бы звучащей на одной ноте. «Речь пропагандиста может быть гневной, взволнованной, веселой. Она не может быть только равнодушной, серой, скучной»¹⁷.

Монотонность обычно ассоциируют с тихой или средней громкостью речи, лишенной логической акцентуации. Однако громкая речь с обильной и однородной акцентуацией тоже может быть монотонной. «В результате акцентирования слогов с одинаковой силой без выделения слогов ударением разной силы в связи с эмоциональной окрашенностью или логическим содержанием слов как раз и возникает монотонность»¹⁸. Эмоциональность должна соответствовать высказываемой мысли. Степень

эмоциональности может быть разной. Эмоциональная речь может быть «живой», «страстной», «пламенной»¹⁹. Следует отметить, что эмоциональность может быть как постоянной характеристикой речи человека, так и временной. В первом случае эмоциональность связана с типом нервной системы, во втором — зависит от ряда проходящих причин — настроения человека, ситуации общения, отношения к собеседнику или предмету разговора.

Эмоциональность речи всегда рассматривается как положительный фактор. Однако эмоциональность, по нашему мнению, может производить на слушателя как положительное, так и отрицательное воздействие в зависимости от того, с чем она сочетается. Если эмоциональность выступает в комбинации со средней громкостью, средним регистром голоса, умеренным количеством логических акцентов, то она, безусловно, способствует лучшему воздействию продуцируемого высказывания. Если эмоциональность сочетается с излишней громкостью, обильной акцентуацией, высоким голосом резкого тембра, то она, очевидно, усугубляет в данном случае быстро наступающий эффект утомления аудитора.

Во взаимосвязи с эмоциональностью речи находится ее громкость. Под громкостью понимают воспринимаемую силу звука²⁰, зависящую в основном от интенсивности, обусловленной амплитудой колебаний голосовых связок. Как известно, громкость зависит не только от интенсивности, но и от других факторов, в первую очередь, от влияния частоты звука. При одинаковой интенсивности звуки разных частот слышатся как более или менее громкие²¹. Так при одной и той же интенсивности низкие звуки имеют меньшую громкость, чем высокие²². Этим, вероятно, можно объяснить то, что громкость высокого голоса воспринимается по-иному, чем сила голоса низкого или среднего регистров. В научной литературе отмечается также влияние длительности и тембра голоса на восприятие громкости²³.

Л. К. Цеплитис различает интонационную (семантическую) и неинтонационную (асемантическую) интенсивность (громкость). Последнюю, исходя из выполняемых ею функций, ученый подразделяет на конститутивную, ситуативную и индивидуальную. К конститутивной интенсивности, связанной с особенностями языка, Л. К. Цеплитис относит удельную интенсивность звуков (одни

звуки произносятся громче других) и традиционную силу, свойственную определенному языку. Ситуативная интенсивность определяется обстановкой, в которой протекает речь (например, сообщение в большой аудитории или разговор в местах, где необходимо соблюдать тишину или скрыть содержание речи от посторонних лиц²⁴). Индивидуальная интенсивность связана с силой голоса, а также с произносительной привычкой данного индивида²⁵.

В данном исследовании в понятие громкости входит конститутивная и индивидуальная интенсивность речи, имеющая место в обычных ситуациях повседневного общения.

Следует различать непроизвольную и произвольную громкость. Последняя, как вполне очевидно, управляема. А. В. Толмачев в установках лекторам и пропагандистам как раз и подчеркивает необходимость управлять громкостью своего голоса. Следует «соразмерить свой голос так, чтобы всем было слышно, но и так, чтобы не оглушить сидящих в первых рядах... звучность голоса определяет в известной степени и тон, и манеру оратора»²⁶. К. С. Станиславский советовал актерам не искать силу речи в простой громкости. «Громкость не сила, а только громкость, крик... Ее нужно искать... в голосовых повышениях и понижениях, то есть в интонации»²⁷. Однако не следует допускать и заниженной громкости, которая обычно ведет к снижению чистоты артикуляции.

В анкетах ответы, определяющие громкость речи индивида, делятся на две группы и объединяются в круг слов «громко» и «тихо». Громкость речи характеризуется такими определениями, как нетихо, громогласно, не своим голосом, крикливо, на верхнем пороге громкости, крича. «Тихо» конкретизируется следующими словами: негромко, тихим голосом, как будто боясь своего голоса, вполголоса, шепотом. Определители как первой, так и второй группы не всегда могут считаться положительными характеристиками. Постоянная излишняя громкость так же, как и очень тихая речь плохо воспринимается, быстро утомляет слушателей. На границе двух параметров внутри группы звукового оформления речи — громкости и преобладающего тона — находится словосочетание «не повышая голоса». Оно обозначает говорить негромко и спокойно. Как контраст к характе-

ристике «не повышая голоса» анкетированные приводят определение «говорить на высоких тонах».

Произвольная и произвольная громкость, по нашему мнению, соразмеряется в определенной мере. Современные шотландские офицеры отдают команды криком на предельном напряжении голосовых связок. Однако, если индивидуальная громкость голоса человека ограничена, то он не может в данном случае «орать, как ерихонская труба», а только будет «кричать петухом» при среднем или высоком регистре голоса.

Помимо произвольной и произвольной громкости, можно говорить и о сравнительной громкости. Диапазон колебания громкости речи значителен. При уровне громкости в 130—140 фон, называемого уровнем болевого ощущения, громкий разговор измеряется 70 фонами, тихий шепот — 10—15 фонами²⁸.

Разная громкость проявляется и в речи индивидов, и в более глобальном масштабе. Одни народы говорят громче, другие — тише, точно также как и одни народы говорят более высоким голосом, другие — более гортанно. Однако эти вопросы совершенно не изучены.

Наблюдения за речью студентов-иностранцев и приезжающих туристов, общение с представителями народов разных континентов во время пребывания за рубежом, слуховой анализ речи актеров и политических деятелей в кино и по телевидению позволяют нам сделать вывод о том, что громкость речи разных этнолингвистических групп существенно отличается. Не нужно быть филологом, чтобы заметить, что северные народы, например, норвежцы, шведы, финны говорят тише и менее эмоционально южных, в частности, испанцев и итальянцев. Многие южные народы, а именно: грузины, цыгане, турки, арабы, высокорослые этнические группы негроидной расы говорят в своем большинстве громче итальянцев и испанцев. Некоторые восточные народы, например, японцы, вьетнамцы, бирманцы, индусы общаются негромко. По данным Д. Аберкромби арабская речь громче шотландской²⁹, по наблюдениям Л. К. Цеплитиса эстонской речи свойственна меньшая интенсивность, чем латышской или русской³⁰. Здесь, вероятно, наряду с другими факторами немаловажную роль играет географическое местожительство и связанные с ним климатические условия. Однако по-разному с точки зрения громкости

говорят и соседствующие народы, живущие на одной географической широте, например, немцы, французы, англичане.

Если задать вопрос, кто говорит громче: русский и украинец или поляк и чех, то, не задумываясь, вам ответят, что русский и украинец. Если повторить тот же вопрос в отношении француза и англичанина, то вам скажут, что жизнелюбивый, веселый француз, конечно, говорит громче англичанина. Так же, не задумываясь, любой ответит на вопросы, кто говорит громче: аристократ XVIII века или простолюдин, житель сельской местности или города, крупный человек или человек маленького роста, «удалой молодец» или «красна девица», больной или здоровый, в какое время говорим громче: днем или вечером и т. д. и т. п.

Как видно из беглого калейдоскопа вопросов, то, что лежит на поверхности и очевидно каждому, обусловлено сложным сочетанием разноплановых постоянных и переменных факторов. Среди многочисленных факторов, влияющих на степень громкости речи индивидов, на первом месте, по нашему мнению, выступают анатомо-физиологические особенности строения и размеров органов речи, что непосредственно связано с ростом и конституцией представителей того или иного народа. Этот фактор преимущественно определяет, вероятно, и высоту голоса человека. Здесь невольно возникает ассоциация с музыкальными инструментами. От флейты или виолы нельзя ожидать громкого и низкого звука, получаемого от фугата или контрабаса.

Знаменитый актер Малого театра А. А. Остужев вспоминал, как он был поражен размерами купола горла Шаляпина. Придя домой, он решил взглянуть на свое горло, и, к своему огорчению, увидел в зеркале маленькую темную дыру величиной с горлышко бутылки вместо могучего кратера шаляпинского горла ³¹.

На громкость речи, помимо упоминавшегося ранее географического местожительства, влияют, по нашему мнению, и условия жизни народа, например, жизнь среди необозримых просторов и жизнь в скученных городах.

На конститутивную традиционную громкость речи, как нам представляется, мог наложить отпечаток и предварительный род занятий народа, являлись ли его предки

воинствующими кочевниками или мирными земледельцами, скотоводами, охотниками, торговцами и т. д. И в настоящее время над грузинским или арабским рынком всегда стоит гулкий шум голосов. Вместе с тем на огромном рыбном базаре в Токио все торговые операции происходят в деловой тишине.

На конститутивную громкость речи не могла, вероятно, не отразиться и история народов-завоевателей и народов, долгое время находившихся под колониальным гнетом.

Немаловажную роль в привычной громкости речи представителей одного и того же народа разных эпох играют социально-исторические факторы, например, этические нормы, привычки и т. д. Умозрительно можно заключить, что традиционная интенсивность речи испанцев средневековья была меньшей, чем громкость речи испанцев эпохи Возрождения или наших современников. Кроме того, в одну и ту же эпоху традиционная громкость разных социальных групп различна. Анализируя голосовую типизацию английской сценической речи, В. В. Кулешов делает вывод о том, что в отличие от аристократов для «просторечных» героев характерна усиленная интенсивность, «шумность» речи, выдающая наряду с другими параметрами речи их социальную принадлежность³².

Интересным представляется тот факт, что выражение народа или его прослойки в музыке с точки зрения ее громкости тесно связано, на наш взгляд, с манерой говорить громко или тихо. Так, с одной стороны, громкость негритянских джазов или затяжных грузинских оглушительных дробей на ударных инструментах вполне соответствует громкости их речи. С другой стороны, тихое журчащее пение индусов естественно отвечает их негромкой речи.

Аристократия Европы XIV—XV столетий, для которых говорить громко считалось плохим тоном, признавала тихую музыку виолы и клавесина, не дающих оттенков громкости. Появившемуся инструменту простолюдина — скрипке, которая, как и исполнители на ней, умела тихо плакать и громко смеяться, была объявлена война. Ее повсюду изгоняли, и бродячим музыкантам приходилось объединяться в «королевство скрипачей», чтобы выжить самим и чтоб выжил народный инструмент скрипка³³.

Есть основания предположить, что на громкость речи влияет конститутивный тип удара. У народов, для которых характерно музыкальное ударение, громкость речи должна быть меньшей, чем у тех, у которых преобладает силовое, динамическое ударение, само по себе усиливающее интенсивность речи.

Очень важным фактором, обуславливающим индивидуальную громкость речи, является тип высшей нервной деятельности. Трудно заставить темпераментного живого грузина разговаривать тихо. На индивидуальную громкость речи влияет, естественно, пол и возраст. Эти факторы в определенной мере связаны и с высотой голоса. На привычную для индивида интенсивность речи накладывает отпечаток и профессия. Так, педагоги и актеры, привыкшие говорить на аудиторию, и дома разговаривают громче, чем представители некоторых других профессий.

К переменным факторам, влияющим на индивидуальную громкость речи, можно отнести ситуацию общения, состояние здоровья и настроение человека. Само собой разумеется, что пышущий здоровьем человек говорит громче болезненного или больного человека, о котором могут сказать: «голоса не отведет», «говорит чуть дыша». Отдохнувший человек говорит громче уставшего. Поэтому люди обычно утром и днем разговаривают громче, чем вечером, если не находятся, конечно, в возбужденном состоянии.

Перечисленные нами факторы далеко не исчерпывают всех причин, обуславливающих ту или иную интенсивность речи. Кроме того, каждый из них взятый в отдельности лишь частично проливает свет на исследуемое явление. Объяснение конститутивной, индивидуальной и частично ситуативной громкости речи в их единстве следует искать лишь в синтезе, в сплетении всех факторов, характерных для определенного народа или его социальной прослойки.

Так, например, в Японии также, как и в Индии, предпочтение умеренной громкости в продуцировании речи обусловлено сложным сочетанием разных факторов, среди которых немаловажную роль играют и принятые этические нормы. В Японии уровень громкости речи определен, по нашему мнению, и небольшими размерами органов речи; и выдержанностью характера; и

жизнью в скученных городах в теснящихся друг к другу домиках с легкими раздвижными перегородками вместо стен; и мирным сосуществованием двух религий — синтоизма, проповедующего слияние с природой, и угрюмого умиротворяющего буддизма; и сочетанием мягкости красок прекрасной природы, породившей обряд любования ею, с проявлениями ее грозных сил — тайфунов и недремлющих вулканов. В Японии все миниатюрно: и дома, и машины, и кажущиеся игрушечными европейцам сады у порога или на крыше, миниатюрны и сами японцы и особенно японки. Не нарушило бы гармонию их жизни громогласное общение? Может поэтому этика не позволяет японцам разговаривать громко в общественных местах и особенно в транспорте, чтоб не нарушать чьего-то покоя.

Под а к ц е н т у а ц и е й (акцентированием) понимают выделение определенных элементов в слове и фразе посредством ударения³⁴. «Акцентуация — система ударений (силовых или музыкальных) в каком-либо языке»³⁵. Ударение, или акцент разные авторы трактуют по-разному. Некоторые фонетисты связывают ударение исключительно или преимущественно с увеличением произносительной энергии, сопровождаемой увеличением напора выдыхаемого воздуха и артикуляторной активностью, создающей впечатление громкости³⁶. Однако такое определение ударения односторонне.

К. С. Станиславский, говоря о законах сценической речи, предостерегал, что «ударение не следует понимать в буквальном смысле слова, точно физический удар в спину, выталкивающий вперед. Это и не насильственный нажим или напор, механически выделяющие отмечаемое слово... Это и не просто голосовой выкрик. Ударение — выделение, любовное отношение к слову, или, вернее, к тому, что под ним»³⁷.

Говоря о субординации ударений, К. С. Станиславский сравнивает ее с многоплановостью в живописи, создающей перспективу в картине. По его мнению, перспектива в речи создается в большей мере с помощью ударений разной силы, которые строго координируются между собой. Однако здесь важна не только сила ударений, но и их качество. «Ударения бывают разного качества: сильные, менее сильные, слабые, едва заметные, короткие, острые, легкие или продолжительные, увесистые,

сверху вниз, снизу вверх и проч.»³⁸. Кроме того, К. С. Станиславский различает мужские и женские ударения. Первые из них (мужские ударения) — определены, резки и закончены. Он сравнивает их с ударом молота о наковальню. Женские акценты не менее определены, но они не оканчиваются сразу, а продливаются, как бы удар с продолжением и оттяжкой³⁹.

Одно из наиболее полных и адекватных определений акцентуации, сформулированных фонетистами, находим у С. Ф. Леонтьевой. Под словесным ударением автор понимает выделение одного или нескольких слогов в слове, сопровождаемое изменением силы произнесения, высоты голоса, а также изменением качественных и количественных характеристик ударного гласного⁴⁰. В словарной статье БСЭ ударение определяется как «выделение отдельных элементов речи (слога, слова, предложения) или путем усиления мускульного напряжения и напора выдыхаемой воздушной струи, или путем изменений высоты голосового тона. Первое — экспираторное — ударение называется также силовым, тоническим или динамическим; второе — музыкальное — ударение называется также тоном. Выделение длительностью ударного гласного называется квантитативным ударением»⁴¹. Нам представляется, что название динамического ударения тоническим не оправдано и тем более неудачно, что оно ассоциируется с музыкальным ударением — тоном.

Для большинства языков Европы, Азии и Северной Африки характерно динамическое ударение. Музыкальным ударением в Европе обладают такие языки, как литовский, сербский и скандинавские; в Азии — китайский, японский, вьетнамский, таи, бирманские, малайско-полинезийские; музыкальное ударение присуще и языкам Центральной и Южной Африки. Сила динамического ударения может быть различной в разных языках. Например, такое ударение в русском, английском и немецком языках сильнее, чем во французском.

Выделение ударного слога или слова происходит чаще всего одновременно несколькими способами. Во французском языке ударение является динамическим и музыкальным, и квантитативным, в русском и английском — динамическим и квантитативным с преобладанием первого⁴².

Некоторые фонетисты, занимающиеся проблемой слоговой выделенности, поднимают вопрос о том, можно ли любую выделенность единиц речи называть ударением и справедливо настаивают на их качественном и функциональном размежевании⁴³.

Б. Спанг-Томсен предлагает разграничить случаи «нормального ударения», связанного с лингвистической системой, и выделение слогов, осуществляющееся под влиянием эмоциональных факторов⁴⁴. Последнее Ф. Картон называет выделительным ударением и с оговоркой высказывает предположение о существовании двойной системы акцентуации: необходимой и факультативной⁴⁵. Станиславский различает грамматическое, логическое и художественное ударения⁴⁶. Н. С. Евчик предлагает называть ударением только слоговую выделенность, связанную с акцентным строем языка и особо рассматривать «слоговую выделенность эмфатического порядка, реализация которой в речи, в отличие от ударения, является факультативной и специфически связанной с конкретными намерениями говорящего, а также коммуникативной направленностью высказывания, зависящими от комплекса условий речевого общения»⁴⁷.

Термин Б. Спанг-Томсена «нормальное ударение», равно как и термин Ф. Картона «выделительное ударение», не представляются удачными. Любое ударение является «нормальным», если оно не нарушает норм данного языка. Любое ударение выделяет единицу речи, находящуюся под ударением. Неудобен и громоздок термин Н. С. Евчик «слоговая выделенность эмфатического порядка», что в литературе широко известно как логическое ударение.

По нашему мнению, ударение в слоге, слове и предложении конститутивного характера, связанное с нормами акцентуации в том или ином языке следует называть нормативным в отличие от факультативного логического ударения. Употребление определенных нормативных ударений обязательно для всех. Манера расстановки логических ударений — индивидуальна. Поэтому в нашем исследовании рассматривается логическое ударение, количественные особенности употребления которого могут служить частичной характеристикой речи говорящего.

По определению Л. В. Щербы «логическое ударение есть не что иное, как характерное видоизменение инто-

нации предложения, выделяющее так называемое логическое сказуемое»⁴⁸.

Некоторые авторы отождествляют логическое ударение с фразовым⁴⁹, что совершенно неверно. Если фразовое, или синтагматическое ударение является обязательной принадлежностью синтагмы, то «логическое ударение отнюдь не обязательно ни для каждой синтагмы, ни для каждого предложения. Оно применяется только тогда, когда ситуация или контекст требует этого. Кроме того, в отличие от синтагматического... логическое ударение может быть поставлено на любом слове... Его могут получать и такие слова, которые обычно во фразе лишены ударения»⁵⁰.

Кульминационный пункт высказывания, как отмечает С. М. Гайдучик, образует главноударный слог, который чаще всего является ударным слогом последнего ритмического такта высказывания⁵¹. Если в предложении присутствует логическое ударение, то оно, по нашему мнению, и станет главноударным слогом.

Умеренное пользование логической акцентуацией способствует лучшему восприятию речи, концентрируя внимание слушателя на главном. Слишком частая акцентуация, переходящая порой в скандирование каждого слова, усиливает тяжеловесность громкой очень эмоциональной речи, вызывает быстрое утомление. Отсутствие логических ударений в монотонной сухой тихой речи усугубляет ее аморфность и так же, как и в предыдущем случае, утомляет аудитора.

Участники анкетирования к положительным характеристикам параметра акцентуации относят следующие понятия: выделяя слова, делая логические ударения, делая ударения на отдельных словах. Рассматривая параметр акцентуации, они указывают лишь на наличие или отсутствие логических ударений в речи человека. Частоты логических ударений анкетлируемые не указывают. К отрицательным характеристикам анкетлируемые относят следующее: не расставляя акцентов, не акцентуированно, не выделяя главного.

Не все, к сожалению, умеют правильно пользоваться логическим ударением. Л. А. Чистович и В. А. Кожевников при проведении эксперимента по выявлению влияния темпа речи на длительность различных элементов синтагмы обнаружили, что не все дикторы одинаково

хорошо «справлялись» с логическим ударением. У некоторых из них относительные длительности слов, на которые должны были падать логические ударения, не возрастали⁵².

В. В. Кулешов отмечает в английской сценической речи персонажей, говорящих на просторечии, неправильное использование логических ударений⁵³.

К. С. Станиславский придавал большое значение логическому ударению, учил молодых актеров правильно пользоваться им. Он справедливо говорил, что речь с ударениями на каждом слове, равно как и речь без всякого ударения, ничего не означает. Рациональная расстановка ударений состоит не только в том, чтобы поставить ударение на нужном слове, но и в том, чтобы снять его с тех слов, которые не должны находиться под ударением. «Часто ударение является ключом для разгадки скрытого смысла... Лишнее ударение только затемняет фразу. Пусть в ней будет одно, самое главное, выделяемое слово, вскрывающее душу, центр, основной смысл»⁵⁴.

В «Законах речи» К. С. Станиславский рассматривает ударение как один из трех наиболее важных элементов речи. «Артист действует на сцене словом, с помощью интонаций (повышения и понижения), ударений (силы) и пауз (остановок)»... «Ударение — указательный палец, отмечающий самое главное слово во фразе или в тексте»⁵⁵.

Термин **голос** (голосовой тон) обозначает «звук, образуемый колебанием приближенных друг к другу напряженных голосовых связок под давлением выдыхаемого воздуха»⁵⁶. Издаваемые связками гортани звуки усиливаются и окрашиваются в так называемой надставной трубе (глотка, полость рта и носа), преобразуясь у человека в речь и пение⁵⁷.

Мы полностью разделяем мнение автора словарной статьи о голосе в Театральной энциклопедии в отношении того, что к составляющим голоса следует относить объем (диапазон), высоту, силу и тембр голоса⁵⁸. Первое имеет в основном значение в пении. Остальные три характеристики голоса в полной мере проявляются и в речи, воздействуя, естественно, на ее восприятие. В нашем исследовании три упомянутых составляющих голоса в целях четкости заполнения анкет закрытого типа и

удобства их машинной обработки рассматриваются поочередно.

Высота голоса определяется числом колебаний голосовых связок в секунду: чем больше число колебаний, тем выше голос. Сила голоса зависит от амплитуды колебаний голосовых связок. Чем больше амплитуда, тем сильнее голос. Человек в определенной мере может менять высоту и силу голоса. Тембр голоса создается при соединении обертонов к основному тону. Они могут быть гармоническими и негармоническими⁵⁹, что обуславливает благозвучность или неблагозвучность голоса.

Некоторые авторы степень высоты и силы голоса объединяют в понятие регистр и указывают, что он может меняться в зависимости от коммуникативной программы (например, вопросительное предложение произносится в более высоком регистре, чем повествовательное)⁶⁰.

В пении различают среди мужских голосов бас, баритон, тенор, среди женских — контральто, меццо-сопрано, сопрано с более дробным делением каждого из них.

В исследовании по восприятию речи в степени высоты голоса достаточно выделять три легко различимые на слух градации: низкий, средний и высокий голос, что и представлено в нашей работе. Средняя высота голоса имеет частоту колебаний 128—130 Гц. К высокому голосу Р. Ферманн относит голос, частота колебаний которого достигает 510—520 Гц⁶¹. Установлено, что высокие голоса аудируются труднее, быстрее утомляют слушателя, чем средние и низкие⁶². Причиной этому является прежде всего то, что «высокие тоны затухают гораздо медленнее, чем низкие, или иными словами, острота резонанса высоких тонов больше, чем низких»⁶³.

Различают голос разговорный и певческий, «непоставленный» (бытовая речь, пение необученного певца) и «поставленный» (сценическая речь, пение профессионального певца)⁶⁴.

Хороший по всем параметрам голос К. С. Станиславский считает одним из лучших даров творческой природы⁶⁵. Однако такие голоса, к сожалению, встречаются нечасто. По наблюдениям великого актера и режиссера, «нередко бывает, что артисту дается природой красивый по тембру, гибкий по выразительности, но ничтожный по силе голос... Бывают и такие голоса, которые

хорошо слышны в театре на самом высоком или, напротив, на самом низком регистре, при полном отсутствии медиума» (средины звукового регистра голоса). «Не менее обидно видеть артиста... с сильным, гибким и выразительным звуком, но с неприятным тембром. Если душа и ухо слушателя не принимают его, то к чему тогда и сила, и гибкость, и выразительность», — с досадой отмечал Константин Сергеевич.

Бывает так, что такие недостатки неустранимы из-за природных свойств. Но чаще всего их можно ликвидировать, по мнению К. С. Станиславского, «с помощью правильной постановки звука, уничтожающей зажимы, напряжения, насилия, неправильности дыхания, артикуляции губ» и др.⁶⁶.

Хорошие голоса в разговорной речи, как отмечает К. С. Станиславский, еще более редки, чем в сценической. Из всего сказанного он делает вывод, «что даже хорошие от природы голоса следует развивать не только для пения, но и для речи»⁶⁷.

Несмотря на кажущуюся однозначность термина голос, данное понятие интерпретируется в лингвистических работах и особенно в художественной литературе по-разному. Голос трактуют либо слишком узко, сводя его зачастую к тембру, иногда даже ошибочно к артикуляции, либо слишком широко, относя его почти ко всему звуковому оформлению речи. Так, В. В. Кулешов, исследуя вопрос голосовой типизации, определяет голос как «характерную тембральную окраску основного тона»⁶⁸.

Упомянутый автор отмечает, что в английской художественной литературе понятие голос, используемое для характеристики речи персонажей, имеет по крайней мере три различных значения: «либо произношение, либо интонация, либо то и другое вместе, либо, наконец, собственно голос (т. е. качество тона, тембра)»⁶⁹.

В характеристике речи А. В. Луначарского, данной Л. Кассилем, в понятие голос, помимо степени громкости, включены дикция и тон речи: его «голос спокойный, негромкий, но чрезвычайно внятный заставлял вмиг стихнуть только что гремевший приветственной овацией зал»⁷⁰. В образном определении А. В. Луначарского манеры ораторской речи В. Володарского отражены тембр, тон, возможно даже акцентуация и темпо-ритм: «Голос

сго был словно печатающий, какой-то плакатный, выпуклый, металлически-звонящий» ⁷¹.

В приводимой ниже из художественной литературы характеристике речи голос почему-то отождествляется с темпом речи: «Случайно тронув рычажок транзистора, слышу низкие знакомые интонации, нарочито медленный голос...» ⁷².

В художественной и публицистической литературе среди описательных характеристик речи, относящихся непосредственно к голосу, можно встретить такие, например, определения голоса героев произведений или известных писателей, политических деятелей, актеров, как: звучный, выразительный сильный голос ⁷³, чистый высокий женский голос ⁷⁴, мужественный голос ⁷⁵, стальной крепкий голос ⁷⁶, могучий голос Свердлова ⁷⁷, густой голос Маяковского ⁷⁸, тонкий, задушевный девичий голос Инбер, который она сохранила до преклонных лет ⁷⁹, грудной голос Ермоловой ⁸⁰, легкий, звучный, поразительной красоты голос артиста Малого театра Остужева ⁸¹, низкий и звучный, хриловатый, как переливы флейты голос Олимпии ⁸², скрипучий и глухой голос старухи Изергиль ⁸³ и т. д. Следует отметить, что в ряде приведенных примеров в одном емком определении отражены и тембр и сила, а иногда и высота голоса. Так, стальной, могучий, мужественный голос не может быть высоким и тихим, равно как и тонкий голос — низким и громким.

Свойства голоса индивида обуславливаются сочетанием постоянных и переменных факторов. Основными факторами, от которых зависит голос индивида, являются, как очевидно, анатомо-физиологические особенности голосовых связок, размеры и форма резонаторов. На голос отчасти влияет и тип высшей нервной деятельности, о чем упоминалось при описании интенсивности речи. Не возникает никаких сомнений, что голос, как и лицо, наиболее индивидуальные характеристики человека. Все же лица европейцев отличаются от таковых монголоидной или какой-либо другой расы.

Есть основания предположить, что, помимо индивидуальных особенностей голоса, существуют еще и более общие конститутивные, связанные с артикуляционной базой языка, типом ударений, с преобладанием в нем определенных звуков и их сочетаний. Влияние специфики язы-

ка на голос может проявляться, по нашему мнению, как в одной из его составляющих — силе, высоте, тембре, — так и во всех них одновременно. Однако данный вопрос совершенно не изучен.

Подобно тому, как на одном и том же рояле можно исполнять бравурные марши или лирические опусы, играть громко или тихо, отрывисто или кантиленно, в нижнем или верхнем регистрах, так и одни и те же свойства голоса могут по-разному реализоваться при продуцировании речи народов разных языковых групп. Так, говоря на языке, в котором часто употребляются гортанные звуки, едва ли можно придать голосу бархатистую или светло-серебристую окраску. Нельзя, очевидно, ожидать встретить у представителей «щебечущих» восточных языков с музыкальным типом ударения низкий голос могучего звучания.

Некоторым подтверждением выдвинутого предположения являются отдельные встретившиеся в лингвистической и художественной литературе замечания в отношении особенностей продуцирования французской речи. Так, Ф. Бейер считает, что палатализованные звуки придают французской речи «светлый тон»⁸⁴.

А. Франс в одном из своих произведений, давая речевую характеристику «звонкоречивой» незнакомке, делает вывод: «Несомненно, она француженка, потому что самый звук голоса у нее французский. Голос французских женщин самый приятный в мире. Он пленяет иностранцев не менее, чем нас». И далее, желая придать своему заявлению большую весомость, А. Франс приводит аналогичное мнение исторического лица: «В 1483 году Филипп Бергамский сказал об Орлеанской деве: «Речь ее была нежна, как речь ее землячек»⁸⁵.

Вероятно, в образном высказывании М. В. Ломоносова о том, «с кем на каком языке разговаривать подобает», отведенная им французской речи роль в коммуникации также обуславливается ее кантиленной благозвучностью.

Помимо связи голосоведения со спецификой языка, имеются некоторые разрозненные данные, свидетельствующие о влиянии социально-исторических факторов на проявление тех или иных голосовых особенностей.

Так, В. В. Кулешов, исследуя голосовую типизацию английской сценической речи, приходит к выводу о том,

что «для передачи социальной принадлежности героев и их индивидуальных особенностей» актер может прибегать как к речевой, так и голосовой типизации. «Оппозиция 'благозвучный — неблагозвучный' голос семиологически релевантна»⁸⁶.

Русская аристократия XIX века, для которой французский язык был вторым родным языком, проводя речевой барьер между собой и низшими сословиями, придавала голосоведению в русской речи французскую назализацию, подчеркивая этим свою социальную принадлежность. Более того, такую же назализацию, создающую своеобразный «аристократический» тембр голоса, отмечает В. В. Кулешов и в английской сценической речи⁸⁷.

Связь голосоведения с социальным фактором наблюдалась и на Востоке. «Девушки знатных семей получали специальное воспитание. Их учили ходить особой мелкой походкой и говорить тонким, птичьим, щебечущим голосом. Это считалось утонченностью и своеобразием, которое нравилось мужчинам. Для женской речи существовал свой словарь специальных и старинных слов и выражений, которые не употреблялись в мужском разговоре»⁸⁸.

Как видно из вышеприведенного, определенная социальная прослойка Востока искусственно сужала диапазон, снижала силу голоса, изменяла его высоту и тембр.

Среди значимых факторов, влияющих на составляющие голоса, следует также назвать пол и возраст.

А. Франс высказывает точку зрения, что некоторые характеристики голоса связаны даже с внешностью человека. «Только голос женщин, которые красивы или были красивы, нравятся или нравились, может иметь столько приятных модуляций и серебристое звучание, где слышится и смех. Из уст дурнушки польется речь, быть может мелодичнее и слаще, но, конечно, не столь звучная и без такого милого журчания»⁸⁹. Хотя высказанное и спорно, все же отчасти справедливо, так как человек, стесняющийся своей внешности, едва ли будет говорить звучно.

На голос в некоторой степени могут влиять, по нашему мнению, такие переменные факторы, как ситуация общения, отношение к предмету разговора и собеседнику. Так, неоднократно приходилось наблюдать особенно

у женщин изменение высоты и тембра голоса в сторону его повышения и смягчения, некое «мяукание» с целью произвести более приятное впечатление. Это достигается, по всей вероятности, тем, куда посылается звук: «Звук, который 'кладется на зубы' или посылается 'в кость', то есть в череп, приобретает металл и силу. Звуки же, которые попадают в мягкие части неба или в голосовую щель, резонируют, как в вате»⁹⁰.

Голос может на некоторое время меняться под влиянием психологического состояния. При отрицательных эмоциях подавленности, например, изменения проявляются в понижении высоты голоса, уменьшении его силы и в приглушении тембра, что обуславливается, как нам представляется, определенным расслаблением мышц речевых органов.

По голосу можно судить и о состоянии здоровья человека в момент коммуникации. Иллюстрациями к двум последним упомянутым временным факторам, влияющих на голос человека, могут служить такие ходкие выражения, как: говорить упавшим, не своим голосом, голоса не отвести, говорить осипшим, охрипшим голосом.

Когда говорят о голосе, как о наиболее индивидуальной особенности звукового оформления речи человека, в первую очередь имеют в виду тембр. Остановимся на данном компоненте голоса индивида немного подробнее.

В словарных статьях энциклопедий⁹¹ понятие тембр трактуется широко. Под тембром понимают характерную окраску звука (голоса или инструмента), качество, по которому различают звучания одинаковой высоты, силы и длительности друг от друга. Тембр зависит от формы колебаний звука и определяется числом и интенсивностью гармоник (обертонов), так называемым спектральным составом колебания. В образовании тембра низких звуков активно участвуют до 20 и более гармоник, средних — 8—10, высоких — 2—3. Первые 5—6 гармоник придают звуку сочный полный тембр, а гармоники с большими номерами — яркий, резкий тембр.

В противоположность общему определению тембра многие фонетисты тембр трактуют узко, рассматривая его лишь как компонент интонации, выражающий эмоции. Так, Л. Р. Зиндер считает, что «тембр служит только для выражения эмоционального аспекта интонации. Трудно себе представить, какую он мог бы играть

роль для коммуникативного аспекта»⁹². Такого же мнения придерживается и С. Ф. Леонтьева, заявляя, что тембр голоса может выражать отношение говорящего к высказываемому⁹³. В. А. Васильев, разделяя точку зрения предыдущих авторов, все же признает и коммуникативную функцию тембра. Он пишет, что тембр голоса обычно выражает различные эмоции в предложениях, принадлежащих к одному из коммуникативных типов, выражая, к примеру, радость или грусть, гнев, негодование и т. п.⁹⁴. Последние два автора также констатируют, что физическая природа тембра не установлена и тембр как компонент интонации почти не исследован.

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой тембр рассматривается на двух уровнях: на фонемном (сегментном) при определении качества отдельного звука речи и на сверхсегментном — как специфическая окраска речи, придающая ей те или иные экспрессивно-эмоциональные свойства⁹⁵. В последнем случае О. С. Ахманова вычленяет тембр II (тон), что будет рассматриваться нами далее под термином «тон речи».

А. А. Смольевский к просодическому (сверхсегментному) уровню относит также тембровые различия, характеризующие эмоциональную окрашенность произношения при выражении принадлежности фраз к определенному коммуникативному типу. Упомянутый автор отмечает также наличие экстралингвистических аспектов тембра — индивидуальные свойства человеческого голоса, различающиеся по типу голоса (бас — баритон — тенор и т. д.) и по принадлежности его к лицам разного пола и возраста. К факторам, влияющим на тембр, автор относит также состояние здоровья, настроение, обученность оратора или певца, а также общий уровень культуры человека⁹⁶. Тип голоса, влияющий на индивидуальный тембр речи, определяется, в свою очередь, как очевидно, анатомо-физиологическими и нейропсихологическими особенностями индивида. Разнообразие индивидуальных тембров в значительной мере обусловливается строением и функционированием речевого аппарата индивида, его способностью менять величину и форму резонаторов.

Цитируемый автор указывает на связь тембра с другими характеристиками речи. «На уровне воспринимаемых качеств речи тембр выступает в единстве с высотой

основного тона, громкостью, темпом, ритмом, воспринимаемыми паузами, высотными динамическими и темпоральными интервалами, долготой и проч., которым соответствует частота основного тона, интенсивность, общая произносительная энергия, длительность, среднее время звучания слога, физические паузы, частотные, силовые и временные уровни, диапазоны и интервалы, тембру же соответствуют спектры, иначе говоря, обертоновый состав звуков», как упоминалось ранее ⁹⁷.

Наиболее полно и системно, как нам представляется, рассмотрен тембр в монографии Л. К. Цеплитиса. Автор отмечает, что вопросами тембра занимались теоретики публичной речи во второй половине XIX и в начале XX века. В последнее время вопрос о тембре был предан забвению. Языковеды о тембре либо вовсе не упоминали, либо указывали на него очень кратко, без учета данных литературы по ораторскому искусству. Описательные определения тембра словами из повседневной жизни такими, например, как золотой, серебряный, медный и бархатный или темный — светлый, холодный — горячий, твердый — мягкий, узкий — широкий, не всегда ясны с акустической точки зрения.

Критически рассматривая попытку отдельных авторов установить виды тембров, Л. К. Цеплитис, исходя из его функций, выделяет сегментный тембр, которому отводится основная роль в образовании звуков, и суперсегментный тембр. Последний Л. К. Цеплитис подразделяет на асемантический (неинтонационный), представляющий собой конститутивное средство, что позволяет говорить о тембре языка и тембре индивида, и семантический (интонационный), имеющий эмотивное значение ⁹⁸.

В данном исследовании анализируется пять разновидностей неинтонационных суперсегментных тембров, принятых в вокальной педагогике: мягкий, ясный, сочный, резкий и глухой тембры. Проведя экспериментальное исследование по восприятию немецкой иноязычной речи, Л. В. Шилкина установила, что лучше всего воспринимаются голоса средней высоты мягкого, ясного и сочного тембра. Если голос низкий и тембр его глухой, студенты понимают такой голос с трудом. Хуже всего воспринимаются голоса резкого тембра, так как такой голос имеет высокую остроту резонанса и поэтому препятствует восприятию и пониманию ⁹⁹.

Характеризуя тембр голоса, студенты Киевского института театрального искусства выделили все варианты тембра, отмеченные в специальной литературе по вокалу. Положительные характеристики тембра анкетированные определяли такими словами, как: мягко, звонко, сочно. Отрицательным характеристикам тембра голоса соответствовали определения: резко, резковато, глухо, глуховато, приглушенно, несочно.

Когда К. С. Станиславский сравнивает голоса со звучанием музыкальных инструментов, то имеет в виду тембр: «Хороший мужественный голос... мне кажется виолончелью или гобоем. Чистый и высокий женский голос... заставляет меня вспомнить о скрипке или флейте. А низкий грудной звук голоса драматической артистки напоминает мне альт. Густой бас благородного отца звучит фаготом, а голос злодея — тромбоном, который трещит от своей силы и... злости»¹⁰⁰.

То и в лингвистике и теории публичной речи понятие многозначное. В нашем исследовании, рассчитанном на слуховой анализ воспринимаемой речи, под тоном понимается «характер звучания, эмоциональный оттенок голоса, речи»¹⁰¹, что соответствует по классификации Л. К. Цеплитиса, семантическому тембру.

Тон, в котором говорит человек, более, чем какой-либо другой параметр речи, изменчив и обуславливается целым рядом постоянно действующих и временных факторов, а также их взаимодействием. Среди таких факторов, в первую очередь, следует отметить характер человека, социальное положение, воспитание и образование, произносительные привычки индивида, его психическое и физическое состояние в момент разговора, ситуацию общения, отношение к собеседнику, тему разговора. Несмотря на вариативность тона, каждому человеку присущ преобладающий, привычный для него тон, в котором индивид чаще всего общается. Анкетированные отмечают целый ряд градаций тона — положительных, отрицательных, резкоотрицательных, а также на стыке двух упомянутых характеристик. Так, мягкий, спокойный, убедительный, уверенный, доброжелательный тон, безусловно, можно отнести к положительным характеристикам данного параметра. Самоуверенный, самодовольный тон тяготеет к отрицательным характеристикам. Резкоотрицательными характеристиками отмечается вы-

сокомерный, презрительный, наглый, резкий, а также подхалимный тон. На стыке положительных и отрицательных характеристик находится робкий, неубедительный и возвышенный тон.

Тон человека как оттенок речи выступает чаще всего не изолированно, а в единстве с другими лингвистическими, паралингвистическими и экстралингвистическими параметрами. Так, связь лексического наполнения речи с тоном проявляется прежде всего в таком тоне, как высокопарный, нежный, грубый, дерзкий. Кинетика может сопровождать речь в любом тоне, но чаще в более насыщенном положительными или отрицательными эмоциями. Связь тона с паралингвистическими явлениями обнаруживается в его сочетании с манерой держать себя.

Подобно первым аккордам музыкального произведения, еще не зная содержания программируемого собеседником высказывания, тон первых слов настраивает, помогает прогнозировать, будет ли речь идти о чем-то веселом — серьезном, приятном — неприятном, радостном — грустном и т. д. «Раскрытие смысла высказывания, то есть выявление мотивов и побуждений автора, не выраженных явно, осуществляется благодаря способности аудитора улавливать тон... и дифференцировать разнообразные языковые средства по целевой направленности их использования»¹⁰².

Л. К. Цеплитис приводит в качестве примера одну из подробных классификаций тона по семантическим признакам, данную немецким филологом А. Кальмбергом еще в 1885 г. Упомянутый автор различает три группы тона: 1) тон заключения, имеющий «спокойный характер»; 2) эмоциональный тон; 3) волевой тон¹⁰³. Следует заметить, что при таком делении отсутствует единый критерий. Первую группу целесообразнее было бы назвать, по нашему мнению, «нейтральным тоном».

Оттенков эмоционально-волевого тона множество. Можно говорить тоном: убедительным, уверенным, самоуверенным, мягким, робким, нежным, ласковым, вежливым, дружеским, благожелательным, веселым, радостным, восторженным, шутливым, игривым, насмешливым, ироническим, пренебрежительным, грустным, угрюмым, раздосадованным, горьким, сердитым, возмущенным, грубым, наглым, умоляющим и т. п.

При этом преобладающий характерный тон индивида в обычных ситуациях повседневного общения остается. Так, робкий по природе человек не может говорить самоуверенным или убедительным тоном, равно как и самоуверенный индивид не будет говорить робко. Вежливому, воспитанному человеку не присущ наглый, грубый тон, а скептику — восторженный.

Примерами описания тона речи в художественной литературе могут служить нижеприводимые цитаты. Так, А. П. Чехов в «Скучной истории» по поводу преобладающего тона речи своего героя пишет: «Самое характерное в его манере говорить, это постоянно шутливый тон, какая-то помесь философии с балагурством... Он всегда говорит о серьезном, но никогда не говорит серьезно. Суждения его всегда резки, бранчивы, но благодаря мягкому шутливому тону как-то так выходит, что резкость и брань не режут ухо и к ним скоро привыкаешь»¹⁰⁴.

В реплике первой статсдамы герцогини Мальборо из пьесы Э. Скриба «Стакан воды» упоминается необычный для королевы тон, вызванный раздражением: «... Подписывая паспорта, королева, у которой ни одно настроение, даже плохое, не держится долго, сохранила по отношению ко мне тот же, несвойственный ей колкий и сухой тон... В ее голосе звучала ирония, раздражение, какой-то тайный, но неистовый гнев, которому она не дала разразиться»¹⁰⁵.

В романе «Кузнецкий мост» С. Дангулов пишет о присущем Литвинову спокойном уверенном тоне. «Я вас приветствую, господин Гопкинс... обратился он к американцу по-английски со спокойной и покоряющей уверенностью, которая свидетельствовала, что он не испытывает смущения от того, что говорит на чужом языке»¹⁰⁶.

Примером, иллюстрирующим связь тона с лексическим наполнением, со стилем речи может служить монолог Сирано де Бержерака из одноименной пьесы Э. Ростана о величине своего носа. Сирано, подшучивая над своим носом на все лады, прибегал к разному тону: дружескому, любопытному, несмелому, изящному, любезному, озабоченному, предупредительному, нежному, педантичному, тону щеголя, лирическому, наивному, умильному, почтительному, тону деревенскому, военному и практическому¹⁰⁷.

В руководствах по ораторскому искусству даются рекомендации, в каком тоне следует обращаться к аудитории. «Тон, эмоциональность оратора должны соответствовать высказываемой им мысли»¹⁰⁸. «Говорить следует громко, ясно, отчетливо (дикция), немонотонно, по возможности выразительно и просто. В тоне должна быть уверенность, убежденность, сила. Не должно быть учительского тона, противного и ненужного взрослым, скучного — молодежи»¹⁰⁹.

Переходя к рассмотрению частот встречаемости описанных параметров и их комбинаторики, можно предположить, что все анализируемые параметры звукового оформления речи в большей или меньшей степени взаимосвязаны, причем между некоторыми из них корреляция должна быть наиболее тесной.

Проанализируем частоты параметров звукового оформления речи и разные варианты их сочетаемости в трудно- и легковоспринимаемой английской речи * в сопоставлении их с аналогичными данными на материале русского языка.

В параметре д и к ц и и легко различимы три варианта — четкой, средней и невнятной дикции. Как и следовало ожидать, в массивах английской и русской легковоспринимаемой речи полностью отсутствует невнятная дикция. В обоих массивах, особенно английской речи, преобладает четкая дикция (в английской речи — в 80%, в русской — в 54,9% случаев)**. Средняя дикция в английской речи встретилась в наших наблюдениях в два раза реже, чем в русской речи (в 20 и 45,1% соответственно).

В английской легковоспринимаемой речи анкетированные отметили большее (на 25,1%), чем в массиве русской речи, количество случаев четкой, а не средней дикции. Это обусловлено, вероятно, не только некоторым отличием английской артикуляционной базы от русской, но и тем, что слова аналитического языка, в котором имеется значительный процент коротких, односложных слов, легче произносить четко, чем многосложные слова флективного языка.

В трудновоспринимаемой английской, как и русской речи, значительный процент наблюдений относится к невнятной речи. Однако в то время, как в массиве русской трудновоспринимаемой речи невнятная дикция

встретилась в более, чем в половине случаев (в 54%), в массиве английской трудновоспринимаемой речи невнятная дикция отмечалась лишь немногим более, чем в трети наблюдений (в 35%).

Тот факт, что невнятная дикция наблюдалась в массиве английской ТВР реже, чем в русской (на 19%), объясняется теми же причинами, что и превалирование четкой дикции в массиве английской ЛВР (на 25,1% больше в английской, чем в русской речи).

Средняя, как и невнятная, дикция в обоих массивах ТВР наблюдалась в значительном количестве случаев (в английской речи — в 49%, в русской — в 36,2%). Причем в русской речи средняя дикция отмечалась анкетизируемыми реже, чем невнятная (на 17,8%), а в английской речи, наоборот, чаще, чем невнятная (на 14%). Четкая дикция как в английском, так и в русском массивах трудновоспринимаемой речи зафиксирована в сравнительно небольшом проценте случаев (в английской речи — в 16%, в русской — в 9,8%).

Как видно из анализа, в частотах встречаемости аналогичных вариантов параметра дикции в одном и том же массиве английской и русской речи наблюдаются некоторые расхождения. Это относится к распределению частот между четкой и средней дикцией в легковоспринимаемой английской и русской речи, с преобладанием первой в массиве английской ЛВР, и к распределению частот между невнятной и средней дикцией в трудновоспринимаемой речи с преобладанием первой в массиве русской ТВР, что можно объяснить, как уже отмечалось, более трудным для четкости произнесением многосложных слов флективного языка.

Частоты вариантов параметра выразительность (монотонно, умеренно, выразительно) распределились следующим образом. В обоих массивах английской и русской ЛВР утомляющая слушателя монотонность полностью отсутствует. В массивах ТВР данный негативный вариант рассматриваемого параметра превалирует. Причем процент таких наблюдений на материале английского и русского языков почти совпадает (для английского языка 45%, для родного — 46,5%). Как в английской, так и русской легковоспринимаемой речи больше половины наблюдений характеризуется выразительностью речи (для английской речи — 55,3%,

для русской — в 57,7% случаев). В остальных анкетах зарегистрирована умеренно выразительная речь (в 44,7% и 42,3% соответственно).

Умеренно выразительная речь в массиве английской ТВР зафиксирована примерно в третьей части наблюдений (в 32%), в массиве русской ТВР она зарегистрирована немногим более, чем в третьей части анкет (в 38,5%). Выразительная речь в массивах ТВР встретилась, как и следовало ожидать, намного реже двух рассмотренных вариантов анализируемого параметра (в английской речи — в 23%, в русской — в 15% случаев).

Как видно из анализа распределения частот вариантов параметров выразительности речи, при большей почти в два раза выборке на родном языке (174 для ТВР и 326 для ЛВР) процент встречаемости одних и тех же вариантов в легковоспринимаемой английской и русской речи почти совпадает (разница составляет по 2,4%) и существенно не отличается в трудновоспринимаемой английской и русской речи (разница составляет от 1,5% до 8%).

Совпадение данных по параметру выразительности речи в аналогичных массивах английской и русской речи свидетельствует об идентичном оценочном отношении к его вариантам носителей двух рассматриваемых языков.

Варианты параметра эмоциональность, как и параметра выразительности, отражают три градации — от нулевого показателя до проявления изучаемого качества в полной мере (сухо, умеренно эмоционально, эмоционально).

Распределение частот вариантов представляет собой следующую картину. В обоих массивах английской и русской трудновоспринимаемой речи частоты между тремя вариантами эмоциональной насыщенности речи распределились равномерно (в русской речи: «сухо» отмечено в 29,9%, умеренно — в 36,2% и эмоционально — в 33,9%; в английской речи: «сухо» отмечено в 38%, умеренно — в 28% и эмоционально — в 34%). Разница между частотами вариантов в английской речи колеблется в пределах 10%, в русской — в пределах 6,3%. Кроме того, как видно из количественных показателей, частоты одних и тех же вариантов в двух сопоставляемых массивах

вах трудновоспринимаемой английской и русской речи близки между собой (частоты варианта максимальной эмоциональности совпадают, разница составляет 0,1%; частоты вариантов нулевой и умеренной эмоциональности разнятся в пределах 8,2%).

В массиве русской легковоспринимаемой речи частоты вариантов умеренно эмоциональной и эмоциональной речи распределились почти поровну, с незначительным преобладанием последней (умеренно эмоциональная речь — в 49,4% и эмоциональная речь — в 50,3%). В аналогичном массиве английской речи умеренно эмоциональная речь встречается в два с лишним раза чаще эмоциональной речи (умеренно эмоциональная речь — в 65,3% и эмоциональная — в 31,3% случаев).

Вариант рассматриваемого параметра «сухо» в массиве русской ЛВР встретился лишь в одной из 326 анкет (в 0,3%), что можно считать случайностью. В соответствующем массиве английской речи нулевой показатель эмоциональности встретился все же в пяти анкетах из 150 (в 3,5%).

Определенное расхождение в распределении частот вариантов параметра эмоциональность в ЛВР свидетельствует, вероятно, о несколько отличном отношении англичан и русских к оценке вариантов рассматриваемого параметра. При почти одинаковом с носителями русского языка отрицательном отношении к неэмоциональной речи, англичане, которым присущи некоторая чопорность и сдержанность, предпочитают для ЛВР умеренную, а не максимальную эмоциональность. Русские, по данным количественного анализа, примерно одинаково положительно относятся к обоим упомянутым вариантам — эмоциональной и умеренно эмоциональной речи.

Рассмотрим частоты параметра громкость речи, тесно связанной, как представляется, с эмоциональностью. В громкости речи выделяются три наиболее легко различимые на слух варианта — тихо, умеренно громко и громко. Эти варианты по частоте встречаемости распределились в сопоставляемых массивах следующим образом. В легковоспринимаемой английской и русской речи резко превалирует умеренная громкость (зафиксирована примерно в трех четвертях анкет). Причем процент наблюдений в массивах легковоспринимаемой

голосом раздражает, глухой тембр при низком регистре английской и русской речи очень близок (в английской речи — в 71,3%, в русской речи — в 76%). В массиве легковоспринимаемой русской речи наименее часто встречалась тихая речь (в 4%). В соответствующем массиве английской речи тихая речь, хотя и наблюдалась нечасто (в 14,7%), все же она отмечалась анкетлируемыми в значительно большем количестве случаев, чем в русской речи (на 10,7%). Причем в массиве английского языка тихая речь совпадает по количеству наблюдений с громкой (в 14%). В русской ЛВР вариант громкой речи встречается немного чаще (на 6%), чем в английской речи (в 20%).

В сопоставляемых массивах английской и русской трудновоспринимаемой речи наблюдается некоторое расхождение в распределении частот вариантов тихой и громкой речи. В то время, как в массиве русского языка наиболее репрезентативной является группа громкой речи (39,1%), в английской речи зафиксирован наибольший процент наблюдений варианта тихой речи (37%). Причем процент наблюдений русской громкой и английской тихой речи очень близок (разница составляет 2,1%). Процент наблюдений громкой английской и тихой русской речи представляет собой почти зеркальное отображение двух рассмотренных выше показателей (английская громкая речь — 29%, русская тихая речь — 22,9%). Удельный вес наблюдений умеренно громкой речи в обоих массивах ТВР отличается незначительно (в английской речи — 34%, в русской — 38%). Как показала проверка соответствующих анкет по адресам, трудность восприятия здесь обусловлена не умеренной громкостью, представляющей наиболее репрезентативную группу в ЛВР, а другими параметрами речи, в первую очередь — формой выражения мысли и темпо-ритмом.

Из анализа видно, что вариант «громко» в обоих массивах английской речи встречается реже, чем в русской. Вариант «тихо», наоборот, в английской трудно- и легковоспринимаемой речи зафиксирован чаще, чем в русской речи.

Такое явление можно объяснить, как нам представляется, тем же, что и некоторое расхождение между частотами вариантов параметра эмоциональность в английской и русской речи. Наблюдения за речью носителей двух сопоставляемых языков свидетельствуют о том,

36

что русские в своем большинстве говорят привольнее, громче и эмоциональнее англичан, что связано, на наш взгляд, в первую очередь с национальным характером, темпераментом и разным оценочным отношением к степени громкости продуцирования речи.

Рассмотрим распределение частот вариантов параметра логической акцентуации (логических ударений во фразе — много, умеренно, почти отсутствуют).

В массивах легковоспринимаемой английской и русской речи наблюдается аналогичная картина с очень близкими или совпадающими количественными показателями. В данных массивах превалирует вариант умеренного употребления ударений во фразе, составляющий в обоих выборках почти три четверти всех наблюдений (в русской речи — 74,2%, в английской — 71,3%). Результаты остальных наблюдений распределились между двумя вариантами в обоих массивах ЛВР почти поровну (в английской речи: ударений много — в 14,7%, ударения почти отсутствуют в 14%; в русской речи — в 14,1 и 11,7% соответственно). Причем, как следует из приведенных выше цифр, количественные показатели встречаемости одних и тех же вариантов в обоих массивах почти совпадают (разница составляет 0,6, 2,3 и 2,9%).

В массивах трудновоспринимаемой английской и русской речи наиболее частотен (приближается к половине наблюдений) и количественно близок в обоих массивах вариант с почти полным отсутствием логических ударений (в английской речи — 49%, в русской — 42%). Значительное количество случаев с умеренной акцентуацией (в английской речи — 33%, в русской — 37,3%), не обуславливающих трудность восприятия, попало в массивы ТВР из-за сочетания с негативными вариантами других параметров. Довольно весомую, одну пятую часть наблюдений в обоих массивах ТВР, составляет обильная акцентуация (в английской речи 18%, в русской — 20,7%).

Как видно из анализа, распределение частот аналогичных вариантов акцентуации в массивах трудновоспринимаемой английской и русской речи близко между собой, хотя корреляция между ними менее тесная, чем в массивах ЛВР. (Разница между аналогичными вариантами английской и русской ТВР составляет 2,7, 4,3 и 7%).

Интересным представляется отметить тесную взаимосвязь между логически связанными вариантами параметров громкости и акцентуации (громко — обильная акцентуация, умеренно громко — умеренная акцентуация, тихо — логическая акцентуация почти отсутствует). Тесная корреляция наблюдается между частотами сопряженных вариантов двух названных параметров, в первую очередь в массивах легковоспринимаемой русской и особенно английской речи. (Разница в массиве легковоспринимаемой английской речи составляет 0,7, 0,7 и 0%, в соответствующем массиве русской речи — 7,7, 5,9 и 1,8%.) В массивах ТВР почти совпадает процент наблюдений умеренной громкости и умеренной акцентуации (в массиве английской ТВР разница составляет 1%, в массиве русской — 0,7%). Между частотами двух других логически связанных вариантов громкости и акцентуации в массивах трудновоспринимаемой, особенно русской речи, имеются существенные расхождения (в массиве английской ТВР разница составляет 12 и 11%, в массиве русской ТВР — 19,1 и 18,4%).

Проанализируем распределение частот параметра высоты голоса, в котором выделяем различимые на слух любым человеком три варианта: высокий голос, средний и низкий.

В массивах легковоспринимаемой русской и английской речи в подавляющем большинстве случаев отмечалась средняя высота голоса (в русской речи — в 79,8% и в английской речи — в 78%). Причем разница в проценте наблюдений в обоих массивах минимальная (1,8%), несмотря на то, что выборка на материале русского языка в два раза превышает таковую на базе английского. На втором месте по частоте встречаемости в обоих массивах ЛВР, хотя и в значительно меньшем количестве случаев, находится низкий голос (в русской речи — в 13,8% и в английской речи — в 19,3%). Продуцирование речи высоким голосом зарегистрировано особенно в английской речи в незначительном количестве случаев (в русской речи — в 6,4% и в английской речи — в 2,7%).

Таким образом, наиболее характерным для обоих массивов ЛВР является продуцирование речи голосом средней высоты и наименее характерен для данных массивов высокий регистр голоса.

В ТВР на материале обоих языков количество наблюдений средней высоты голоса также превалирует над количеством наблюдений низкого и высокого голоса. Однако средняя высота голоса, встретившаяся в ТВР немногим более, чем в половине случаев (в английской речи — в 55%, в русской — в 65%), фигурирует здесь со значительно меньшей частотой, чем в ЛВР. Как показала проверка соответствующих анкет по адресам, трудность восприятия в данном случае обусловлена не средней высотой голоса, представляющей наиболее репрезентативную группу в ЛВР, а негативными вариантами других параметров. Результаты остальных наблюдений в обоих массивах ТВР распределились между высоким и низким голосом почти равномерно (в русской речи: высокий голос — 16,7%, низкий голос — 18,3%; в английской речи: высокий голос — 23%, низкий голос — 22%). Кроме того, частоты каждой из двух упомянутых выше градаций высоты голоса в русской и английской трудно-воспринимаемой речи существенно не различаются (для низкого голоса разница в количестве наблюдений в английской и русской речи составляет 3,7%, для высокого голоса — 6,3%).

Как видно из приведенного выше анализа, в распределении частот градаций высоты голоса в сопоставляемых массивах трудно- и особенно легковоспринимаемой речи нет существенных различий.

Значительная разница обнаруживается в распределении частот высокого регистра голоса в легко- и трудно-воспринимаемой речи. Если в массивах ТВР высокий голос наблюдался почти так же часто, как и низкий, то в легковоспринимаемой английской и русской речи высокий голос встречался значительно реже, чем низкий (в английской речи — на 20,3%, в русской — на 10,3%). Средний регистр голоса, как упоминалось, в легковоспринимаемой речи обоих исследуемых нами массивов доминирует.

Очевидно, что сама по себе высота голоса не является определяющей в отношении трудности или легкости восприятия речи. Тот же низкий или высокий регистр голоса приобретает положительную или отрицательную весомость только в сочетании с вариантами других параметров звукового оформления речи, в первую очередь тембра и преобладающего тона.

В параметр тембра голоса, как указывалось выше, входят принятые в литературе по вокалу пять вариантов, легко различимых на слух любым непрофессионалом (глухой, резкий, сочный, ясный и мягкий).

В легковоспринимаемой английской и русской речи частоты между разновидностями тембра распределились следующим образом. На первом месте по частоте встречаемости отмечен ясный тембр (в английской речи — в 68%, в русской — в 46,9%). На втором месте зарегистрирован мягкий тембр (в английской речи — в 18,7%, в русской — в 37,8%). Третье место занимает встречающийся реже сочный тембр (в английской речи — в 13,3%, в русской — в 13,8%). Глухой и резкий тембры зарегистрированы в русской речи в единичных случаях (в 0,9 и 0,6% соответственно), в анкетах на материале английской речи они не зафиксированы.

В массивах ТВР в отношении тембров вырисовывается совершенно иная картина. Наиболее репрезентативно в массивах английской и русской речи представлены не характерные для ЛВР глухой и резкий тембры (в английской речи: глухой тембр — в 34% и резкий — в 27%; в русской речи: в 40,2 и в 33,9% соответственно). При этом глухой тембр встречается чаще, чем резкий. На третьем месте по частоте встречаемости находится мягкий тембр, составляющий сравнительно небольшое количество наблюдений в русской речи (12,7%) и вдвое большее в английской речи (26%). Довольно редко встречается в ТВР ясный и сочный тембры (в английской речи: ясный тембр — в 9%, сочный — в 4%; в русской речи: в 8,6 и в 4,6% соответственно).

Таким образом, частоты разновидностей тембров, распределившиеся в трудно- и легковоспринимаемой речи разнопланово, в аналогичных массивах английской и русской речи представляют сходную картину.

Как видно из анализа, в распределении частот в обоих массивах легковоспринимаемой английской и русской речи много общего. В первую очередь, это относится к самой последовательности расположения репрезентативных групп по частотности. Кроме того, количество наблюдений сочного, резкого и глухого тембров в английской и русской легковоспринимаемой речи почти совпадает. Разница между частотой встречаемости в сопоставляемых массивах по каждому из рассмотренных тембров

составляет менее 1% наблюдений (0,5, 0,6 и 0,9% соответственно). Существенные расхождения наблюдаются в частоте встречаемости ясного и мягкого тембров. В то время, как ясный тембр в английской легковоспринимаемой речи отмечается значительно чаще, чем в русской (на 21,1%), мягкий тембр, наоборот, встречается в английской речи значительно реже (на 19,1%).

В сопоставляемых массивах английской и русской ТВР большая схожесть наблюдается в распределении частот всех разновидностей тембров. Количество наблюдений наименее репрезентативных в данных массивах сочного и ясного тембров почти совпадают. (Разница составляет 0,6 и 0,4% соответственно). Разница между частотой встречаемости в обоих массивах ТВР наиболее репрезентативных групп глухого и резкого тембров также незначительна (6,2 и 6,9% соответственно). Наибольшее, хотя и несущественное, расхождение имеет место в частотах мягкого тембра двух массивов. В английской трудновоспринимаемой речи мягкий тембр фиксировался чаще, чем в русской речи (на 13,3%).

В легковоспринимаемой английской речи мягкий тембр встретился в два раза реже, чем в русской, а в ТВР в два раза чаще, чем в русской речи. Это свидетельствует, вероятно, о разном оценочном отношении носителей сопоставляемых языков к данной разновидности тембра.

Следующий рассматриваемый параметр звукового оформления — преобладающий тон (эмоциональный оттенок) речи, характерный для индивида в обычной обстановке повседневного общения.

В анкеты закрытого типа были включены такие часто встречающиеся варианты тона, как: убедительный, самоуверенный, спокойный, мягкий и робкий. Анкетирваемым предлагалось при необходимости дополнить список каким-то другим преобладающим тоном, присущим индивиду, речь которого характеризовалась. (В легковоспринимаемой русской речи список был дополнен в 6 анкетах, в массиве легковоспринимаемой английской речи дополнений не зафиксировано; в трудновоспринимаемой русской речи дополнено 15 анкет, в соответствующем массиве английской речи — 5). Большинство дополнений в обоих массивах непосредственно примыкает к выделенным. Например, в массиве ЛВР анкетирваемыми отмечены такие варианты тона, как: вежливый, доброжелатель-

ный, любезный входят в понятие «мягкий». Варианты «решительный», «внушительный» очень близки к убедительному тону. В ТВР дополненные варианты: «нахальный», «властный», стыкуются с внесенным в анкеты вариантом «самоуверенный» и т. д.

В массивах ЛВР наиболее частотным является убедительный тон (в английской речи — 52%, в русской — 41,0%). На втором месте по частоте встречаемости отмечен спокойный тон. В русской речи он наблюдается с частотой, близкой убедительному, в английской — в два раза реже (в 32,2 и в 16,7% соответственно). Затем по убыванию частоты расположен в обоих массивах ЛВР мягкий тон (в английской речи — в 15,3%, в русской речи — в 9,8%). Немногочисленные группы в обоих массивах составляют варианты самоуверенного и робкого тона (самоуверенный тон в английской речи — 13,3%, в русской — 6,2%; робкий тон в английской речи — 2,7%, в русской — 2,8%). Разрозненные дополненные анкетизируемыми варианты преобладающего тона, объединенные при машинной обработке в рубрику «какой-то другой тон», в русской легковоспринимаемой речи зарегистрированы в единичных случаях (в 1,9%), в английской речи в анкеты не внесены.

В массивах ТВР наиболее частотным оказался самоуверенный тон, встретившийся в близком количестве наблюдений в русской и английской речи (в 41,1 и в 35% соответственно). В распределении частот спокойного и убедительного тона в массивах английской и русской речи наблюдается некоторая перекрестная асимметрия. В массиве русской речи на втором месте по частоте встречаемости, хотя и в два раза реже, чем самоуверенный тон, находился спокойный тон (в 20,1%). В соответствующем массиве английской речи спокойный тон фиксировался реже, чем в русской (в 10%). На втором месте по частоте в массиве английской речи отмечен убедительный тон (в 21%), в массиве русской речи он регистрировался немного реже (в 14,4%). Причем частота встречаемости спокойного тона в русской речи почти совпадает со встречаемостью убедительного тона в английской (разница составляет 0,9%). Процент наблюдений спокойного тона в английской речи близок к проценту наблюдений убедительного тона в русской речи (разница составляет 4,4%). Однако описанное выше некоторое

расхождение в частотах двух вариантов тона количественно несущественно. Оно несущественно и качественно, поскольку спокойный и убедительный тоны, характерные для легковоспринимаемой речи, попали в массив ТВР, как показала проверка соответствующих анкет по адресам, из-за сочетания с негативными вариантами других параметров.

Мягкий тон наблюдался в английской трудновоспринимаемой речи чаще, чем в русской (на 7,2%, в английской речи — в 17%, в русской — в 9,2%), и немного чаще, чем в соответствующих массивах английской и русской легковоспринимаемой речи (на 1,7 и на 3% соответственно).

Робкий тон, хотя и встречался в ТВР в сравнительно небольшом количестве наблюдений (в английской речи — в 12%, в русской — в 6,3%), он все же в данном массиве более репрезентативен, чем в ЛВР (в русской трудновоспринимаемой речи наблюдался в два раза, в английской — в 4 раза чаще). Вариант «какой-то другой тон» в ТВР также более репрезентативен, чем в ЛВР (в английской речи он наблюдался в 5%, в русской — в 8,6%).

Из анализа видно, что в распределении частот вариантов преобладающего тона в сопоставляемых массивах значительных расхождений не имеется. Исключение составляет распределение частот спокойного тона, который в английской легковоспринимаемой речи наблюдался в два раза реже, чем в русской, за счет того, что убедительный и мягкий тон в английской легковоспринимаемой речи встречались немного чаще, чем в русской (на 7,1 и на 5,5% соответственно). Аналогичное определенное расхождение в распределении частот спокойного тона отмечено и в сопоставляемых массивах ТВР (в английской речи на 10,1% меньше, чем в русской), что свидетельствует об общем меньшем количестве встречаемости спокойного тона в обоих массивах английской речи за счет большего количества наблюдений убедительного и мягкого тона.

Последний рассматриваемый параметр звукового оформления — дефекты речи — включает два варианта: наличие или отсутствие таковых. В обоих массивах ЛВР дефекты речи зарегистрированы лишь в единичных случаях (в английской речи — в 1,3% и в русской

речи — в 3,4%). В подавляющем большинстве наблюдений дефекты речи отсутствуют (в английской речи — в 98,7% и в русской речи — в 96,6%).

В массивах ТВР дефекты были зарегистрированы чаще (в английской речи — в 11% и в русской речи — в 13% случаев), но все же они не составили значительно количества наблюдений. И в данных массивах, как и в ЛВР, превалирует речь, лишенная дефектов (в английской речи — в 89%, в русской — в 86,2%).

Как видно из анализа, частоты вариантов рассматриваемого параметра в сопоставляемых массивах распределились аналогично. (В массивах легковоспринимаемой английской и русской речи разница между частотой встречаемости соответствующих вариантов составляет по 2,1%, в массивах трудновоспринимаемой речи — 2,8 и 2%).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что трудность восприятия речи может обуславливаться сочетанием целого ряда негативных вариантов разных параметров и без наличия явных дефектов речи говорящего. В ЛВР все же попало несколько наблюдений с зарегистрированными дефектами речи. Это показывает, что не все дефекты речи затрудняют восприятие, утомляют слушающего.

Суммируя результаты сопоставления распределения частот вариантов отдельных параметров звукового оформления в массивах легко- и трудновоспринимаемой речи, можно прийти к выводу о том, что в аналогичных массивах английской и русской речи наблюдается в общем большое сходство. Некоторые расхождения имели место лишь в распределении частот отдельных вариантов таких параметров, как дикция, эмоциональность и в меньшей мере громкость и преобладающий тон.

Рассмотренные частоты вариантов отдельных параметров в определенной степени проливают свет на причину трудности или легкости восприятия речи. Однако исследуемые закономерности более полно раскрываются лишь при анализе комбинаций параметров.

Первые пункты анкеты, как упоминалось, дают ответ в отношении восприятия характеризуемой речи определенного индивида в целом. Эти пункты включают два вопроса: 1) как воспринимается речь (легко, обычно, трудно) и 2) не утомляет ли она слушателя (да, нет).

В сочетании двух первых указанных параметров в массивах легковоспринимаемой речи наблюдается следующее. В массиве русской речи превалирует легковоспринимаемая речь, не утомляющая слушателя (в 69%). В данном массиве также частотно представлена обычно-воспринимаемая речь, не утомляющая слушателя (в 30,9%), по существу почти не отличающаяся от первой комбинации. В аналогичном массиве английской речи во всех 100% наблюдений отмечено сочетание легковоспринимаемой не утомляющей слушателя речи. Имеющиеся количественные расхождения в распределении частот выделенных сочетаний посят лишь формальный характер и на качество восприятия речи не влияют.

В массиве трудновоспринимаемой речи большую часть наблюдений составляет трудновоспринимаемая, утомляющая слушателя речь (в русской речи — 74,7%, в английской — 60%). В остальных анкетах обоих массивов характеризуется обычная, но утомляющая слушателя речь (в русской речи — в 25,3%, в английской — 40%). В массиве ТВР частоты сочетаний в принципе распределились без существенных расхождений, особенно если учитывать, что оба наблюдавшихся сочетания качественно близки между собой. Основным критерием обоих сочетаний является констатация: утомляет ли речь слушателя или же нет.

При рассмотрении сочетания вариантов параметров дикции и выразительности складывается следующая картина. В массиве русской ЛВР встретилось четыре варианта сочетаний, все из которых частотны, в сопоставляемом массиве английской речи — пять вариантов при четырех частотных. В массиве трудновоспринимаемой английской речи встретилось девять вариантов сочетаний, пять из которых частотны, в аналогичном массиве русской речи наблюдалось такое же количество вариантов сочетаний при четырех частотных. Очевидно, что число вариантов сочетаний в однородных массивах английской и русской речи близко или совпадает.

В обоих массивах ЛВР наиболее частотным, как и следовало ожидать, оказалось сочетание четкой дикции с выразительностью речи (в английской речи — 49,3%, в русской — 39,3%). На втором месте располагается сочетание четкой дикции с умеренной выразительностью

(в английской речи — 30,6%, в русской — 26,7%). На третьем месте — средняя дикция с оптимальной выразительностью (в английской речи — 14%, в русской — 18,4%) и на четвертом — сочетание средней дикции с умеренной выразительностью (в английской речи — 5,3%, в русской — 15,6%).

Таким образом, в ЛВР полностью отсутствуют такие негативные варианты, как невнятность и монотонность.

В обоих массивах ТВР наиболее трудным и частотным является сочетание невнятной дикции с монотонностью речи (в английской речи — 22%, в русской — 27%). Далее сочетания вариантов дикции и выразительности по частотности располагаются в логической последовательности. Второе место занимает сочетание невнятной дикции с умеренной выразительностью (в английской речи — 21%, в русской — 23,5%), третье место — сочетание средней дикции с монотонностью речи (в английской речи — 18%, в русской — 18,9%), четвертое — сочетание средней дикции с умеренной выразительностью (в английской речи — 13%, в русской — 13,2%). Последнее сочетание само по себе не затрудняет восприятия речи и попало в массив ТВР из-за негативных вариантов других параметров. Это относится и к пятому репрезентативному только в английской ТВР сочетанию средней дикции с оптимальной выразительностью (13%).

Итак, как видно из анализа сочетаемости вариантов параметров дикции и выразительности в обоих массивах английской и русской легковоспринимаемой речи, последовательность расположения репрезентативных сочетаний совпадает. Нет существенных различий и в частоте встречаемости выделившихся сочетаний. (Разница в частоте встречаемости указанных сочетаний в английской и русской речи колеблется в пределах от 3,9 до 10,3%). Наиболее близкими по частоте встречаемости оказались сочетания четкой дикции с умеренной выразительностью и средней дикции с оптимальной выразительностью (разница составляет 3,9 и 4,4% соответственно). Немного чаще в английской, чем в русской речи (на 10%), наблюдалось сочетание четкой дикции с оптимальной выразительностью и почти настолько же реже (на 10,3%) встретилось в английской речи по сравнению с русской сочетание средней дикции с умеренной выразительностью.

В массивах ТВР также наблюдается совпадение последовательности расположения репрезентативных сочетаний по частоте наблюдений. Разница между количеством наблюдений аналогичных вариантов сочетаний в массивах английской и русской речи здесь еще меньшая (от 0,2 до 5%), чем в массивах ЛВР. Единственным небольшим расхождением является наличие в массиве английской трудновоспринимаемой речи репрезентативного сочетания средней дикции с оптимальной выразительностью, которое, как отмечалось, само по себе трудности восприятия не вызывает.

Проведенный анализ сочетаемости вариантов параметров дикции и выразительности свидетельствуют также о том, что в обоих массивах ЛВР наиболее частотны сочетания выразительной или умеренно выразительной речи с четкой дикцией. Наиболее частотным в массивах ТВР является сочетание монотонности с невнятной дикцией. Такое сочетание, как очевидно, чаще всего является основной причиной трудности восприятия речи индивида в целом. Плохо воспринимается и невнятная дикция при умеренной выразительности. Монотонность сама по себе даже при средней дикции утомляет слушателя.

При добавлении в рассмотренное сочетание вариантов параметров дикции и выразительности двух показателей качества восприятия (как воспринимается речь и не утомляет ли она слушателя) получены следующие результаты. На материале английского языка в массиве ЛВР встретилось пять вариантов комбинаций, из которых четыре частотны. В том же массиве русской речи встретилось восемь вариантов сочетаний. Все они частотны. В обоих массивах ТВР наблюдалось по 14 вариантов при 7 частотных. Как видно, число вариантов сочетаний в однородных массивах английской и русской речи близко или совпадает. В русской ЛВР число вариантов несколько больше, что можно отнести, вероятно, за счет значительно большей выборки на материале русского языка.

В обоих массивах ЛВР наиболее многочисленную группу наблюдений составляет легковоспринимаемая, не утомляющая слушающего выразительная речь, характеризующаяся четкой дикцией (в английской речи — 49,3%, в русской — 34,3%). Вторая по частотности группа в английской и русской речи отличается от предыду-

щей по одному параметру — ей свойственна умеренная выразительность речи (в английской речи — 30,6%, в русской — 15,6%). Третья по частотности группа в обоих массивах отличается от первой также по одному параметру, в данном случае по дикции. Этой группе вместо четкой присуща средняя дикция (в английской речи — 14%, в русской — 12,8%). Четвертое и пятое место в массиве русской легковоспринимаемой речи занимают две группы, частота встречаемости которых в наших наблюдениях полностью совпала (по 11%). Обе группы характеризуются средней дикцией, умеренной выразительностью речи, не утомляющей слушателя. Различаются они между собой лишь тем, что в одном случае речь воспринимается легко, в другом — обычно, что по сути не принципиально. Последняя четвертая репрезентативная группа в массиве английской легковоспринимаемой речи (5,3%) совпадает по сочетанию вариантов параметров с пятой группой аналогичного массива русской речи. Последние три сочетания массива ЛВР менее репрезентативны по сравнению с предыдущими. Они близки между собой по частоте и разнятся по одному из параметров — по дикции или по выразительности. При обычной не утомляющей слушателя речи данные индивиды говорят либо выразительно со средней дикцией (в 5,8%), либо выразительно с четкой дикцией (в 4,9%), либо умеренно выразительно с четкой дикцией (в 4,6%).

Рассмотрим анализируемую комбинацию параметров в массивах ТВР. В сопоставляемых массивах наиболее многочисленную группу, близкую по частоте встречаемости в английской и русской речи, представляет трудно-воспринимаемая, утомляющая слушателя невнятная монотонная речь (в английской речи — 21%, в русской — 26%). Вторая по частотности группа в обоих массивах отличается от первой тем, что в ней при той же невнятности наблюдается вместо монотонности умеренная выразительность (в английской речи — 11%, в русской — 22,9%). Разница в частоте встречаемости в обоих массивах умеренная, с преобладанием количества наблюдений данного сочетания в массиве русской речи (на 11,9%). Третье сочетание почти совпадает по количеству наблюдений в обоих массивах (в английской речи — 11%, в русской — 12%). От первого сочетания оно отличается по параметру дикции. При монотонности в нем наблюдает-

ся вместо невинтной средняя дикция. Четвертое сочетание, также близкое по частоте встречаемости в обоих массивах (в английской речи — 10%, в русской — 7,5%), отличается от предыдущего по первому показателю. В данном сочетании монотонная со средней дикцией речь, хотя и воспринимается обычно, но утомляет слушателя. Помимо описанных, в массивах ТВР встретилось еще по три репрезентативных сочетания, совпадающих или близких по частоте между собой в одном и том же и обоих массивах (в английской речи — 10, 10 и 7%, в русской — 6,9, 6,9 и 6,3% случаев соответственно). В упомянутых сочетаниях при четкой или средней дикции в сочетании с оптимальной или средней выразительностью наблюдалась утомляемость при обычно- или трудновоспринимаемой речи. Проверка соответствующих анкет по адресам показала, что утомляемость и трудность восприятия в данных сочетаниях обусловлены не звуковым оформлением, а негативными характеристиками других параметров, чаще всего синтаксическим оформлением речи и формой выражения мысли.

Итак, как видно из сопоставительного анализа сочетаемости вариантов первых четырех параметров, в массивах английской и русской легковоспринимаемой речи основные наиболее частотные три сочетания совпали по порядку их расположения по частоте встречаемости. Основным внешним различием сопоставляемых массивов является большая дробность в сочетаниях русской ЛВР, а отсюда и меньшая частотность каждой группы. Однако при более пристальном рассмотрении обнаруживается следующее. Большее количество групп в массиве русской ЛВР обусловлено тем, что анкетлируемые относили аналогичные сочетания то к легко-, то к обычновоспринимаемой речи, что по существу не принципиально. В массиве английской ЛВР анкетлируемые все сочетания маркировали, как легковоспринимаемые, что дало большую концентрацию частот вокруг определенных вариантов стержневых параметров дикции и выразительности и, соответственно, в два раза меньшее количество сочетаний, чем в массиве русского языка.

Если в массиве русской речи, не дифференцируя первых малоотличающихся друг от друга показателей «легко» или «обычно», объединить попарно совпадающие по второму, третьему и четвертому параметрам группы (1 и

7, 2 и 8, 3 и 6, 4 и 5), то получим следующие результаты. Число наблюдаемых сочетаний в массивах английской и русской речи будет уравнено. Разница в частотах по трем из четырех групп (при суммарном сопоставлении сочетаний в русской ЛВР) умеренная (по группам соответственно — 10,1, 10,4 и 4,6%).

Таким образом, в сопоставляемых массивах английской и русской ЛВР в отношении рассмотренных сочетаний в общем наблюдается сходство. Однако значительное различие между ними состоит в том, что сочетаний с четкой дикцией за счет средней в массиве английской речи суммарно больше (на 20,5%), чем в массиве русской речи.

В массивах английской и русской ТВР в последовательности расположения анализируемых сочетаний и в частоте встречаемости каждого из них наблюдается еще большее сходство, чем в массивах ЛВР. Разница в частоте встречаемости аналогичных сочетаний в обоих массивах за исключением второго сочетания (в английской речи на 11,9% меньше) невелика (в первом сочетании — 5%, в третьем — 1%, в четвертом — 2,5%, в пятом и шестом по 3,1%, в седьмом — 0,7%). Значительным расхождением, по нашему мнению, является то, что в массиве русской трудновоспринимаемой речи невнятная речь суммарно (в двух сочетаниях) наблюдалась чаще, чем в английской (на 16,9%).

Сопоставительный анализ также показал, что в последовательности и распределении частот вариантов сочетаний рассмотренных выше первых четырех параметров анкеты наблюдается такое же положение, что и в предыдущем сочетании дикции и выразительности изолированно. Кроме того, большее количество сочетаний вариантов четырех параметров дало возможность также проследить в репрезентативных и малочастотных сочетаниях легко- и трудновоспринимаемой английской и русской речи определенные закономерности в сочетаемости вариантов параметров дикции и выразительности.

Средняя дикция имеет наибольший диапазон комбинаторики. Она сочетается с любой степенью выразительности — с умеренной, оптимальной или нулевой — монотонностью. Четкая дикция коррелируется с оптимальной или умеренной выразительностью, невнятная дикция — с монотонностью или умеренной выразитель-

ностью. Как очевидно, четкая дикция не сочетается с монотонностью, равно как и невнятная дикция — с выразительностью речи.

Выразительность не сочетается с невнятной, а только с четкой или средней дикцией. Монотонная речь не совместима с четкой ясной дикцией, а встречается лишь в комбинации с невнятной или средней дикцией. Умеренная выразительность как срединный вариант параметра сочетается с любой дикцией — четкой, средней или невнятной.

Рассмотрим сочетания вариантов двух следующих взаимосвязанных параметров звукового оформления речи — эмоциональности и громкости.

В массиве легковоспринимаемой английской речи встретилось девять вариантов сочетаний, пять из которых частотны, в соответствующем массиве русской речи — семь вариантов при четырех частотных. В массиве трудновоспринимаемой английской речи наблюдалось восемь вариантов комбинаций при шести частотных и в трудновоспринимаемой русской речи — девять вариантов при семи частотных. Таким образом, в количестве сочетаний в однородных массивах английской и русской речи нет значительных различий.

В легковоспринимаемой английской речи доминирующим сочетанием, встретившимся почти в половине наблюдений (в 49,3%), является сочетание умеренной эмоциональности и умеренной громкости. Аналогичная картина наблюдается и на материале русского языка (в 42,6% случаев). Как видно, количественная разница встречаемости данного сочетания на материале двух сопоставляемых разноязычных массивов невелика (6,7%). Вторые по частотности группы в массивах ЛВР также совпадают. В них представлена сочетаемость эмоциональности с умеренной громкостью (в английской речи — в 21,3% случаев, в русской — в 33,1%). Разница в количестве наблюдений в сопоставляемых массивах умеренная (11,8%). Третье сочетание в английской ЛВР — умеренно эмоционально и тихо (в 10%) в массиве русской речи зафиксировано лишь среди малочастотных (в 2,1% случаев). Далее имеет место совпадение сочетаемости вариантов в обоих массивах со смещением на одно сочетание в массиве русской речи. Четвертое по час-

тотности сочетание английской речи соответствует третьему в массиве русской речи, пятое — четвертому. Первое из них характеризуется комбинацией эмоциональности с громкостью речи (в английской речи — 6,6% случаев, в русской — 15,3%), второе — умеренной эмоциональностью с той же громкостью (в английской речи — 6% случаев, в русской — 4,6%). Как видно из анализа, в обоих массивах наблюдалось по два сочетания с громкой речью, однако количество наблюдений с данным вариантом параметра в массиве русской речи немного больше, чем в английской (на 7,3%). Кроме того, в массиве русской речи среди частотных не наблюдалось сочетаний с тихой речью (в английской речи — 15 сочетаний — 10%).

В обоих массивах трудновоспринимаемой английской и русской речи первым наиболее частотным, обычно утомляющим слушателя, сочетанием является комбинация одинаковых по максимальной интенсивности вариантов анализируемых параметров — эмоционально и громко. Данное сочетание в обоих массивах совпадает и количественно (в английской речи — 25%, в русской — 24,1%). На втором месте по частотности в массиве английской ТВР находится сочетание «сухо» и «тихо», полностью отсутствующее в массивах ЛВР. Оно близко по количеству наблюдений первому контрастирующему сочетанию «эмоционально» и «громко». Данное сочетание «сухо» и «тихо» в массиве русской речи по частоте наблюдений занимает четвертое место и фиксировалось в два раза реже, чем в английской речи (в английской речи — в 21%, в русской — в 10,3%). Третье сочетание массива английской речи отличается от предыдущего по параметру громкости. В нем при той же сухости речи наблюдается умеренная громкость. Данное сочетание, аналогичное сочетанию в массиве русской речи, совпадает с ним по частоте наблюдений (в английской речи — 17%, в русской — 17,2% случаев). Четвертое сочетание английской речи отличается от второго по первому параметру. При минимальной громкости в нем наблюдается умеренная эмоциональность. Данное сочетание соответствует пятому сочетанию в массиве русской речи и встречается в нем немного реже (на 5,2%), чем в английской речи (в английской речи — в 15%, в русской — в 9,8%). Пятое сочетание английской речи соответствует третье-

му в массиве русской и близко с ним по частотности (в английской речи — 9%, в русской — 13,8% случаев). Оно характеризуется умеренными вариантами анализируемых параметров и является наиболее частотным в массиве ЛВР. Как показала проверка соответствующих анкет по адресам, данные анкеты с упомянутым сочетанием попали в массив ТВР по негативным характеристикам других параметров. Кроме перечисленных, в массиве русской ТВР встретилось с близкой частотой еще два сочетания, наблюдавшихся также и в ЛВР: сочетание умеренной эмоциональности с громкостью речи (в 8,6% случаев) и эмоциональности с умеренной громкостью (в 8%). Соответствующие сочетания в английской ТВР наблюдались как малочастотные (по 4%).

Таким образом, проведенный сопоставительный анализ сочетаемости вариантов двух параметров — эмоциональности и громкости — показал следующее. В английской и русской ЛВР в порядке расположения частотных сочетаний и в количестве наблюдений аналогичных сочетаний в обоих массивах принципиальных расхождений не наблюдается. Некоторым различием является то, что в сочетаниях массива русской речи отмечено немного большее количество наблюдений с громкой речью. В английской речи, как уже говорилось, среди репрезентативных встретилось сочетание с тихой речью, тогда как в русской речи такое сочетание среди частотных не представлено.

В сопоставляемых массивах трудновоспринимаемой английской и русской речи наблюдались как сходные, так и отличные друг от друга явления. Сходным является совпадение процента наблюдений в обоих массивах первого наиболее частотного сочетания с максимальной эмоциональностью и громкостью речи. Аналогичным является и то, что в обоих массивах наблюдалось по пять одинаковых вариантов сочетаний, четыре из которых очень близки по частотности наблюдений (разница составляет 0,9, 0,2, 5,2 и 4,8%). Разница в количестве наблюдений пятого из упомянутых сочетаний («сухо» и «тихо») — умеренная (на 10,7% больше в массиве английской речи). К отличительным признакам сопоставляемых массивов относится последовательность расположения репрезентативных групп, где все, кроме первой, идет в двух массивах с небольшим смещением. Кроме

того, в массиве английской речи наблюдалось две, а в русской речи одна группа, не представленные среди репрезентативных в сопоставляемых массивах. Различие составляет и меньшее количество сочетаний с минимальной громкостью в массиве русской речи по сравнению с английской (в английской речи — три сочетания, в русской — два, суммарно в английской речи количество наблюдений с тихой речью на 20,9% больше, чем в русской).

Некоторые указанные выше расхождения объясняются, как ранее отмечалось, в определенной мере различным оценочным отношением носителей двух языков к вариантам максимальной и минимальной интенсивности параметров эмоциональности и громкости.

Вне зависимости от массивов проведенный анализ сочетаемости вариантов параметров эмоциональности и громкости вскрывает следующие закономерности. Срединные варианты сочетаются с любыми вариантами сопряженного параметра. При умеренной эмоциональности можно говорить тихо, умеренно громко и громко. И наоборот, при умеренной громкости можно говорить сухо, умеренно эмоционально и эмоционально. В обоих массивах сочетаются либо варианты одной и той же интенсивности (максимальной, умеренной или минимальной), либо смежные (срединный с одним из крайних). Среди частотных не встречалось сочетаний двух диаметрально противоположных вариантов. Однако в сочетании анализируемых параметров среди малочастотных встретились такие сочетания диаметрально противоположных вариантов, как «сухо» и «громко», «эмоционально» и «тихо».

Проанализировав сочетание вариантов двух параметров — эмоциональности и громкости — изолированно, рассмотрим данные параметры в комбинации еще с одним параметром звукового оформления — с выразительностью.

В массиве английской ЛВР встретилось 16 вариантов, 4 из которых частотны, в аналогичном массиве русской речи — 13 вариантов при 5 частотных. В массиве английской ТВР наблюдалось 17 вариантов комбинаций при 7 частотных и в русской ТВР — 19 вариантов при 8 частотных. Как очевидно, количество сочетаний в однородных массивах английской и русской речи близкое.

В обоих массивах английской и русской ЛВР наиболее многочисленную группу составляет сочетание трех срединных вариантов — умеренно выразительно, умеренно эмоционально и умеренно громко. Причем количество наблюдений в обоих массивах совпадает (в английской речи — 25,3% случаев, в русской — 25,1%). Вторые по частотности группы в легковоспринимаемой английской и русской речи не совпадают. В массиве английской речи такой группой является сочетание выразительной, умеренно эмоциональной и умеренно громкой речи (24% случаев). В массиве русской речи такое сочетание встречалось реже (на 6,2%, в 17,8%) и стоит на третьем месте по убыванию частоты в сочетаниях данного массива. В массиве русской легковоспринимаемой речи вторым по частоте является сочетание выразительности, эмоциональности с умеренной громкостью речи (в 24,8%). Аналогичное сочетание в массиве английской речи стоит на третьем месте по частоте встречаемости и наблюдалось немного реже, чем в русской речи (на 5,5%, в 19,3%). Следует также отметить, что количество наблюдений во вторых группах обоих массивов почти совпадает (разница — 0,8%). Количество наблюдений в них совпадает или близко по частотности и с первыми группами (разница в массиве русской речи — 0,3%, в английской — 1,3%).

Четвертое последнее рпрезентативное сочетание массива английской ЛВР, характеризующее умеренно выразительную, умеренно эмоциональную тихую речь (6% случаев), в аналогичном массиве русской речи представлено лишь среди малочастотных (1,8%). Четвертое по частоте встречаемости сочетание в массиве русской речи противоположно по интенсивности проявляемых качеств четвертому сочетанию в аналогичном массиве английской речи. Характеризуя выразительную, эмоциональную громкую речь, данное сочетание массива русской речи (11,7% случаев) встретилось в английской ЛВР среди малочастотных (в 4%). Данное сочетание, наблюдаемое и в массивах ТВР, является пограничным и имеет в себе положительные и отрицательные характеристики. Восприятие такой речи зависит от степени проявления интенсивности упомянутых вариантов, от психофизиологических особенностей аудитора и от сочетания данных вариантов анализируемых параметров

с вариантами других параметров, которые могут нейтрализовать или усугублять отрицательное воздействие такой речи на слушателя. Последнее пятое репрезентативное сочетание русской речи — умеренно выразительно, эмоционально и умеренно громко (в 7,9%) в массиве английской ЛВР среди частотных не наблюдалось.

В сопоставляемых массивах английской и русской ТВР среди репрезентативных зафиксированы одни и те же варианты сочетаний за исключением седьмого сочетания в русской речи. Однако в порядке следования в соответствии с частотой их встречаемости группы не совпадают и, следовательно, расположены в сопоставляемых массивах с определенным сдвигом. Первой наиболее частотной в массиве английской ТВР соответствует четвертая группа в массиве русской речи. Данная группа, характеризующаяся сочетанием трех вариантов максимальной интенсивности (выразительно, эмоционально и громко), наблюдается в английской речи в два раза чаще (на 10,8%), чем в русской (в английской речи — в 20%, в русской — в 9,2% случаев). Первая группа в массиве русской речи отличается от рассмотренной лишь вариантом первого параметра. При эмоциональности и громкости ей присуща не максимальная, а умеренная выразительность. В массиве русской речи данное сочетание наблюдалось в три раза чаще (на 10%), чем в английской речи, где оно представлено по порядку расположения групп шестым. Как видно из описанного, суммарно в частоте наблюдений двух качественно близких между собой групп, происходит определенная количественная компенсация, уравнивание в отношении частоты их встречаемости в обоих массивах. Второе по частотности сочетание в массиве английской ТВР, диаметрально противоположное первому, характеризуется монотонной сухой и тихой речью. В массиве русской речи ему соответствует пятое сочетание. Разница в частоте наблюдений анализируемого сочетания в сопоставляемых массивах умеренная (в английской речи — на 7% больше, в английской речи — 15%, в русской — 8% случаев).

Третье и четвертое сочетания массива английской речи близки ко второму и отличаются от него по варианту одного из параметров. Так, в третьем сочетании вместо тихой наблюдается умеренная громкость речи при той

же монотонности и сухости, в четвертом при монотонной и тихой речи вместо сухой наблюдается умеренно эмоциональная речь. В массиве русской ЛВР данным сочетаниям соответствуют второе и шестое, близкие по частоте наблюдений аналогичным сочетаниям в английской речи (в английской речи третье и четвертое сочетания — в 13 и 11%, в русской речи аналогичные сочетания — в 10,9% и в 7,5% случаев соответственно). Как очевидно, разница в частоте наблюдаемости двух описанных сочетаний в сопоставляемых массивах невелика (2,1 и 3,5%). Пятая по частотности группа массива английской речи, примыкающая к предыдущим стержневым негативным вариантам первого параметра — монотонностью, характеризуется сочетанием ее с такими положительными вариантами двух других параметров — умеренной эмоциональностью и умеренной громкостью. Данному сочетанию соответствует в массиве русской речи третье сочетание (в английской речи — 5%, в русской — 10,3%). Причем разница в частоте встречаемости данного сочетания в сопоставляемых массивах, как и большинства предыдущих сочетаний, сравнительно невелика (5,3%). Последним седьмым репрезентативным сочетанием в массиве английской речи является сочетание трех вариантов умеренной интенсивности (умеренно выразительно, умеренно эмоционально, умеренно громко), наиболее частотное для массивов ЛВР. Как показала проверка соответствующих анкет по адресам, данное сочетание попало в массивы ТВР по негативным вариантам других параметров. Частота наблюдений данной группы совпадает с таковой соответствующей восьмой наименее частотной группы массива русской речи. В массиве русской речи наблюдалось еще одно репрезентативное сочетание (в 6,9% случаев), полностью отсутствующее в массиве английской ТВР. Для него характерно сочетание двух вариантов минимальной интенсивности с третьим — максимальной (монотонно, сухо, громко). Такая комбинаторика диаметрально противоположных вариантов параметров наблюдается крайне редко.

Итак, как видно из анализа сочетаемости вариантов параметров выразительности, эмоциональности и громкости, в сопоставляемых массивах английской и русской ЛВР имеется много общего. Первые наиболее репрезентативные группы совпадают даже по количеству наблю-

дений. Идентичны также варианты сочетаемости последующих наиболее частотных групп, хотя они и представлены в массивах с незначительным сдвигом в порядке их следования в соответствии с частотой встречаемости. К различиям в вариантах сочетаний относится то, что в каждом из массивов наблюдалось по одному сочетанию, не представленному среди частотных в другом массиве. Однако основным различием как количественным, так и качественным является следующее. Суммарно в частотных сочетаниях русской речи представлено вариантов максимальной интенсивности больше, чем в английской речи (в русской речи — семь раз, в английской — четыре). Кроме того, в массиве английской ЛВР наблюдался вариант минимальной громкости «тихо», не зафиксированный среди репрезентативных в русской речи. И, наоборот, в массиве русской речи в одном из частотных сочетаний отмечен вариант максимальной интенсивности того же параметра «громко», не наблюдавшийся среди частотных в английской речи. Как и следовало ожидать, в обоих массивах ЛВР вариантов минимальной интенсивности первых двух параметров (монотонно и сухо) среди частотных не наблюдалось.

В массивах английской и русской ТВР также наблюдается много общего. Как и в массивах ЛВР, во всех репрезентативных группах, кроме одной, варианты сочетаемости анализируемых параметров совпадают. Различия в том, что репрезентативные группы в сопоставляемых массивах расположены с некоторым сдвигом, непринципиальны, поскольку большинство аналогичных групп (пять групп из семи) близки по частотности (разница в частоте наблюдений колеблется от 0,1 до 5,3%). Отличительным признаком сопоставляемых массивов является, по нашему мнению, то, что в массиве русской речи максимальная интенсивность громкости представлена чаще, чем в английской речи.

Таким образом, как видно из сопоставительного анализа вариантов сочетаемости рассмотренных параметров (выразительности, эмоциональности и громкости) всех четырех массивов легко- и трудновоспринимаемой речи, громкость и экспрессивность русской речи больше, чем английской, что можно объяснить, вероятно, традициями, привычкой, темпераментом и другими социальными и психофизиологическими факторами.

Суммируя сочетаемость вариантов трех рассмотренных параметров, можно прийти к выводу о том, что наиболее часто сочетаются между собой варианты одной и той же интенсивности: умеренной, максимальной или минимальной (умеренно выразительно, умеренно эмоционально, умеренно громко — наиболее частотное сочетание массива ЛВР, выразительно, эмоционально, громко или монотонно, сухо, тихо — наиболее репрезентативные сочетания ТВР). Почти в одинаковом количестве сочетаний наблюдались еще две разновидности комбинаторики вариантов: в первом случае к одному срединному варианту умеренной интенсивности присоединяются два варианта одинаковой интенсивности (максимальной или минимальной), во втором случае к двум вариантам умеренной интенсивности присоединяется третий — максимальной или минимальной интенсивности. Среди сочетаний всех четырех массивов встретилось (в русской ТВР) не очень частотное необычное сочетание диаметрально противоположных вариантов — двух минимальной и третьего максимальной интенсивности (монотонно, сухо, громко).

Рассмотрим анализировавшееся ранее сочетание вариантов эмоциональности и громкости с вариантами параметра логической акцентуации.

В массиве английской легковоспринимаемой речи встретилось 20 вариантов, пять из которых частотны, в соответствующем массиве русской речи — 18 вариантов при пяти частотных. В массиве трудновоспринимаемой английской речи зафиксировано 19 вариантов при семи частотных, в русской речи — 24 варианта при тех же семи частотных.

В легковоспринимаемой английской речи наиболее частотным является сочетание умеренной эмоциональности, с умеренной громкостью при умеренном количестве логических акцентов (в английской речи — в 39,3% случаев). Аналогичное сочетание превалирует и в массиве русской речи (в 32,2%) при близком количестве наблюдений в сопоставляемых массивах (разница составляет 7,1%). Второе по частотности в обоих массивах ЛВР сочетание отличается от предыдущего по одному параметру: в нем, вместо умеренной, наблюдается максимальная эмоциональность (в английской речи — в

14,7% случаев, в русской — в 25,4%). Разница в количестве наблюдений в двух массивах умеренная (10,7%). Третьи по частотности группы в сопоставляемых массивах ЛВР не совпадают. Более того, они представляют собой контрастные по интенсивности комбинации. Для английской речи в третьем сочетании представлена умеренно эмоциональная тихая речь с умеренным количеством логических ударений (в 8% случаев), в массиве русской речи — эмоциональная громкая речь с тем же умеренным количеством логической акцентуации (в 10%). Оба упомянутых сочетания встретились в противопоставляемых массивах среди малочастотных (в 1,5 и 3,3%). Четвертые и пятые группы в обоих массивах совпадают как качественно — по комбинации вариантов параметров, так и количественно. Четвертые группы отличаются от первой по последнему параметру. В них сочетаются умеренная эмоциональность и умеренная громкость с почти полным отсутствием логических ударений (по 7,3% в обоих массивах). Последние репрезентативные сочетания обоих массивов характеризуются эмоциональной, умеренно громкой речью со значительным количеством логических ударений (в английской речи — в 6% случаев, в русской — в 5,5%).

В обоих массивах английской и русской ТВР на первом месте по частоте встречаемости находится сочетание трех вариантов максимальной интенсивности — эмоционально, громко, с обильным употреблением логических ударений (в английской речи — 16%, в русской — 12,6%). Разница в количестве наблюдений данного сочетания в обоих массивах невелика (3,4%). Второе сочетание в массиве английской ТВР, диаметрально противоположное первому так же, как и первое, не благоприятствует восприятию речи. Оно характеризуется тремя вариантами минимальной интенсивности — «сухо», «тихо», «логические ударения почти полностью отсутствуют». По количеству наблюдений оно совпадает с предыдущим сочетанием (16%). Упомянутое второе сочетание в массиве русской ТВР занимает по частоте встречаемости пятое место (в 7,5% случаев). Разница между количеством наблюдений в сопоставляемых массивах умеренная (9,1%). Третье сочетание массива английской ТВР отличается от предыдущего по второму параметру. В нем вместо тихой наблюдается умеренная громкость речи

при той же сухости и отсутствии логической акцентуации (14%). В массиве русской речи оно соответствует второму сочетанию (9,2% случаев). Разница в количестве наблюдений данного сочетания в сопоставляемых массивах невелика (4,8%). Четвертое сочетание в английской речи также примыкает ко второму, отличаясь от него по первому параметру. В нем при тихой неакцентуированной речи наблюдается не сухость, а умеренная эмоциональность (10%). В русской речи аналогичное сочетание занимает седьмое место (5,1% случаев) при небольшом расхождении в количестве наблюдений в сопоставляемых массивах (4,9%). Пятое сочетание в английской речи в отличие от трех предыдущих характеризуется максимальной интенсивностью и близко к первому сочетанию данного массива, отличаясь от него по последнему параметру. Ему присущи эмоциональность и громкость речи при умеренном употреблении логических ударений (8%). В массиве русской речи ему соответствует шестое, близкое по частоте наблюдений, сочетание (6,9% случаев, разница в количестве наблюдений сочетания в сопоставляемых массивах — 1,1%). Последние два репрезентативные сочетания массива английской речи характеризуются умеренными показателями. В шестом сочетании наблюдается умеренная эмоциональность при тихой речи с умеренной логической акцентуацией, в седьмом — все три варианта умеренной интенсивности. Оба сочетания отмечены в одинаковом количестве случаев (по 5%). В массиве русской речи шестое сочетание зафиксировано среди малочастотных (в 4%), седьмое — занимает третье место по частоте наблюдений (в 8,6%). Разница в количестве наблюдений двух упомянутых сочетаний в сопоставляемых массивах невелика (1 и 3,6% соответственно). В массиве русской речи встретилось еще одно репрезентативное сочетание, примыкающее к двум предыдущим (в 5,1% случаев). При умеренной эмоциональности и громкости ему свойственна неакцентуированность речи. В массиве английской речи оно наблюдалось среди малочастотных (в 4%) при незначительной разнице в количестве наблюдений (0,9%). Как очевидно, сочетания с показателями умеренной интенсивности трудности восприятия не вызывают и попали в данный массив из-за негативных вариантов других параметров.

Итак, из проведенного анализа трех параметров (эмо-

циональности, громкости и логической акцентуации) видно, что в массиве английской и русской ЛВР, в основном, наблюдается сходство. Единственным существенным различием является расхождение в сочетаемости вариантов третьих частотных групп, где в английской речи наблюдается умеренная и минимальная интенсивность, в то время как в русской — максимальная и умеренная.

В сопоставляемых массивах английской и русской ТВР наблюдаются одновременно и сходство, и различия. Сходным является совпадение количественно близких между собой первых наиболее частотных сочетаний максимальной интенсивности. Сходство между массивами проявляется и в том, что почти все (6 из 7) частотные сочетания массива английской речи представлены аналогичными частотными сочетаниями в русской речи. Причем разница в количестве наблюдений одних и тех же сочетаний в обоих массивах невелика, за исключением второго сочетания. Однако упомянутые сочетания расположены по убыванию частоты встречаемости в сопоставляемых массивах с некоторым сдвигом. Кроме того, суммарно в массиве английской речи тихая и сухая речь фигурирует в большем количестве наблюдений, чем в русской речи (на 15% и на 13,9% соответственно).

На основании сопоставительного анализа сочетаемости вариантов рассмотренных выше трех параметров во всех четырех массивах можно прийти к выводу о том, что англичане имеют тенденцию говорить тише, менее эмоционально и экспрессивно, чем носители русского языка.

Таким образом, в сочетаемости вариантов данных трех параметров (эмоциональности, громкости и логической акцентуации) прослеживаются те же закономерности, что и в ранее рассмотренном сочетании трех параметров (выразительности, эмоциональности и громкости) с вариантами трехступенчатой степени интенсивности. Сочетаются либо варианты одной и той же интенсивности, либо умеренной интенсивности с одним или двумя вариантами других параметров одной и той же интенсивности (максимальной или минимальной). Среди частотных сочетаний с диаметрально противоположными вариантами (минимальной с максимальной интенсивностью) не наблюдалось. Однако среди малочастотных зафиксированы такие сочетания с контрастирую-

щими по интенсивности вариантами, как: «эмоционально», «тихо», «умеренное количество логической акцентуации» и «сухо», «громко», «логическая акцентуация почти отсутствует».

Наиболее благоприятным для восприятия речи является сочетание умеренных показателей всех трех параметров. Легко также воспринимается эмоциональная речь с двумя умеренными показателями громкости и акцентуации. Наиболее трудными для восприятия представляются два контрастных сочетания: со всеми тремя максимальными или тремя минимальными показателями. Эмоциональная громкая речь, равно как и неэмоциональная (сухая) тихая речь не создают оптимальных условий для ее восприятия, утомляют аудитора. Эффект утомляемости еще больше усиливается за счет употребления неоправданно частых ударений в первом сочетании или за счет полного отсутствия логических ударений во втором. Взаимозависимость, сопряженность определенных вариантов трех рассмотренных параметров очевидна. Однако намного больший разброс вариантов сочетаний трех параметров по сравнению с вариантами сочетаний двух первых параметров свидетельствует о том, что между эмоциональностью и громкостью существует более тесная корреляция, чем между упомянутыми параметрами и логической акцентуацией. Это можно, по-видимому, объяснить следующим. Употребление тех или иных вариантов трех параметров в значительной мере связано с психофизиологическими особенностями индивида, его темпераментом. Даже умозрительно можно было бы заключить, что человек, говорящий эмоционально и громко, предпочтет обильную или умеренную акцентуацию, но не почти полное ее отсутствие. В то же время индивид, говорящий тихо и «сухо» не будет акцентировать каждое слово, а использует умеренную или скорее минимальную акцентуацию. Такое гипотетическое суждение подтвердилось в ходе описанного выше анализа. Однако эмоциональность и громкость речи проявляется с детства. Манера расстановки логических ударений вырабатывается позднее. На нее, помимо темперамента, оказывает влияние общая культура, профессия и другие социальные факторы.

Ниже рассмотрим сочетания вариантов параметров громкости и высоты голоса.

В массиве английской ЛВР встретилось семь вариантов сочетаний, пять из которых частотны, в соответствующем массиве русской речи — восемь вариантов при четырех частотных. В массиве английской ТВР наблюдалось девять вариантов при семи частотных, в русской трудновоспринимаемой речи — восемь вариантов при шести частотных. Следовательно, число вариантов комбинаций как всех, так и репрезентативных, во всех выборках близко между собой.

Первым наиболее частотным и характерным для обоих массивов английской и русской ЛВР является сочетание умеренной громкости со средней высотой голоса, составляющее более половины наблюдений (в английской речи — 57,3% случаев, в русской — 64,7%). Причем разница в проценте наблюдений в сопоставляемых массивах умеренная (7,4%). Вторую по частотности группу, хотя и значительно меньшую количественно, составляет в массиве английской ЛВР сочетание умеренной громкости с низким голосом (12% случаев). В массиве русской речи аналогичное сочетание находится на третьем месте по частотности (8,5% случаев). Разница в количестве наблюдений данного сочетания в сопоставляемых массивах невелика (3,5%). В массиве русской речи второе место по частоте наблюдений занимает сочетание громкости речи со средним регистром голоса (11,7%). В массиве английской речи упомянутое сочетание соответствует третьему (11,3%), совпадая с ним по количеству наблюдений (разница составляет 0,4%). Четвертое сочетание тихой речи со средней высотой голоса в обоих массивах совпадает (в английской речи — 9,3%, в русской — 5,2% случаев). Разница в количестве наблюдений незначительная (4,1%). Кроме названных сочетаний, в массиве английской ЛВР встретилось еще одно сочетание с тихой речью, отличающееся от предыдущего по параметру высоты голоса. В нем наблюдался не средний, а низкий регистр (в 5,3%).

В оба массива ТВР попало значительное количество сочетания умеренной громкости со средней высотой голоса (в английской речи — 23%, в русской — 28,7%). Проверка по адресам соответствующих анкет показала, что данное сочетание, преобладающее в ЛВР, попало в массивы ТВР из-за негативных вариантов других параметров. Наиболее характерным частотным сочетанием

в ТВР обоих массивов оказалась комбинация максимальной громкости с высоким регистром голоса (в английской речи — 21%, в русской — 20,7%). Данное сочетание совпадает в массивах английской и русской речи не только по месту расположения в них, но и количественно (разница составляет 0,3%). Следующие два частотных сочетания обоих массивов ТВР представляют собой комбинации низкого голоса с диаметрально противоположными вариантами громкости — максимальной и минимальной (громко низким голосом в английской речи — 17%, в русской — 15,5% случаев; тихо низким голосом в английской речи — 15%, в русской — 15,5%). Причем количество наблюдений упомянутых групп как между собой внутри одного массива, так и в двух сопоставляемых массивах близко или совпадает (разница в количестве наблюдений по третьей группе в двух массивах — 1,5%, по четвертой — 0,5%). Пятая группа обоих массивов совпадает с предыдущей по минимальной громкости, однако в ней вместо низкого наблюдается средний регистр голоса (в английской речи — 11%, в русской — 9,2% случаев). Данное сочетание в обоих массивах близко между собой по частотности (разница составляет 1,8%). Последние шестые сочетания, наблюдавшиеся в обоих массивах, характеризуются умеренной громкостью и низким голосом. Количество наблюдений в обоих массивах почти совпадает (разница — 0,3%). Пятые и шестые сочетания — тихо средним голосом и умеренно громко низким голосом — сами по себе не затрудняют восприятия речи. Они представлены в обоих массивах примерно с одинаковой частотой. В массиве английской речи наблюдалось еще одно седьмое репрезентативное сочетание умеренной громкости с высоким голосом (5%), отсутствующее среди репрезентативных в массиве русской речи. Данное сочетание вне комбинации с негативными вариантами других параметров трудности восприятия не представляют.

Итак, из вышеизложенного видно, что в сочетании вариантов двух параметров — громкости и высоты голоса — в соответствующих массивах английской и русской речи принципиальных различий не выявлено. Единственным значимым различием представляется то, что в массиве русской ЛВР наблюдалось одно, а в английской речи два сочетания с тихой речью.

Как показал анализ сочетаемости рассмотренных параметров, наиболее характерным для ЛВР и благоприятным для восприятия является сочетание двух срединных вариантов — умеренной громкости и средней высоты голоса. В массивах ТВР наиболее характерными являются сочетания крайних вариантов либо с максимальными, либо с минимальными показателями: громко высоким голосом, громко низким голосом и тихо низким голосом. Следует отметить, что упомянутые сочетания в массиве ЛВР среди частотных не наблюдались. Данные сочетания могут утомлять слушателя или в какой-то мере затруднять восприятие речи. Однако само по себе сочетание степени громкости с высотой голоса не является определяющим при восприятии, а усиливает свое положительное или отрицательное воздействие в комбинации с другими параметрами, в первую очередь с тембром.

Вне зависимости от массива, как и в ранее рассмотренных комбинациях других параметров, в сочетании двух параметров — степени громкости и высоты голоса — коррелируются обычно либо срединные варианты, либо срединный с одним из крайних, либо два варианта одного полюса. Исключение составляет громкая речь в массивах ТВР, которая сочеталась с диаметрально противоположными вариантами — с высоким или низким голосом. Однако тихая речь, продуцируемая высоким голосом, среди частотных не встречалась.

Перейдем к рассмотрению сочетаний вариантов таких параметров, как высота голоса и его тембр.

В массиве английской ЛВР наблюдалось девять вариантов, пять из которых частотны, в соответствующем массиве русской речи — 11 вариантов при четырех частотных. В трудновоспринимаемой английской речи обнаружено 14 вариантов комбинаций при шести частотных и 15 вариантов при тех же шести частотных в аналогичном массиве русской речи.

В массиве английской ЛВР наиболее многочисленную группу, составляющую более половины наблюдений, представляет сочетание среднего регистра голоса с ясным тембром (54,7% случаев). Данное сочетание является и наиболее частотным в массиве русской речи (39,9% случаев). Второй по частотности группой в обо-

их массивах является близкое первому сочетание того же среднего регистра голоса в данном случае не с ясным, а с мягким тембром (в английской речи — 14,7, в русской речи — 30,3%). На первый взгляд разница в количестве наблюдений по первым и вторым группам в сопоставляемых массивах довольно значительна (14,8 и 15,6%). Однако две рассмотренные группы, очень близкие качественно между собой, суммарно по количеству наблюдений в сопоставляемых массивах почти совпадают (в массиве английской речи — 69,4%, в русской — 70,2% наблюдений, при разнице в 0,8%). Третьи по частотности сочетания также совпадают в обоих массивах. С предыдущими группами их объединяет средний регистр голоса, отличие их — в варианте параметра тембра. В данном сочетании наблюдается сочный тембр (в английской речи — 10,6% случаев, в русской — 8,9%). Частота встречаемости данного сочетания в обоих массивах близка (разница составляет 1,7%). Четвертым по частоте встречаемости в массиве английской речи является сочетание низкого голоса с мягким тембром (9,3% случаев). В массиве русской речи данное сочетание наблюдается среди малочастотных (3,7%). Разница в количестве наблюдений в сопоставляемых массивах невелика (5,6%). В пятом, как и в предыдущем, сочетании английской речи зафиксирован низкий регистр голоса. Однако, вместо ясного, он сочетается с мягким тембром (в 5,3% случаев). Данное сочетание в массиве русской речи занимает четвертое место (5,5%), совпадая при этом с количеством наблюдений аналогичного сочетания массива английской речи (разница составляет 0,2%).

В обоих массивах английской и русской ТВР наиболее характерной является комбинация высокого голоса с резким тембром (в английской речи — 20%, в русской — 27,6% случаев). Разница в количестве наблюдений в сопоставляемых массивах умеренная (7,6%). На втором месте по частоте стоит сочетание средней высоты голоса с тем же резким тембром (в английской речи — 16%, в русской — 18,3%). Затем следуют близкие по частоте наблюдений два сочетания глухого тембра со средним и низким регистром голоса (в английской речи — 15 и 11%, в русской — 13,8 и 12% соответственно). В пятых сочетаниях обоих массивов комбинируется средняя высота голоса с мягким тембром (в английской ре-

чи — в 10%, в русской — в 9,8% случаев). Данное сочетание, характерное для ЛВР, попало в массивы ТВР из-за негативных вариантов других параметров. При сравнении количества наблюдений во втором, третьем, четвертом и пятом сочетаниях сопоставляемых массивов обнаруживается, что количественно указанные сочетания очень близки между собой или почти совпадают (разница колеблется в пределах от 0,2 до 2,3%). В шестом репрезентативном сочетании массива английской речи низкий голос комбинируется с мягким тембром (в 9%). В массиве русской речи данное сочетание наблюдалось среди малочастотных (в 2,3%). Шестой частотной группой массива русской речи является сочетание средней высоты голоса с ясным тембром (6,9% случаев), наиболее частотное в ЛВР. Аналогичное сочетание в массиве английской речи находим среди малочастотных (в 4%). Шестые сочетания обоих массивов, подобно пятым, не несут отрицательных характеристик и, как показала проверка соответствующих анкет по адресам, попали в рассматриваемые массивы по негативным показателям других вариантов.

Из проведенного анализа вариантов сочетаемости параметров высоты голоса и тембра видно, что в сопоставляемых массивах английской и русской легко- и трудно-воспринимаемой речи, в основном, существенных различий не обнаружено. Единственным значимым, но не принципиальным различием является то, что суммарно в рассмотренных сочетаниях ЛВР ясный тембр в массиве английской речи представлен чаще, чем в русской (на 20,4%), в то время как мягкий тембр, наоборот, значительно чаще встречается в русской речи (на 15,6%).

Таким образом, каждому массиву свойственны определенные тембры с положительными или отрицательными признаками в сочетании с предпочтительной высотой голоса. В ЛВР наиболее характерны сочетания ясного, мягкого и сочного тембров со средним, реже с низким регистром голоса. Такие сочетания создают наиболее благоприятные условия для восприятия. Сочетаний с резким и глухим тембрами в ЛВР среди репрезентативных не наблюдалось. Для массива ТВР характерно сочетание резкого тембра с высоким, реже, со средним регистром голоса и глухого тембра со средним и низким регистром голоса. Резкий тембр в сочетании с высоким

голосом раздражает, глухой тембр при низком регистре голоса угнетает слушателя. Поэтому оба сочетания вызывают быстрое утомление при восприятии.

Безотносительно к массиву в частотных и малочастотных сочетаниях тембра с высотой голоса прослеживаются следующие закономерности. Так, средняя высота голоса свободно сочетается с любым тембром: ясным, мягким, сочным, глухим и резким. Высокий голос бывает ясным или резким, редко мягким. Глухой и сочный тембры не свойственны высокому голосу. Низкий голос бывает сочным, мягким, ясным или глухим. Резкий тембр для него не характерен.

Проанализировав сочетание вариантов двух параметров — высоты голоса и тембра — изолированно, рассмотрим данные параметры в комбинации с еще одним параметром звукового оформления — с тоном речи, в котором продуцируется высказывание.

В массиве английской ЛВР встретилось 23 варианта сочетаний, шесть из которых частотны, в соответствующем массиве русской речи — 40 при семи частотных. В массиве английской ТВР наблюдалось 42 варианта при четырех частотных и в русской речи 43 варианта при семи частотных. Как видно, во всех массивах, кроме английской ЛВР, наблюдалось близкое количество вариантов сочетаний.

В массиве русской ЛВР во всех частотных сочетаниях зафиксирована средняя высота голоса, в английской речи наблюдалась аналогичная картина, кроме шестого сочетания, где отмечен низкий регистр голоса.

Разновидности тембра распределились следующим образом: в массиве английской речи в четырех сочетаниях отмечен ясный тембр, в одном — мягкий и еще в одном — сочный; в русской речи ясный тембр зафиксирован в трех сочетаниях, мягкий — также в трех и сочный — в одном. Преобладающий тон в массивах ЛВР представлен в репрезентативных сочетаниях четырьмя вариантами, расположенными по убыванию частоты встречаемости: убедительный, спокойный, мягкий и самоуверенный тон. Убедительный тон в английской речи наблюдался в двух сочетаниях, в русской — в трех, спокойный тон в английской речи — в одном сочетании, в русской — в двух, мягкий тон зафиксирован в одном

сочетании каждого массива, самоуверенный тон в английской речи отмечен в двух, в русской — в одном сочетании.

Варианты сочетаний по частоте встречаемости в сопоставляемых массивах ЛВР располагаются в следующем порядке. Наиболее многочисленную группу в обоих массивах английской и русской ЛВР составляет сочетание средней высоты голоса с ясным тембром и убедительным тоном (в английской речи 33,3% случаев, в русской — 20%). На втором месте в массиве английской речи стоит сочетание средней высоты голоса с ясным тембром и спокойным тоном (9,3% случаев), отличающееся от первого сочетания по параметру тона. В массиве русской речи оно соответствует третьему сочетанию, наблюдавшемуся с близкой частотой (в 12,8% случаев, разница составляет 3,5%). Второе сочетание массива русской речи (15,3%) отличается от такового в английской речи по тембру, в русской речи в нем отмечен мягкий, в английской — ясный тембр. Аналогичное сочетание в массиве английской речи среди частотных не представлено. В третьей по частоте встречаемости комбинации массива английской речи сочетается средняя высота голоса с мягким тембром и мягким тоном (8,6% случаев). Аналогичное сочетание в массиве русской речи занимает седьмое место (4,6%) при незначительной разнице в количестве наблюдений в сопоставляемых массивах (4%). Четвертое сочетание английской речи представляет собой комбинацию средней высоты голоса с ясным тембром и самоуверенным тоном (6,6% случаев), отличающуюся от первых двух сочетаний данного массива лишь по тону. Аналогичное сочетание в массиве русской речи находим на шестом месте (в 4,6% случаев). Причем разница в количестве наблюдений данного сочетания в сопоставляемых массивах невелика (2%). Четвертое сочетание массива русской речи характеризуется средней высотой голоса, мягким тембром и убедительным тоном (8,5% случаев). Соответствующего сочетания в массиве английской речи среди частотных не зафиксировано. Пятые сочетания в обоих массивах совпадают. От предыдущего сочетания они отличаются по тембру. Им свойственен сочный тембр при той же средней высоте голоса и убедительном тоне (в английской речи — 6%, в русской — 4,9%). Разница

в наблюдениях, как и в ранее рассмотренных аналогичных сочетаниях сопоставляемых массивов, невелика (1,1%). Шестое сочетание массива английской речи отличается от такового в массиве русской тем, что при ясном тембре и самоуверенном тоне в нем наблюдается низкий, а не средний регистр голоса (в 4,6% случаев).

В обоих массивах английской и русской ТВР на первом месте по частоте встречаемости находится сочетание высокого голоса с резким тембром и самоуверенным тоном (в английской речи — 10%, в русской — 13,2% случаев). Вторые сочетания, близкие по частоте с первыми, отличаются от них по параметру высоты голоса. В них, вместо высокого, зафиксирован средний регистр голоса при том же резком тембре и самоуверенном тоне (в английской речи — 9%, в русской — 11,4%). Как в первых, так и во вторых группах разница в количестве наблюдений в сопоставляемых массивах невелика (в первых группах — 3,2%, во вторых — 2,4%). Третьи группы в обоих массивах также совпадают по сочетанию вариантов. С первыми группами они контрастируют по всем трем параметрам. В них низкий голос сочетается с глухим тембром и спокойным тоном (в английской речи — 5%, в русской — 7,5% случаев). Четвертые сочетания совпадают по тембру с третьими, а по высоте голоса и тону со вторыми. Этим группам присущи средняя высота голоса, глухой тембр и самоуверенный тон (в английской речи 5%, в русской — 6,3% случаев). Как в первых двух группах, в рассмотренных третьих и четвертых группах разница в количестве наблюдений в сопоставляемых массивах незначительна (2,5 и 1,3% соответственно). Кроме перечисленных, в массиве русской речи наблюдалось еще три сочетания, совпадающие по первым двум параметрам с четвертым. Для них характерна средняя высота голоса и глухой тембр. Варьирующим элементом является тон. В трех упомянутых сочетаниях он встречается в следующих разновидностях: спокойный, мягкий и робкий (в 5,7, в 5,1 и в 4,6% соответственно). Данные сочетания наблюдались с меньшими частотами и в массиве английской речи (4, 4 и 2% соответственно).

Проведенный анализ сочетаний вариантов трех параметров — высоты голоса, тембра и преобладающего тона, — в сопоставляемых массивах ЛВР дает довольно

близкую картину. Различия сводятся к тому, что в массиве английской речи явно преобладает ясный тембр (в четырех сочетаниях из шести), тогда как в массиве русской речи наряду со значительным количеством наблюдений ясного тембра довольно частотно представлен мягкий тембр с умеренным суммарным преобладанием первого (на 9%). При распределении вариантов преобладающего тона в сопоставляемых массивах можно сделать следующие выводы. Наиболее характерный для обоих массивов ЛВР убедительный тон зафиксирован в них суммарно в близком количестве случаев (в английской речи в 37,9%, в русской — в 33,4% при разнице в количестве наблюдений 4,5%). Примерно такую же незначительную разницу в частоте встречаемости (4%) в двух массивах составляет мягкий тон, представленный небольшим количеством наблюдений (в английской речи — 8,6%, в русской — 4,6%). Существенное различие в суммарном количестве наблюдений в сопоставляемых массивах обнаруживает спокойный тон (в английской речи — 9,3%, в русской — 28,1%). В английской речи он представлен значительно реже (на 18,8%). Однако самоуверенный тон в английской ЛВР фиксировался чаще (на 8%, в английской речи — в 12,6%, в русской — в 4,6%). Вероятно, носители английского языка менее критически, чем русские, относятся к такому варианту тона, как самоуверенный.

В массивах ТВР значимых расхождений в комбинаторике вариантов рассмотренных параметров и в количестве наблюдений встретившихся сочетаний не отмечается.

Как и в сочетании двух ранее рассмотренных параметров — высоты голоса и тембра при добавлении в сочетание третьего параметра — тона речи прослеживаются определенные закономерности. Безотносительно к массиву наблюдаются следующие сочетания двух первых параметров с тоном.

При среднем регистре и ясном тембре голоса фиксировался спокойный, убедительный или самоуверенный тон. При том же среднем регистре голоса и мягком тембре наблюдался спокойный, убедительный и мягкий тон. При среднем регистре голоса и сочном тембре отмечался убедительный, спокойный и самоуверенный тон. Средняя высота голоса и резкий тембр сочетались с са-

моуверенным и убедительным тоном, а средняя высота голоса при глухом тембре — со спокойным, убедительным, самоуверенным, мягким или робким тоном.

При низком голосе и мягком тембре наблюдался спокойный, мягкий или убедительный тон, при низком голосе и сочном тембре — убедительный или самоуверенный тон и при низком голосе и глухом тембре — спокойный, убедительный, резко самоуверенный тон.

Высокий голос и ясный тембр сочетались со спокойным, убедительным или самоуверенным тоном, а высокий голос и резкий тембр — с самоуверенным, реже убедительным тоном.

Как упоминалось ранее, тон, в котором индивид продуцирует речь, не является одним из ведущих параметров, определяющих качество восприятия речи. Однако он оказывает положительное или отрицательное воздействие на слушателя, в первую очередь в эмоциональном плане.

Тон с положительными характеристиками, например, спокойный или убедительный, не может в значительной мере компенсировать отрицательные характеристики глухого или резкого тембров. Однако те или иные разновидности тембров обуславливают благоприятное или неблагоприятное восприятие низкого и высокого голосов, в определенной мере нейтрализуют или усугубляют отрицательные характеристики тона.

Намного больший разброс вариантов сочетаний рассматриваемых трех параметров по сравнению с количеством вариантов сочетаний двух первых свидетельствует о довольно слабой сопряженности третьего параметра — тона речи с высотой и тембром голоса. Это можно объяснить тем, что тон речи является одной из наиболее переменных характеристик речи человека.

Далее рассмотрим сочетания вариантов параметров дикции с преобладающим тоном. В массиве английской ЛВР встретилось 11 вариантов сочетаний, шесть из которых частотны, в соответствующем массиве русской речи — 12 вариантов при тех же шести частотных. В английской ТВР зафиксировано 15 вариантов сочетаний при восьми частотных, и в русской речи — 17 сочетаний при шести частотных.

В обоих массивах ЛВР среди частотных наблюдались сочетания четкой или средней дикции с убедитель-

ным, спокойным, реже с самоуверенным тоном. Наиболее многочисленные группы в обоих массивах ЛВР составляют сочетания четкой дикции с убедительным тоном (в английской речи — 46,6% случаев, в русской — 26,7%). Причем в английской речи такое сочетание отмечалось значительно чаще (на 19,9%). Во вторых по частотности группах при той же четкой дикции встречается спокойный тон (в английской речи — в 12%, в русской — в 19,3%). В массиве русской речи такое сочетание наблюдалось немного чаще, чем в английской (на 7,3%). Третьи группы также совпадают в обоих массивах по комбинации вариантов с умеренным расхождением в количестве наблюдений (на 9%). Для них характерна сочетаемость средней дикции с тем же спокойным тоном (в английской речи — 10%, в русской — 19%). Четвертая группа массива английской речи совпадает по параметру дикции с первыми двумя. Для этой группы характерна четкая дикция в сочетании с самоуверенным тоном (10% случаев). В массиве русской речи ей соответствует пятая по частотности группа (4,9%). Разница в проценте наблюдений между ними невелика (5,1%). Четвертая группа массива русской речи, в свою очередь, сходна по комбинаторике вариантов с пятой группой массива английской речи. В ней сочетается средняя высота голоса с убедительным тоном (в английской речи 5,3% случаев, в русской — 14,1%). Разница в количестве наблюдений умеренная (8,8%). Шестые группы обоих массивов одинаковы по комбинаторике вариантов и почти совпадают в количественном отношении (в английской речи — 5,3%, в русской — 4,9% при разнице в 0,4%). В данной комбинации средняя дикция сочетается с самоуверенным тоном.

В ТВР среди частотных наблюдались сочетания невнятной речи средней дикции с самоуверенным, спокойным, реже убедительным, робким или мягким тоном. Наиболее характерным сочетанием в обоих массивах является комбинация невнятной дикции с самоуверенным тоном (в английской речи — 17%, в русской — 22,3% случаев, при разнице в количестве наблюдений 5,3%). На втором месте в сопоставляемых массивах стоит сочетание той же невнятной дикции со спокойным тоном (в английской речи — 12%, в русской — 15% случаев при разнице в 3%). Третьи группы также совпада-

ют в обоих массивах. По тону они примыкают к первым группам. Им присуща средняя дикция при самоуверенном тоне (в английской речи — 11%, в русской — 12%, разница в наблюдениях составляет 1%). Четвертые группы в массивах английской и русской речи не идентичны по комбинаторике вариантов. В английской речи на четвертом месте по частоте наблюдений находится сочетание невнятной дикции с мягким тембром (10%). В массиве русской речи аналогичное сочетание зафиксировано среди малочастотных (в 4%, разница в количестве наблюдений составляет 6%). Четвертое сочетание массива русской речи представляет собой сочетание средней дикции со спокойным тоном. В массиве английской речи данное сочетание, хоть и занимает седьмое место, по количеству наблюдений почти совпадает с таковым в русской речи (в английской речи — 7%, в русской — 7,5%, при разнице в 0,5%). Рассмотренное сочетание, являющееся одним из наиболее частотных в массивах ЛВР, попало в данный массив, как показала проверка соответствующих анкет по адресам, из-за негативных вариантов других параметров. Пятые и шестые группы в обоих массивах по комбинаторике вариантов совпадают и близки между собой в количественном отношении. Для обоих сочетаний характерна невнятная дикция при контрастирующем тоне: в первом случае убедительном, во втором — робком (пятое сочетание: в английской речи — 8%, в русской — 6,9% случаев при разнице в 1,1%; шестое сочетание: в английской речи — 7%, в русской — 5,1% при разнице в 1,9%). Помимо перечисленных в массиве английской речи среди репрезентативных наблюдалось еще одно, восьмое по месту расположения, сочетание средней дикции с робким тоном (6%).

Как видно из проведенного анализа сочетаний вариантов параметров дикции и преобладающего тона, в сопоставляемых массивах английской и русской ЛВР наблюдается сходство. Различия в сопоставляемых массивах проявляются в том, что в английской речи четкая дикция суммарно наблюдалась чаще, чем в русской речи (на 17,7%). Это же можно сказать и в отношении самоуверенного тона. Хотя упомянутый тон в сопоставляемых массивах встретился в одинаковом количестве сочетаний (по два наименее частотных среди репрезен-

тативных сочетаний в каждом массиве), суммарно самоуверенный тон в английской ЛВР представлен несколько чаще, чем в русской речи (на 5,5%, суммарно в английской речи в 15,3%, русской — в 9,8%).

В обоих массивах английской и русской ТВР ни качественных, ни количественных расхождений в сочетаемости вариантов дикции и тона не обнаружено. Некоторым различием в сопоставляемых массивах является то, что в английской ТВР робкий тон суммарно представлен чаще (на 7,9%) чем в русской речи. Кроме того, в английской ТВР зафиксирован мягкий тон (в 10%), не наблюдавшийся среди репрезентативных сочетаний в русской речи.

Следует также отметить, что безотносительно к массиву наблюдались следующие сочетания двух рассмотренных параметров. Средняя и невнятная дикция сочеталась с любым тоном при варьировании частоты встречаемости той или иной комбинации в зависимости от принадлежности ее к ЛВР или ТВР. Четкая дикция в репрезентативных комбинациях сочеталась с убедительным, спокойным или самоуверенным тоном. Робкий тон чаще сочетался с невнятной, чем со средней дикцией. Сочетания робкого тона с четкой дикцией не наблюдалось.

Рассмотрев сочетание дикции с преобладающим тоном, проанализируем близкое ему сочетание вариантов параметров громкости с тем же тоном.

В массиве английской ЛВР встретилось 14 вариантов сочетаний, шесть из которых частотны, в аналогичном массиве русской речи — 17 вариантов при тех же шести частотных. В массиве русской ТВР также наблюдалось 17 вариантов при семи частотных, в массиве английской ТВР — 15 при восьми частотных.

Наиболее многочисленную группу в массиве английской ЛВР составляет сочетание умеренной громкости с убедительным тоном (41,3% случаев). Данное сочетание в массиве русской речи занимает второе место по частотности наблюдений (29,1% случаев). Разница в количестве наблюдений рассматриваемого сочетания в сопоставляемых массивах умеренная (12,2%). Второе сочетание в массиве английской речи аналогично первому в массиве русской речи. Как и в предыдущих со-

четаниях, в них наблюдается умеренная громкость. Тон в данном случае спокойный (в английской речи — 11,3% случаев, в русской речи — 32,2%). Очевидно, что разница в количестве наблюдений данного сочетания в сопоставляемых массивах значительна (20,9%). Третьи по частоте сочетания двух массивов совпадают лишь частично. Обоим им присуща громкая речь, выступающая однако в комбинации с разными вариантами тона. В английской речи громкость сочетается с самоуверенным тоном (10,6%), в русской — с убедительным (11,3%). Количественно данные сочетания почти совпадают между собой (разница составляет 0,7%). В массиве русской речи сочетание громкости с самоуверенным тоном находится среди малочастотных (3,4%). Четвертые и пятые сочетания обоих массивов совпадают по комбинаторике вариантов и близки между собой по количеству наблюдений. Как и первым двум сочетаниям, им свойственна умеренная громкость при мягкости тона в первом случае и при контрастирующем ему самоуверенном тоне во втором (четвертое сочетание: в английской речи — 10% случаев, в русской — 5,5% при разнице в 4,5%; пятое сочетание: в английской речи — 8%, в русской — 4,9% при разнице в 3,5%). Шестые сочетания сопоставляемых массивов не совпадают. Они контрастируют по основному параметру группы. В английской речи в сочетании зафиксирована тихая, в русской — громкая речь при спокойном тоне в обоих случаях (в английской речи — 7,3% случаев, в русской — 4,6%). Сочетание тихой речи и спокойного тона в массиве русской речи наблюдалось среди малочастотных (в 2,4% случаев).

Наиболее характерным и употребляемым сочетанием, встретившимся с близкой частотой в обоих массивах ТВР, является комбинация максимальной громкости с самоуверенным тоном (в английской речи — 21%, в русской — 27% случаев при разнице в количестве наблюдений 6%). На втором месте в обоих массивах, хотя и с намного меньшей частотой, выступает сочетание того же самоуверенного тона с умеренной громкостью (в английской речи — 12%, в русской — 10,9% случаев). Разница в количестве наблюдений в сопоставляемых массивах крайне незначительна (1,1%). Третьи сочетания в исследуемых массивах совпадают только по

первому параметру — умеренной громкости и разнятся по тону. В английской речи зафиксирован мягкий, в русской — спокойный тон (в английской речи — 10%, в русской — 10,9% при разнице в 0,9%). Аналогичное сочетание со спокойным тоном в массиве английской речи зафиксировано среди малочастотных (4%). Четвертые сочетания совпадают по комбинаторике вариантов и близки в количественном отношении. При той же умеренной громкости в них отмечен убедительный тон (в английской речи — 8%, в русской — 9,2% случаев при разнице в 1,2%). Как третьи, так и четвертые рассмотренные выше группы, не представляют трудности для восприятия и попали в данный массив из-за негативных вариантов других параметров. Для последующих трех групп массива русской речи и четырех массива английской речи характерна минимальная громкость в комбинации с мягким, спокойным, робким или самоуверенным тоном. Три сочетания, зафиксированные в обоих массивах, близки между собой по количеству наблюдений. Пятое сочетание массива английской речи, представляющее собой комбинацию тихой речи с мягким тоном, соответствует шестому в массиве русской речи (в английской речи — 8%, в русской — 5,7% случаев при разнице в 2,3%). И, наоборот, пятое сочетание массива русской речи аналогично шестому в массиве английской. Названным сочетаниям присущ спокойный тон при той же тихой речи (в английской речи — 7%, в русской — 6,9% случаев при разнице в 0,1%). Седьмые группы совпадают. В них наблюдался робкий тон при той же минимальной громкости (в английской речи — 7%, в русской — 4,6% при разнице в 2,4%). Последнее, восьмое, репрезентативное сочетание массива английской речи в массиве русской речи среди таковых не наблюдалось. Как и в предыдущих сочетаниях, в них зафиксирована тихая речь при контрастирующем робкому самоуверенном тоне (6%).

Проведенный анализ свидетельствует о том, что в комбинаторике вариантов параметров громкости и тона и в их количественном распределении в обоих массивах ЛВР наблюдается в основном сходство. Различие в отношении частотности встречаемости вариантов параметра громкость в рассмотренном сочетании заключается в следующем. В массиве русской речи громкая речь

наблюдалась чаще, чем в массиве английской речи (в русской речи в двух, в английской — в одном сочетании, в русской речи на 8,7% больше). Кроме того, тихая речь зафиксирована в одном из сочетаний массива английской речи (в 7,3%), в то время как в массиве русской ЛВР сочетаний с тихой речью среди репрезентативных не отмечалось. Подобные различия наблюдались в данном сочетании параметров и в частотности встречаемости некоторых вариантов тона. Так, в массиве английской речи суммарно самоуверенный тон фиксировался чаще, чем в русской речи (на 10,3%), в то время как спокойный тон, наоборот, наблюдался значительно чаще в русской речи, чем в английской (на 18,2%).

В массивах ТВР в анализируемом сочетании еще в большей мере, чем в ЛВР, наблюдалась аналогичная картина. Никаких существенных различий в сопоставляемых массивах не зафиксировано. Следует только отметить, что, как и в ЛВР, в массиве английской ТВР суммарно чаще, чем в русской, наблюдалась минимальная громкость (на 10,8%) и несколько реже — спокойный тон (на 6,8%).

В результате проведенного анализа сочетаемости вариантов громкости и тона можно также констатировать следующее. В массивах ЛВР превалирует умеренная громкость. Она сочетается с любым тоном, однако чаще всего в упомянутых массивах она выступает в сочетании со спокойным, убедительным или мягким тоном. Громкая репрезентация высказывания наблюдалась в русской ЛВР лишь в комбинации с убедительным или спокойным тоном, в английской — и с самоуверенным, помимо указанных вариантов тона. Причем в упомянутых сочетаниях градация громкости варьируется. В сочетании с громкой речью спокойный тон больше, чем убедительный умеряет громкость, самоуверенный, наоборот, усиливает ее. Репрезентативных сочетаний с тихой речью в русской ЛВР не наблюдалось, в английской речи зафиксировано одно такое сочетание.

В ТВР наблюдаются все градации громкости с превалированием диаметрально противоположных — максимальной и минимальной громкости. Причем максимальная громкость в данном массиве комбинируется в репрезентативных сочетаниях с самоуверенным тоном, а тихая речь — с мягким, робким или спокойным тоном.

Безотносительно к массиву наблюдаются следующие закономерности. Умеренная громкость сочетается с любым тоном. Максимальная и минимальная громкость сочетается с превалирующим тоном избирательно. С одной стороны, громкая речь сочетается с самоуверенным, убедительным или спокойным тоном. При этом в первом случае интенсивность громкости наибольшая, в последующих двух сочетаниях громкость отчасти нейтрализуется тоном. Громкая речь не может, естественно, сочетаться с мягким и робким тоном, так как при таком условном комбинировании получились бы качественно новые сочетания. С другой стороны, тихое продуцирование речи сочетается обычно со спокойным, мягким или робким тоном. При этом спокойный тон, как очевидно, является срединным, стержневым, сочетающимся с любой степенью громкости.

Проанализировав сочетаемость вариантов параметров громкости с преобладающим тоном, рассмотрим данные параметры в комбинации с одним параметром — с эмоциональностью.

В массиве английской ЛВР встретилось 28 вариантов сочетаний, шесть из которых частотны, в массиве русской ЛВР — 29 вариантов при пяти частотных. В массиве английской ТВР наблюдалось 39 вариантов при шести частотных и в соответствующем массиве русской речи — также 39 при семи частотных. Такое значительное количество вариантов объясняется в первую очередь разнообразием встречающегося преобладающего тона. Однако это говорит и о более слабой корреляции между тремя или двумя из трех рассматриваемых параметров. Как видно из ранее описанного, корреляция между эмоциональностью и громкостью довольно тесная. (В массивах ЛВР наблюдалось семь и девять, в ТВР — восемь и девять сочетаний). Сопряженность между громкостью и преобладающим тоном слабее. (В массивах ЛВР зафиксировано 14 и 17, в ТВР — 15 и 17 сочетаний).

В массиве английской ЛВР наиболее многочисленную группу составляет сочетание умеренной эмоциональности, умеренной громкости и убедительного тона (30% случаев). Аналогичное сочетание в соответствующем массиве русской речи по частотности встречаемости за-

нимает третье место (12,8% случаев), значительно отличаясь от такового в английской по количеству наблюдений (на 17,2%). Первое сочетание массива русской речи, наоборот, соответствует третьему сочетанию в английской речи. В них комбинируются варианты умеренной эмоциональности, умеренной громкости и спокойного тона (в русской речи 23,3% случаев, в английской — 8%). Количественная разница в данном случае также довольно существенна (15,3%). Вторые сочетания в обоих массивах совпадают по комбинаторике вариантов параметров и близки количественно. Им присуща эмоциональность, умеренная громкость и убедительный тон (в английской речи — 10,6% случаев, в русской — 16,5% при разнице в 5,9%). Как очевидно, рассмотренные сочетания очень близки между собой и отличаются друг от друга по одному из параметров. Для всех трех сочетаний характерна умеренная громкость, для двух из них — умеренная эмоциональность и для двух — убедительный тон.

Остальные сочетания в сопоставляемых массивах не совпадают (три в массиве английской и два в массиве русской речи). Последние три репрезентативные сочетания массива английской речи (4, 5 и 6) характеризуются умеренной эмоциональностью. По параметру громкости в них встретились все три варианта в такой последовательности: умеренно, тихо, громко. Тон в них представлен двумя разновидностями: в четвертом и шестом сочетаниях — самоуверенный, в пятом сочетании — мягкий (четвертое сочетание: умеренно эмоционально, умеренно громко, самоуверенный тон — 7,3% случаев; пятое сочетание: умеренно эмоционально, тихо, мягкий тон — 5,3%; шестое сочетание: умеренно эмоционально, громко, самоуверенный тон — 5,3% случаев). Четвертое из рассмотренных сочетаний примыкает к первому и третьему, отличаясь от них по тону, шестое разнится от четвертого по градации громкости. Четвертому и пятому сочетаниям массива русской речи присуща эмоциональность, комбинирующаяся в четвертом сочетании с умеренной громкостью и спокойным тоном, в пятом — с громкой речью и убедительным тоном (9,5 и 8,5% случаев соответственно).

В массивах английской и русской ТВР первая наиболее репрезентативная группа совпадает по комбина-

торике вариантов и очень близка по количеству наблюдений. Для нее характерна комбинация вариантов максимальной интенсивности — эмоционально, громко, самоуверенным тоном (в английской речи — 17%, в русской — 15,5% случаев при разнице в количестве наблюдений 1,5%). Вторая группа массива английской речи контрастирует с рассмотренной. В ней представлены диаметрально противоположные варианты минимальной интенсивности анализируемых параметров — сухо, тихо, спокойно. В массиве русской речи данной группе соответствует четвертое по частоте встречаемости сочетание при незначительной разнице в количестве наблюдений (в английской речи — 7%, в русской — 5,7% случаев при разнице в 1,3%). Вторая группа массива русской речи отличается от описанной выше второй группы массива английской речи лишь по параметру громкости, в ней наблюдалась не тихая, а умеренно громкая речь при той же ее сухости и спокойном тоне (в 6,3% случаев). В соответствующем массиве английской речи данное сочетание находим среди менее частотных (в 4%). Третье сочетание массива английской речи отличается от предыдущего по тону. В нем при сухой умеренно громкой речи зафиксирован самоуверенный, а не спокойный тон (в 6%). В массиве русской речи данное сочетание наблюдалось среди малочастотных (в 2,8% при разнице в 3,2%). Третье сочетание массива русской речи примыкает к вышеописанному, отличаясь от него по параметру эмоциональности. Ему присущи умеренная эмоциональность, умеренная громкость и самоуверенный тон. В массиве английской речи данному сочетанию соответствует пятая по частотности встречаемости группа (в русской речи — 6,3%, в английской — 5% случаев). Разница в количестве наблюдений здесь также незначительна (1,3%). Четвертая и шестая группы массива английской речи, так же как и пятая, шестая и седьмая группы массива русской ТВР не имеют аналогов в сопоставляемых массивах среди частотных.

Четвертое сочетание английской речи характеризуется умеренной эмоциональностью, тихим продуцированием речи и мягким тоном (5%). В массиве русской речи оно зафиксировано среди малочастотных (в 3,4% при разнице в количестве наблюдений 1,6%). Шестое сочетание рассматриваемого массива совпадает с четвертым

по минимальной громкости и близко по тону. Вместо мягкого в нем наблюдался робкий тон, речь в таком сочетании отличалась эмоциональностью (в 5%). В массиве русской речи данное сочетание среди частотных не зафиксировано. Пятое и шестое сочетания массива русской речи совпадают по двум параметрам и отличаются по степени эмоциональности. Обоим им присуща громкая речь, продуцируемая самоуверенным тоном. Однако пятое сочетание отличается сухостью, шестое — умеренной эмоциональностью речи (5,7 и 5,1% случаев). В последнем седьмом сочетании массива русской речи наблюдалась эмоциональная, умеренно громкая речь убедительного тона (4,6% случаев). В соответствующем массиве английской речи перечисленные сочетания среди частотных не зафиксированы.

Как видно из проведенного анализа, в вариантах сочетаний параметров эмоциональности, громкости и преобладающего тона в сопоставляемых массивах ЛВР наряду с общими показателями наблюдаются и значительные расхождения, в основном за счет третьего компонента. В английской речи в репрезентативных сочетаниях встретилось четыре разновидности тона: убедительный, спокойный, самоуверенный и мягкий, в частотных сочетаниях массива русской речи отмечались только две первых, причем спокойный тон в русской речи наблюдался значительно чаще, чем в английской (на 24,8%). Однако основным различием является то, что в массиве легковоспринимаемой русской речи среди репрезентативных встречается больше, чем в английской речи, сочетаний, характеризующихся эмоциональностью продуцируемой речи (в русской речи — три сочетания, в английской — одно, в русской речи количество наблюдений эмоциональности на 23,9% больше). К различиям относится и то, что в массиве английской речи наблюдалось одно сочетание с тихой речью, чего в соответствующем массиве русской речи среди частотных не зафиксировано.

В сопоставляемых массивах ТВР, хотя и в меньшей мере, чем в ЛВР, также имеется ряд расхождений. В массиве русской речи больше, чем в английской, представлено громкое продуцирование речи (в русском языке — в трех сочетаниях, в английском — в одном, на 9,3% больше) и, наоборот, тихая речь чаще наблюда-

лась в английской речи (в английской речи — в трех сочетаниях, в русской — в одном, на 11,3% больше). В массиве английской ТВР зафиксировано больше разновидностей тона, чем в русской речи. Однако в проценте наблюдений идентичных сочетаний в сопоставляемых массивах значимых расхождений нет.

Суммируя сочетаемость вариантов рассмотренных параметров — эмоциональности, громкости и преобладающего тона, — можно прийти к выводу о том, что наиболее частотным в массивах ЛВР и наиболее благоприятным для восприятия речи является сочетание умеренной эмоциональности с умеренной громкостью и спокойным или убедительным тоном. В репрезентативных сочетаниях представлена либо эмоциональная, либо умеренно эмоциональная речь. Интенсивность громкости в большинстве сочетаний умеренная. Преобладающий тон в них либо спокойный, либо убедительный. В массивах ТВР наиболее частотным сочетанием является комбинация эмоциональной громкой речи с самоуверенным тоном. Такая речь может скоро утомлять и раздражать слушателя. В ТВР наряду с максимальной наблюдается примерно в равном количестве сочетаний и нулевая эмоциональность (сухо), отсутствующая в массиве ЛВР. По второму параметру в массиве русской ТВР преобладает максимальная громкость. В массиве английской ТВР контрастная ей минимальная громкость (тихо) представлена в одинаковом количестве наблюдений. Тихая речь в сочетании с нулевой эмоциональностью не создает благоприятных условий для восприятия. Преобладающий тон в большинстве репрезентативных сочетаний обоих массивов ТВР самоуверенный.

Рассмотрев комбинаторику вариантов двух-трех параметров для определения степени их взаимосвязанности, проанализируем далее, наращивая по одному параметру, сочетаемость шести — девяти параметров одновременно. Такой широкий охват всех параметров звукового оформления речи даст более полное представление о закономерностях комбинаторики их вариантов. Однако, естественно, что с увеличением количества одновременно рассматриваемых параметров увеличится дробность, количество сочетаний их вариантов.

При анализе сочетаний первых шести позиций звукового оформления речи — как вос-

принимается речь, не утомляет ли слушающего, какова дикция индивида, а также степень выразительности, эмоциональности и громкости его речи — обнаруживается следующее. В массиве английской ЛВР встретилось 26 вариантов сочетаний, четыре из которых частотны, в соответствующем массиве русской речи — 39 вариантов при пяти частотных. В массиве английской ТВР наблюдалось 48 сочетаний, в русской речи 51 при шести частотных в обоих массивах ТВР.

Первое сочетание массива английской ЛВР характеризуется четкой дикцией, выразительностью, умеренной эмоциональностью и умеренной громкостью речи, которая при общении не утомляет и легко воспринимается (20,6%). Аналогичное сочетание в массиве русской ЛВР стоит по частотности на втором месте (11,7% случаев). Разница в количестве наблюдений данного сочетания в сопоставляемых массивах умеренная (8,9%). Первое сочетание массива русской ЛВР, в свою очередь, соответствует второму в массиве английской речи (в русской речи — 14,1%, в английской — 18,7% случаев) при небольшой разнице в количестве наблюдений (4,6%). От предыдущего сочетания указанная комбинация вариантов отличается тем, что в ней вместо умеренно эмоциональной наблюдается эмоциональная речь. Третьи и четвертые сочетания сопоставляемых массивов, по сути, совпадают. Третьи сочетания отличаются от первого в английской и второго в русской речи также по одному параметру. В них наблюдается вместо выразительной умеренно выразительная речь (в английской речи — в 18%, в русской — в 8,9% случаев). Как очевидно, разница в количестве наблюдений такого сочетания в сопоставляемых массивах умеренная (9,1%). Четвертые сочетания отличаются от третьих по параметру дикции. Вместо четкой наблюдается средняя дикция при всех прочих умеренных показателях. Данные группы в обоих массивах полностью совпадают в количественном отношении (по 7,3% случаев). Следует отметить, что в третьем сочетании в русской речи анкетизируемые фиксировали обычное, в английской — легкое восприятие речи, что, по сути, особых различий не составляет. Помимо названных сочетаний в массиве русской речи наблюдалось пятое репрезентативное сочетание, совпадающее с первым по всем параметрам, кроме степени громкости.

В нем вместо умеренного фиксировалось громкое продуцирование речи (в 7%). Данное сочетание в массиве английской речи встретилось среди малочастотных (в 3,3%). Среди малочастотных сочетаний (в 3,3%) в массиве английской речи наблюдалось и сочетание всех срединных показателей с тихой речью, в то время как в малочастотных сочетаниях (до 1,5%) массива русской речи отмечалась умеренная и намного реже громкая речь в четырех сочетаниях из 17). Ряд сочетаний с меньшими частотами в обоих массивах повторяют вышеописанные с той лишь разницей, что в них указывается, что речь воспринимается обычно.

Первое по частотности репрезентативное сочетание в массиве английской ТВР отличается четкой дикцией и максимальными показателями выразительности, эмоциональности и громкости. Такая речь воспринимается обычно, но утомляет слушателя (9%). В массиве русской речи аналогичное сочетание занимает четвертое место (5,1% случаев). Разница в количестве наблюдений невелика (3,9%). Второе сочетание в массиве английской речи диаметрально противоположно первому. В нем представлена невнятная дикция, монотонность, сухость и минимальная громкость речи (8%). Такая речь воспринимается трудно, утомляет аудитора. В массиве русской речи данное сочетание расположено на пятом месте по частоте встречаемости (4,6%) при небольшой разнице в количестве наблюдений (3,4%). В массиве русской ТВР на первом месте находится сочетание, совпадающее с первым в массиве английской речи и, соответственно, с четвертым в русской речи по параметрам эмоциональности и громкости. В них представлены максимальные показатели указанных параметров. Однако вместо четкой здесь зафиксирована невнятная дикция и вместо выразительности — умеренная выразительность, что естественно, так как невнятность и выразительность речи несовместимы (8,6% случаев). В массиве английской речи аналогичное сочетание не зарегистрировано (в пределах до 3% случаев). Третье сочетание массива английской ТВР непосредственно примыкает ко второму, и отличается от него только по параметру степени громкости. В нем вместо минимальной отмечается умеренная громкость при той же невнятности, монотонности и сухости речи (6%). В массиве

ве русской речи оно стоит на втором месте, почти полностью совпадая по количеству наблюдений с таковым в английской речи (6,3% при разнице в количестве случаев 0,3%). Третье сочетание массива русской речи совпадает с пятым этого же массива и вторым массива английской речи по всем параметрам, кроме эмоциональности. В нем вместо сухости наблюдается умеренная эмоциональность при той же невнятности, монотонности и умеренной громкости (6,3%). Аналогичное сочетание в массиве английской речи находим среди малочастотных (3%). Четвертое, пятое и шестое сочетания массива английской речи, по сути, повторяют рассмотренные выше первые три, с той лишь разницей, что в последних трех репрезентативных сочетаниях представлена средняя дикция. Четвертое сочетание совпадает по всем параметрам, кроме дикции, со вторым, пятое сочетание с первым, шестое — с третьим. Количество наблюдений в них почти одинаковое (6, 5 и 5%). В массиве русской речи аналогичные сочетания зафиксированы с меньшими частотами (2,8, 2,3 и 2,3% при разнице в количестве наблюдений в 4,2 и в 2,7%). Последнее, шестое, репрезентативное сочетание массива русской речи примыкает к пятому и второму сочетаниям, отличаясь от них по степени громкости. При невнятности, монотонности и сухости речи для пятого характерна минимальная громкость, для второго — умеренная и для шестого — максимальная громкость (4% случаев). В массиве английской речи аналогичное сочетание (невнятно, монотонно, сухо, но громко) не зафиксировано.

Итак, сопоставительный анализ комбинаторики вариантов первых шести параметров звукового оформления речи показал, что рассмотренные сочетания в массиве английской и русской ЛВР, в основном, совпадают. Четыре аналогичные сочетания, представленные в обоих массивах, близки и между собой. Они отличаются друг от друга по одному из вариантов исследуемых параметров. Разница в количестве наблюдений одного и того же сочетания в сопоставляемых массивах либо умеренная, либо незначительная.

В массивах английской и русской ТВР во многом также наблюдается сходство. Это прослеживается как в наличии ряда аналогичных сочетаний в обоих массивах,

так и в близких частотах их встречаемости. Значимым различием является то, что во всех шести репрезентативных сочетаниях русской речи, кроме одного, наблюдалась нечеткая дикция, в то время, как в трех из шести сочетаний массива английской речи зафиксирована средняя дикция. Кроме того, в массиве русской речи наблюдалось не встретившееся в массиве английской речи сочетание, для которого характерен контраст минимального проявления показателей дикции, выразительности и эмоциональности с максимальным проявлением степени громкости (невнятно, монотонно, сухо, громко). В массиве русской речи больше зафиксировано сочетаний с громкой речью, чем в английской. Русская речь даже в массиве ТВР более эмоциональна. В массиве английской ТВР преобладает сухость.

Проанализируем комбинации вариантов семи параметров звукового оформления речи, добавив к рассмотренным выше параметр, количественно характеризующий логическую акцентуацию (как воспринимается речь, не утомляет ли слушателя, какова дикция индивида, степень выразительности, эмоциональности и громкости его речи, каково количество логических ударений). В массиве английской ЛВР встретилось 42 варианта, пять из которых частотны, в массиве русской ЛВР — 75 вариантов при шести частотных. В массиве английской ТВР наблюдалось 63 варианта при шести частотных, в массиве русской ТВР — 85 при четырех частотных.

Первое сочетание массива английской ЛВР характеризуется четкой дикцией, выразительностью, умеренной эмоциональностью, умеренной громкостью и умеренной акцентуацией. Такая речь, естественно, не утомляет и воспринимается легко (17,3% случаев). Аналогичное сочетание в массиве русской речи стоит по частотности на втором месте (10%). Причем разница в количестве наблюдений умеренная (7,3%). Первое сочетание массива русской речи, в свою очередь, совпадает по комбинаторике вариантов со вторым в массиве английской речи. Оно отличается от описанного по одному параметру. В нем наблюдается эмоциональная, а не умеренно эмоциональная речь (в английской речи — 14,7%, в русской — 11,7%). Разница в количестве наблюдений описанного сочетания в сопоставляемых мас-

сивах невелика (3%). Третьи и четвертые сочетания в обоих массивах совпадают. Причем третьи сочетания примыкают к первому в английской и второму в русской речи, отличаясь от них по параметру выразительности. В последнем случае представлена умеренно выразительная речь при четкой дикции и умеренных показателях остальных параметров (в английской речи — 12% случаев, в русской — 6,4% случаев при разнице в частоте наблюдений в 5,6%). Четвертые сочетания примыкают к третьим, отличаясь от них также по одному параметру — дикции. Вместо четкой в данном случае наблюдалась средняя дикция при всех умеренных показателях остальных параметров (в английской речи — 6%, в русской — 5,2% при незначительной разнице в 0,8%). Пятое сочетание массива русской речи (4,6%) по всем показателям совпадает с предыдущим, однако анкетированные отметили вместо легкого, обычное восприятие речи, что, по сути, разницы почти не составляет. В массиве английской речи среди репрезентативных оно не зафиксировано. Пятое сочетание массива английской речи совпадает со вторым по всем показателям, кроме последнего. В нем при четкой дикции, выразительности, эмоциональности и умеренной громкости наблюдалась не умеренная, а частая акцентуация (6% случаев). Упомянутое сочетание сходно с шестым массива русской речи. Однако в последнем отмечалась громкая речь при умеренной акцентуации (4,3%). Помимо вышеуказанных, в сопоставляемые массивы ЛВР вошло значительное количество сочетаний (с частотами от 2,1 до 4%), отличающиеся от рассмотренных сочетаний лишь по одному параметру.

В массиве английской ТВР на первом месте по частотности находится сочетание, для которого свойственна четкая дикция, выразительность, эмоциональность, громкость и частая акцентуация (6%). Такая речь воспринимается обычно, но утомляет слушателя сочетанием максимальных показателей большинства параметров, которые в подобной совокупности из положительных переходят в разряд отрицательных. В массиве русской ТВР аналогичное сочетание, хотя и занимает четвертое место (4%), близко по количеству наблюдений первому сочетанию массива английской речи (разница составляет 2%). Второе сочетание в массиве английской ТВР

полярно первому. В нем представлена комбинаторика вариантов с минимальными показателями параметров (невнятно, монотонно, сухо, тихо, логическая акцентуация почти отсутствует). Речь с такими характеристиками не только утомляет собеседника, но и плохо воспринимается, в первую очередь из-за ее невнятности. Частота встречаемости второго сочетания в массиве английской речи та же, что и первого (6%). В массиве русской ТВР оно стоит на третьем месте (4,6%). Разница в количестве наблюдений его в сопоставляемых массивах незначительна (1,4%). Первое сочетание в массиве русской ТВР отличается от первого в английской речи и, соответственно, четвертого в русской тем, что в нем вместо четкой представлена невятная дикция и вместо выразительности — умеренная выразительность (5,7% случаев). Такое сочетание в массиве английской ТВР среди частотных не встретилось (не наблюдалось в пределах до 3%). Второе сочетание массива русской ТВР примыкает к третьему и, соответственно, ко второму сочетанию массива английской речи. В нем, вместо сухости речи наблюдается умеренная эмоциональность при той же невятности, монотонности, минимальной громкости и почти полном отсутствии логических акцентов (5,1%). В массиве английской речи аналогичное сочетание встретилось среди малочастотных (3%), при небольшой разнице в количестве наблюдений массива русской речи (2,1%). Третье сочетание массива английской ТВР непосредственно примыкает ко второму сочетанию массива русской речи, отличаясь от него лишь по параметру дикции. При той же монотонности, сухости, минимальной громкости речи, в которой логические ударения почти отсутствуют, в последнем случае вместо невятной наблюдается средняя дикция (5%). В массиве русской ТВР сочетание со средней дикцией не наблюдалось не только среди репрезентативных, но и среди малочастотных (в пределах до 1,7% наблюдений). Четвертое сочетание массива английской ТВР примыкает к двум предыдущим (4%). От второго оно отличается тем, что в нем вместо минимальной зафиксирована умеренная громкость. От третьего, кроме того, оно разнится и по параметру дикции. В четвертом, как и во втором, отмечена не средняя, а нечеткая дикция. Указанное сочетание в массиве русской ТВР отнесено к мало-

частотным (1,7%). Пятое и шестое сочетания массива английской ТВР представляют собой разновидности первого и третьего сочетаний (по 4%). В пятом вместо невнятной выявлена средняя дикция, в шестом вместо минимальной — умеренная громкость. Эти сочетания в массиве русской ТВР представлены среди малочастотных (2,3 и 1,7%).

Суммируя сочетаемость первых шести параметров звукового оформления с параметром логической акцентуации, можно прийти к выводу о том, что в сопоставляемых массивах английской и русской ЛВР, как и в предыдущих сочетаниях шести параметров, наблюдаются сходные явления. Большинство рассмотренных сочетаний в обоих массивах по комбинаторике вариантов совпадает и близко между собой в количественном отношении. Кроме того, многие репрезентативные и малочастотные сочетания внутри каждого массива примыкают друг к другу, образуя шкалу, в которой изменяется в каждом случае только вариант одного из параметров.

В массиве ТВР, как и в ЛВР, зафиксировано много общего. В обоих массивах ТВР наблюдается два центральных сочетания — с максимальными и минимальными показателями качеств параметров. К каждому из них, как и в ЛВР, примыкает ступенеобразно ряд репрезентативных и малочастотных сочетаний, отличающихся как внутри одного массива, так и в сопоставляемых массивах по варианту одного из параметров. Аналогичные сочетания в сопоставляемых массивах близки в количественном отношении. Однако, хотя в массивах английской и русской ТВР наблюдается много сходного, в них зафиксировано больше различий между массивами, чем в ЛВР. Разница сводится в первую очередь к тому, что в массиве английской речи среди репрезентативных представлено три из шести сочетаний со средней дикцией, в то время как в массиве русской ТВР среди репрезентативных превалирует нечеткая дикция. В массиве английской речи, в свою очередь, преобладает сухость, в то время как русская речь даже в массиве ТВР более эмоциональна. В сопоставляемых массивах ТВР аналогичные сочетания расположены с большим сдвигом, чем в ЛВР, поэтому некоторые репрезентативные сочетания одного массива в другом оказались среди малочастотных. Кроме того, по одному репрезента-

тивному сочетанию каждого массива не нашло аналогов в соответствующем массиве.

Проанализируем варианты сочетаемости первых семи параметров звукового оформления речи. В отличие от рассмотренного, первые шесть параметров комбинируются не с логической акцентуацией, а с высотой голоса (как воспринимается речь, не утомляет ли слушателя, какова дикция индивида, степень выразительности, эмоциональности, громкости его речи, высота голоса). В массиве английской ЛВР встретилось 39 вариантов, пять из которых частотны, в массиве русской ЛВР — 69 при шести частотных. В массиве английской ТВР наблюдалось 67 вариантов при пяти частотных, в массиве русской ТВР — 80 вариантов при пяти частотных.

В массиве английской ЛВР первым по частотности наблюдений является сочетание четкой дикции, выразительности, умеренной эмоциональности с умеренной громкостью речи, продуцируемой средним регистром голоса. Как очевидно, такая речь не утомляет аудитора, воспринимается легко. В массиве русской речи соответствующее сочетание занимает второе место (в английской речи — 16,6%, в русской — 11%), причем разница в количестве наблюдений его в сопоставляемых массивах не принципиальна (5,6%). Первое сочетание массива русской речи, в свою очередь, совпадает по комбинаторике вариантов со вторым массива английской речи. От предыдущего сочетания оно отличается лишь тем, что в нем вместо умеренно эмоциональной наблюдается эмоциональная речь (в английской речи 16% случаев, в русской — 12,8%). Разница в проценте наблюдений незначительна (3,2%). Третьи и четвертые сочетания в обоих массивах совпадают по набору вариантов и близки количественно. Третьи сочетания отличаются от первого в английской речи и второго в русской по параметру выразительности. Здесь наблюдается не выразительная, а умеренно выразительная речь. Таким образом, в рассматриваемом сочетании, кроме четкой дикции, представлены по всем остальным параметрам умеренные показатели (в английской речи — 14,7%, в русской — 7% случаев при разнице в 7,7%). Четвертые сочетания отличаются от третьих по параметру дикции. В них представлены все умеренные показатели (в англ-

лийской речи 6% случаев, в русской — 6,7%). По количеству наблюдений данные сочетания в сопоставляемых массивах почти совпадают (разница в 0,7%). Пятое сочетание массива русской речи по всем показателям совпадает с четвертым, однако, анкетированные отметили вместо легкого обычное восприятие речи, что, по сути, разницы почти не составляет. В массиве английской речи такое сочетание среди репрезентативных не зафиксировано. Пятое сочетание массива английской речи по всем параметрам совпадает с первым сочетанием, отличаясь, однако, по последнему параметру — высоте голоса. В нем отмечен не средний, а низкий регистр голоса при четкой дикции, выразительности и умеренных вариантах эмоциональности и громкости (4,6% случаев). Аналогичного сочетания в массиве русской речи среди частотных и малочастотных (в пределах до 1,5%) не зафиксировано. Среди малочастотных находим близкие сочетания либо со средней дикцией, либо при четкой дикции с максимальной эмоциональностью. Последнее, шестое сочетание массива русской речи отличается от первого по параметру дикции. В нем наблюдается средняя дикция при выразительной, эмоциональной речи умеренной громкости, продуцируемой средним регистром голоса (4,6% случаев). В массиве английской речи аналогичного сочетания среди репрезентативных не встречалось.

На первом месте в массиве английской ТВР стоит сочетание вариантов, выражающих верхнюю границу или максимальное проявление качеств анализируемых параметров: четкая дикция, выразительность, эмоциональность, громкость речи, продуцируемой высоким голосом (6%). Такая речь утомляет слушателя, хотя трудности восприятия не вызывает. Аналогичное сочетание в массиве русской речи занимает пятое место (4% случаев) при незначительной разнице в количестве наблюдений (2%). Второе диаметрально противоположное сочетание массива английской ТВР характеризуется невнятной, монотонной, сухой и тихой речью, продуцируемой средним голосом (5%). Подобная речь не только утомляет аудитора, но и трудно воспринимается на слух. В массиве русской речи аналогичное сочетание находится в разряде малочастотных (1,7%) при небольшой разнице в количестве наблюдений в сопоставляемых

массивах (3,3%). Первое сочетание массива русской речи отличается от такового в английской речи тем, что в нем вместо четкой дикции и выразительности наблюдается невнятная дикция и умеренная выразительность при той же эмоциональности и громкости речи, продуцируемой высоким голосом (5,7% случаев). Аналогичного сочетания в массиве английской речи не зафиксировано (в пределах до 3% наблюдений). Второе сочетание в массиве русской речи отличается от такового в массиве английской лишь по параметру эмоциональности. При той же невнятности, монотонности и минимальной громкости речи, продуцируемой голосом среднего регистра, во втором сочетании массива русской речи зафиксирована не сухость речи, а ее умеренная эмоциональность (4,6% случаев). В массиве английской речи аналогичное сочетание находится среди малочастотных (3%) при небольшой разнице в количестве наблюдений (1,6%). Третье сочетание массива английской речи непосредственно примыкает ко второму, отличаясь от него по параметру высоты голоса. В обоих сочетаниях наблюдается невнятная, монотонная, сухая и тихая речь, продуцируемая во втором сочетании средним, в третьем — низким голосом (5%). В массиве русской речи ему соответствует четвертое сочетание (4% случаев). Как очевидно, разница в наблюдениях незначительна (1%). Третье сочетание массива русской речи отличается от первого высотой голоса. В первом отмечен средний, в третьем — низкий регистр голоса при невнятности, умеренной выразительности и максимальных показателях эмоциональности и громкости (4,6%). В массиве английской речи аналогичное сочетание не наблюдалось (в пределах до 3%). Четвертое и пятое контрастирующие между собой сочетания массива английской речи почти повторяют второе и первое сочетания этого же массива. Отличаются они от указанных выше сочетаний лишь по параметру дикции. В четвертом и пятом фигурирует средняя дикция вместо четкой в первом и нечеткой во втором сочетании (по 4%). В массиве русской речи аналогичное сочетание находим среди малочастотных (3%).

Как видно из анализа сочетаний вариантов первых семи параметров звукового оформления, в сопоставляемых массивах ЛВР обнаруживается сходство. В обоих

массивах наблюдаются, в основном, одни и те же варианты сочетаний и, хотя аналогичные сочетания представлены в них с некоторым сдвигом в порядке следования, все же в количественном отношении они близки между собой. В сочетаниях большего количества параметров обнаруживаются те же особенности, которые наблюдались и при анализе сочетаний вариантов меньшего количества рассматриваемых параметров. Так, в массиве русской речи немного чаще, чем в английской, в частотных сочетаниях представлена эмоциональность (в русской речи — в двух сочетаниях, в английской — в одном). Четкость речи, наоборот, чаще отмечалась в массиве английской речи (в английской речи — в четырех, в русской — в трех сочетаниях). Кроме того, все рассмотренные сочетания очень близки между собой и отличаются друг от друга в большинстве случаев по варианту одного из параметров, создавая в массиве ЛВР шкалу движения от сочетаний вариантов параметров частично с максимальными, частично с умеренными показателями исследуемых качеств параметров ко всем умеренным.

В комбинаторике вариантов семи первых параметров звукового оформления речи в массивах английской и русской ТВР наблюдается в основном подобная картина, хотя в ней зафиксирован и ряд различий. Как и в ранее рассмотренной комбинаторике шести и семи параметров, аналогичные или сходные сочетания обоих массивов группируются здесь вокруг двух стержневых полярных сочетаний — с максимальными и минимальными показателями качеств параметров. Причем сочетания, в которые входят минимальные показатели качеств, более многочисленны. Сочетания каждой группы, как внутри одного массива, так и в обоих массивах, отличаются друг от друга чаще всего по варианту одного из анализируемых параметров. Основные различия между комбинаторикой вариантов двух массивов заключаются в распределении вариантов параметров дикции и эмоциональности. В сочетаниях массива английской речи зарегистрированы все три варианта параметра дикции, в то время, как в массиве русской речи — два варианта с доминированием нечеткой дикции. Эмоциональность в английской речи представлена двумя контрастными вариантами (эмоционально или сухо) с пре-

валированием последнего. В массиве русской речи фигурируют все три варианта данного параметра, с преобладанием варианта с максимальными показателями его качеств.

Более пристальный качественный анализ сочетаний обнаруживает, что определенные варианты параметров, обладающие сами по себе положительными характеристиками, — эмоциональность, выразительность, громкость — с присоединением других вариантов максимального проявления качеств или верхних границ параметров могут вызывать у слушателя эффект утомления и, наоборот, присоединение к указанным вариантам срединных вариантов других параметров создает благоприятные условия для приема информации.

Проанализируем комбинаторику вариантов сочетаний восьми параметров звукового оформления речи, добавив к рассмотренному сочетанию параметров тембр голоса (как воспринимается речь, не утомляет ли слушателя, какова дикция индивида, степень выразительности, эмоциональности, громкости его речи, какова высота и тембр голоса). В массиве английской ЛВР встретилось 58 вариантов, четыре из которых частотны, в соответствующем массиве русской речи — 112 вариантов при четырех частотных. В массиве английской ТВР наблюдалось 82 при четырех более частотных, в русской ТВР — 113 при том же количестве более частотных сочетаний.

В массиве английской ЛВР на первом месте по частоте встречаемости, как и в предыдущих комбинациях шести и семи параметров, находится сочетание четкой дикции, выразительности с умеренной эмоциональностью, умеренной громкостью и средней высотой голоса, дополненное в данном случае ясным тембром. Такая речь легко воспринимается и при общении не утомляет (13,3% случаев). В массиве русской речи идентичное сочетание находится на втором месте (5,2%). Разница в количестве наблюдений умеренная (8,1%). Первое сочетание массива русской речи является вторым в массиве английской речи. От предыдущего оно отличается по параметру эмоциональности. В нем отмечена не умеренно эмоциональная, а эмоциональная речь (в английской речи — 11,3% случаев). Разница в количестве наблюдений невелика (4,3%). Третье сочетание массива

английской речи отличается от первого тем, что в нем вместо выразительной фигурирует умеренно выразительная речь. В данном сочетании при четкой дикции и ярком тембре представлены все умеренные показатели анализируемых параметров (10%). В массиве русской речи оно зафиксировано среди малочастотных (в 3,4% — при разнице в количестве наблюдений 6,6%). Третье сочетание массива русской речи отличается от третьего в сопоставляемом массиве по двум параметрам — по выразительности и тембру — и по одному параметру — по тембру — от второго сочетания в русской речи. Для него характерны: четкая дикция, выразительность, умеренная эмоциональность, умеренная громкость, средняя высота голоса и мягкий тембр (4,6% случаев). Такое сочетание в массиве английской речи наблюдалось с меньшей частотой (2,7%) при незначительной разнице в количестве наблюдений (1,9%). Четвертое сочетание массива английской речи характеризуется всеми срединными показателями при ярком тембре, присутствующем во всех частотных сочетаниях данного массива (4,6%). Упомянутое сочетание разнится от предыдущего в английской речи по параметру дикции. В последнем случае вместо четкой наблюдается средняя дикция. В массиве русской речи сочетание со всеми срединными показателями находим среди малочастотных (2,4%). Четвертое сочетание массива русской речи в значительной мере отличается от такового под соответствующим номером в массиве английской речи. Ему свойственны: четкая дикция, выразительность и эмоциональность речи при умеренной громкости, средней высоте голоса и мягком тембре (4,3% случаев). В массиве английской речи такое сочетание представлено с меньшей частотой (3,3%) при незначительной количественной разнице (в 1%).

На первом месте в массиве английской ТВР находится сочетание вариантов с максимальными проявлениями качеств анализируемых параметров (четкая, выразительная, эмоциональная, громкая речь, продуцируемая высоким голосом резкого тембра — 5%). Такая речь, хотя и воспринимается обычно, может легко утомлять слушателя. В массиве русской ТВР данное сочетание находится на четвертом месте и наблюдалось с меньшей частотой (3,4% случаев) при незначительной раз-

нице в количестве наблюдений (1,6%). Первое сочетание массива русской речи отличается от такового массива английской речи по параметрам дикции и выразительности. При той же эмоциональности, громкости, высоком голосе резкого тембра в массиве английской речи наблюдалась четкая дикция и максимальная выразительность, в то время как в русской речи — нечеткая дикция и умеренная выразительность (4,6%). Невнятность речи относит это сочетание к трудновоспринимаемым. Второе сочетание массива английской речи диаметрально противоположно первому. Для него характерна невнятность, монотонность, сухость и минимальная громкость речи, продуцируемая средним голосом глухого тембра (4%). В массиве русской речи оно находится в разряде малочастотных. Второе сочетание массива русской речи близко по набору вариантов описанному выше второму сочетанию массива английской речи. Единственным отличием является то, что в массиве английской ТВР зарегистрирована сухость речи, в то время как в русской — умеренная эмоциональность при полном совпадении вариантов остальных анализируемых параметров (невнятно, монотонно, тихо, голосом среднего регистра глухого тембра — 4% случаев). В массиве английской речи аналогичное сочетание встретилось с меньшей частотой (3%). Третьи сочетания в обоих массивах совпадают как по комбинации вариантов, так и количественно. Им присущи невнятность, монотонность, сухость, минимальная громкость речи, продуцируемой низким голосом глухого тембра (в английской речи — 3%, в русской — 3,4%). Четвертое сочетание массива английской речи непосредственно примыкает к первому. Для обоих сочетаний характерны выразительность, эмоциональность, громкость, высокий голос резкого тембра. Единственным различием является то, что в первом наблюдалась четкая, а в четвертом — средняя дикция (3%). Такая речь, хотя и воспринимается обычно, может быстро утомлять слушателя.

Как видно из проведенного анализа сочетаний вариантов восьми параметров звукового оформления, в сопоставляемых массивах ЛВР наблюдается аналогичное явление. В обоих массивах зафиксированы, в основном, одни и те же варианты сочетаний при некоторых раз-

личиях в порядке их следования по частоте встречаемости и, соответственно, при небольших различиях в количестве наблюдений идентичных сочетаний. При пристальном рассмотрении сопоставляемых сочетаний обнаруживается то, что в массиве русской речи более ярко, чем в английском массиве, выступает экспрессивность речи. Так, выразительность и эмоциональность представлены в массиве русской ЛВР в большем количестве сочетаний по сравнению с соответствующим массивом английской речи (выразительность: в русской речи — в четырех сочетаниях, в английской — в двух; эмоциональность: в русской речи — в двух сочетаниях, в английской — в одном). Кроме того, все частотные и малочастотные сочетания в обоих массивах близки между собой и отличаются друг от друга чаще всего лишь по варианту одного из анализируемых параметров.

С увеличением количества одновременно рассматриваемых параметров до восьми уменьшилась, естественно, частота наблюдений каждой группы массивов ТВР. Однако даже и при небольших частотах прослеживаются, в основном, те же черты сходства и различий, которые фиксировались при исследовании сочетаний семи параметров.

Проанализируем комбинаторику вариантов сочетаний всех девяти выделенных нами параметров звукового оформления речи, добавив к рассмотренному выше сочетанию параметров преобладающий тон (как воспринимается речь, не утомляет ли слушателя, какова дикция индивида, степень выразительности, эмоциональности, громкости, высота, тембр голоса и преобладающий тон его речи). В массиве английской ЛВР встретилось 84 варианта, в массиве русской ЛВР — 185. В массиве английской ТВР наблюдалось 90 сочетаний, в соответствующем массиве русской речи — 139. С увеличением количества одновременно рассматриваемых в сочетании параметров увеличивается, естественно, количество вариантов сочетаний и уменьшается их частота встречаемости. В результате этого большинство частотных сочетаний перешло в разряд малочастотных при сохранении общей схемы последовательности вариантов сочетаний.

При изучении комбинаций вариантов девяти параметров в массиве английской ЛВР по сравнению с дру-

гими массивами наблюдалось наибольшее количество частотных сочетаний (3). Первое частотное сочетание в упомянутом массиве характеризуется четкой дикцией, выразительностью, умеренными показателями эмоциональности и громкости, средним регистром голоса, ясным тембром и убедительным тоном. Такая речь легко воспринимается и при общении не утомляет (10% случаев). В массиве русской речи аналогичное сочетание стоит на втором месте и наблюдалось с меньшей частотой (в 3,7% случаев при разнице в количестве наблюдений 6,3%). Первое единственное частотное сочетание массива русской ЛВР отличается от упомянутого выше по параметру эмоциональности. В нем представлена не умеренная, а максимальная эмоциональность (в 4,6%). В массиве английской речи ему, в свою очередь, соответствует второе частотное сочетание (7,3% случаев). Третье, последнее частотное сочетание массива английской речи отличается от первого по параметру выразительности. В нем при четкой дикции, ясном тембре и убедительном тоне наблюдаются умеренные срединные варианты параметров выразительности, эмоциональности, громкости и высоты голоса (6%). В массиве русской речи данное сочетание находим среди малочастотных (1,8% при разнице в количестве наблюдений 4,2%). Третье сочетание массива русской речи совпадает с четвертым сопоставляемого массива английской речи как по комбинаторике вариантов, так и по частоте наблюдений (по 3% случаев). Оно отличается от первого в массиве английской речи и второго в массиве русской по тембру и тону. В нем наблюдается мягкий тембр и мягкий тон, в то время как в названных сочетаниях — ясный тембр и убедительный тон.

В сочетании девяти параметров в массиве ТВР английской речи на первом месте продолжает оставаться то же сочетание максимальных показателей качеств исследуемых параметров, которое прослеживается как наиболее репрезентативное во всех предыдущих, начиная с сочетания первых шести параметров. Указанное сочетание речевых характеристик хотя и воспринимается обычно, но утомляет слушателя. Эффект утомления усиливается в данном сочетании самоуверенным тоном (четко, выразительно, эмоционально, громко, высоким голосом резкого тембра, самоуверенным тоном — 4%).

Аналогичное сочетание в массиве русской речи находится на четвертом месте и перешло в разряд малочастотных (2,8%). Как и в предыдущих четырех сочетаниях с меньшим количеством одновременно рассматриваемых параметров, в данном случае на втором месте в массиве английской речи зафиксировано контрастное первому сочетание минимальных или нижних показателей анализируемых параметров, усугубленное робким тоном (невнятно, монотонно, сухо, тихо, средним голосом глухого тембра, робким тоном (3%). Аналогичное сочетание в массиве русской речи не зафиксировано (в пределах до 1,7% наблюдений). Первое сочетание массива русской речи отличается от такового в массиве английской речи по параметрам дикции и выразительности. При той же эмоциональности и громкости речи, продуцируемой высоким голосом резкого тембра в самоуверенном тоне в сочетании массива английской речи зафиксированы четкая дикция и максимальная выразительность, в то время как в массиве русской речи — невнятная дикция, снижающая выразительность до умеренной (4% случаев). Аналогичное сочетание в массиве английской речи не наблюдалось (в пределах до 2%). Второе сочетание массива русской речи отличается от такового в массиве английской речи по параметрам эмоциональности и тона. Общими вариантами, наблюдавшимися в обоих сочетаниях, являются: невнятность, монотонность, минимальная громкость речи, продуцируемой голосом среднего регистра глухого тембра. Различаются вторые сочетания сопоставляемых массивов тем, что в массиве английской речи проявились нулевая эмоциональность (сухо) и робкий тон, в русской речи — умеренная эмоциональность и мягкий тон речи (3,4%). Третьи сочетания обоих массивов совпадают по всем параметрам, кроме тона. Для обоих сочетаний характерны невнятность, монотонность, сухость и минимальная громкость речи, продуцируемая низким голосом глухого тембра. В английском сочетании отмечен мягкий (2%), в русском — спокойный тон (2,8% случаев), не представляющий в данном случае значимой разницы. Четвертое сочетание массива английской речи, по сути, представляет вариант первого этого же массива. При выразительной, эмоциональной, громкой речи, продуцируемой высоким голосом резкого тембра самоуве-

ренным тоном, в первом сочетании отмечена четкая, в четвертом — близкая ей средняя дикция (в 2%). Аналогичного сочетания в массиве русской речи не наблюдалось (в пределах до 1,7%).

Итак, как видно из проведенного анализа сочетаний девяти параметров звукового оформления речи, в сопоставляемых массивах английской и русской ЛВР наблюдается сходная картина как по комбинаторике вариантов рассматриваемых параметров, так и по количеству наблюдений. Все сочетания в сопоставляемых массивах и внутри каждого из них близки между собой и отличаются друг от друга чаще всего по варианту одного из параметров. Более пристальное рассмотрение всех сочетаний обнаруживает также немного большую экспрессивность русской речи по сравнению с английской.

В комбинаторике вариантов девяти параметров в массивах английской и русской ТВР наблюдаются, в основном, прослеженные ранее черты сходства и различий. Однако в связи с тем, что последний параметр звукового оформления речи — преобладающий тон — является наиболее вариабельным, данное сочетание приобретает, особенно в массивах ТВР, значительно большую разветвленность по сравнению с сочетаниями семи и восьми одновременно рассмотренных параметров.

Итак, как показал анализ сочетаемости вариантов шести, семи, восьми и девяти параметров звукового оформления речи, по мере увеличения в сочетании количества одновременно рассматриваемых параметров, происходит, естественно, уменьшение частот анализируемых сочетаний, что сопровождается определенными поэтапными изменениями. Вначале при небольшом количестве одновременно рассматриваемых параметров основные идентичные и близкие в количественном отношении сочетания чаще всего совпадают по месту их нахождения в массиве. С уменьшением частот встречаемости сочетаний некоторая часть аналогичных комбинаций вариантов, оставаясь в числе репрезентативных, выступает в сопоставляемых массивах со смещением в порядке их следования. При дальнейшем увеличении количества одновременно рассматриваемых сочетаний часть основных идентичных комбинаций переходит в разряд малочастотных. Однако, несмотря на отмечен-

Рис. 1. Наиболее характерные сочетания вариантов параметров звукового оформления английской ЛВР

1 — дикция; 2 — выразительность; 3 — эмоциональность; 4 — громкость; 5 — логическая акцентуация; 6 — высота голоса; 7 — тембр; 8 — преобладающий тон

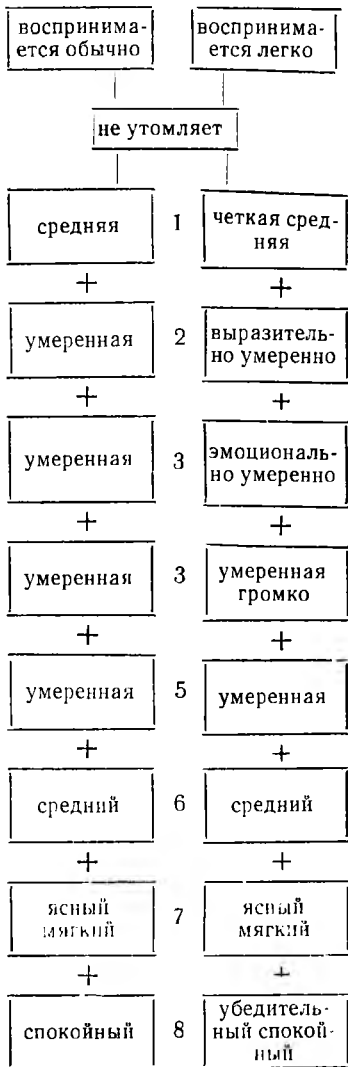

Рис. 2. Наиболее характерные сочетания вариантов параметров звукового оформления русской ЛВР

Рис. 3. Наиболее характерные сочетания вариантов параметров звукового оформления английской ТВР

Рис. 4. Наиболее характерные сочетания вариантов параметров звукового оформления русской ТВР

пые изменения, связанные с уменьшением частоты наблюдений сочетаний, основные черты сходства и различий сохраняются, что говорит о правомерности сделанных в разделе констатаций. Кроме того, при постепенном наращивании количества одновременно рассматриваемых параметров и в конечном счете полном охвате всех параметров звукового оформления речи отчетливее проступают наиболее характерные сочетания и становится полностью очевидным их обоснованное отнесение к массивам легко- или трудновоспринимаемой речи.

В заключение анализа сочетаемости вариантов параметров звукового оформления речи наиболее характерные сочетания массивов английской и русской легко-, обычно- и трудновоспринимаемой речи представим графически (см. рис. 1, 2, 3, 4).

Как видно из рисунков 1, 2, 3 и 4, в массивах обычно- и легковоспринимаемой английской и русской речи прослеживается совпадение всех или основных вариантов сочетаний с варьированием одного-двух параметров; в трудновоспринимаемой речи — совпадение определенных сочетаний с варьированием в сопоставляемых разноязычных массивах целого ряда параметров.

Проведенный сопоставительный анализ сочетаемости вариантов параметров звукового оформления английской и русской легко- и трудновоспринимаемой речи позволяет сделать следующие выводы:

1. Общие закономерности в сочетаемости вариантов параметров звукового оформления речи индивидов, выведенные на материале русского языка, в равной мере относятся и к английской легко- и трудновоспринимаемой на слух речи, что обусловлено, по нашему мнению, общечеловеческими анатомо-физиологическими и нейропсихологическими факторами.

2. В сочетании вариантов параметров звукового оформления речи к общим закономерностям относятся такие явления:

а) срединные варианты параметров могут сочетаться с любыми вариантами других параметров. Например, при средней дикции можно говорить выразительно, умеренно выразительно и монотонно; при умеренной выразительности — эмоционально, умеренно эмоционально и сухо; при умеренной эмоциональности — гром-

ко, умеренно громко и тихо; при средней высоте голоса наблюдается любой тембр и тон речи;

б) тесно коррелируются варианты параметров с одинаковыми количественными показателями — максимальными, средними, минимальными (например, эмоционально, выразительно, громко; умеренно эмоционально, умеренно выразительно и умеренно громко; монотонно, сухо и тихо);

в) некоторые варианты одних параметров могут сочетаться преимущественно с определенными вариантами других параметров. Например, для голоса средней высоты характерно сочетание с ясным и мягким тембром, для низкого голоса — с мягким, сочным и глухим, для высокого — с ясным и резким тембром;

г) некоторые варианты одних параметров сопряжены только с определенными вариантами других параметров (выразительность речи обуславливает четкую дикцию, интенсивная акцентуация — громкость речи, робкий тон — тихую речь);

д) некоторые варианты одних параметров несовместимы с определенными вариантами других параметров (нельзя говорить монотонно и эмоционально, сухо и выразительно, с частыми логическими акцентами и тихо, громким голосом резкого тембра в мягком тоне, низким голосом резкого тембра или высоким голосом глухого тембра).

3. Наряду с общими закономерностями в массивах английской и русской речи проявляются различия, связанные со строем языка, конститутивными особенностями определенных параметров речи, с национальным характером и темпераментом народа, его привычками и социальными факторами. Основные различия в соответствующих массивах английской и русской речи проявляются в распределении частот вариантов параметров дикции, эмоциональности и громкости:

а) в английской легковоспринимаемой речи доминирует четкая дикция, в то время как в русской речи четкая и средняя дикция представлены примерно в одинаковом количестве наблюдений. В массиве трудновоспринимаемой русской речи превалирует нечеткая дикция, в соответствующем массиве английской речи наряду с нечеткой в значительном количестве случаев зафиксирована средняя дикция. Такое распределение вариантов

дикции обусловлено в первую очередь тем, что слова английского аналитического языка, в котором к тому же имеется значительный процент коротких, односложных слов, легче произносить четко, чем многосложные слова флективного русского языка. Кроме того, данное явление можно объяснить и отличием английской артикуляторной базы от русской, где первой присуща большая энергичность. Стимулировать четкость произношения англичан может и присущая им чопорность;

б) в массиве английской легковоспринимаемой речи умеренная эмоциональность встречается значительно чаще, чем максимальная, в русской речи оба указанных варианта степени эмоциональности представлены примерно в одинаковом количестве наблюдений. В английской трудновоспринимаемой речи превалирует сухость. Русская речь даже в аналогичном массиве более эмоциональна, при значительном количестве в нем сочетаний с нулевой степенью эмоциональности. Определенные расхождения в распределении частот вариантов параметра эмоциональности свидетельствуют, вероятно, о несколько отличном отношении англичан и русских к оценке вариантов рассматриваемого параметра. При примерно одинаковом с носителями русского языка не вполне одобрительном отношении к неэмоциональной речи, англичане, которым присущи как национальные черты характера некоторая сухость и сдержанность, предпочитают в легковоспринимаемой речи умеренную, а не максимальную эмоциональность. Русские, как показывает количественный анализ, почти одинаково положительно относятся к обоим упомянутым вариантам — к эмоциональной и умеренно эмоциональной речи;

в) аналогичная картина наблюдается и в распределении вариантов взаимосвязанного с эмоциональностью параметра громкости. Максимальная степень громкости в обоих массивах английской речи встретилась реже, чем в русской. Минимальная степень громкости, наоборот, в английской как трудно-, так и легковоспринимаемой речи фиксировалась чаще, чем в русской. Такое явление можно объяснить, как нам представляется, тем же, что и некоторое расхождение между частотами вариантов параметра эмоциональность. Наблюдения за речью носителей двух языков и результаты проведенного количественного анализа свидетельствуют о том,

что русские в своем большинстве говорят привольнее, громче и эмоциональнее, что связано, на наш взгляд, с национальным характером, темпераментом, конститутивными особенностями параметра громкость и разным оценочным отношением к степени громкости продуцирования речи. Большая громкость русской речи обусловлена и тем, что в ней значительно больше слов находится под ударением, чем в английской речи.

4. В сопоставляемых массивах английской и русской речи в комбинаторике вариантов рассматриваемых параметров и в частоте встречаемости аналогичных сочетаний наблюдается много общего. Однако в массивах английской и русской легковоспринимаемой речи зафиксировано больше сходных черт и меньше различий, чем в сопоставляемых массивах трудновоспринимаемой речи. В массивах английской и русской легковоспринимаемой речи большее количество аналогичных сочетаний совпадает по месту их расположения в массиве и частоте их встречаемости. В трудновоспринимаемой речи часть идентичных сочетаний представлена в сопоставляемых массивах со сдвигом в порядке их следования. Расхождения в проценте наблюдений в данных массивах более значимы, чем в легковоспринимаемой речи. Некоторые сочетания массива трудновоспринимаемой английской речи не представлены среди частотных в соответствующем массиве русской речи и, наоборот. Данное явление можно объяснить тем, что ТВР более индивидуальна.

5. С увеличением количества одновременно рассматриваемых параметров уменьшается, естественно, частота наблюдений каждого сочетания в анализируемых массивах. Однако и при небольших частотах прослеживаются, в основном, те же черты сходства и различий, которые фиксировались при рассмотрении сочетаний меньшего количества параметров, что подтверждает достоверность полученных данных.

6. Большинство репрезентативных и малочастотных сочетаний внутри каждого массива английской и русской речи близки между собой и примыкают друг к другу, образуя ступенчатую шкалу, в которой изменяется от сочетания к сочетанию чаще всего один вариант какого-либо параметра.

7. В комбинаторике вариантов шести — девяти пара-

метров звукового оформления английской и русской легковоспринимаемой речи все сочетания группируются вокруг одного стержневого сочетания, в котором при четкой дикции преобладают срединные показатели других параметров. В трудновоспринимаемой речи сочетания концентрируются вокруг двух основных — с максимальными и минимальными показателями качеств параметров.

8. В сопоставляемых массивах английской и русской речи вычленяются наиболее характерные для них сочетания вариантов параметров звукового оформления речи, в которых в массивах легковоспринимаемой речи прослеживается совпадение всех или основных вариантов сочетаний, с варьированием одного-двух параметров, в трудновоспринимаемой речи — совпадение определенных сочетаний с варьированием в сопоставляемых разноязычных массивах целого ряда параметров (см. рис. 1, 2, 3, 4).

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕМПО-РИТМОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ РЕЧИ ИНДИВИДА

Темп и ритм тесно связаны со звуковым оформлением, образуя с ним в потоке речи неразрывное единство. Прежде чем рассмотреть темпо-ритмические характеристики легко- и трудновоспринимаемой на слух речи индивидов на базе русского языка, кратко остановимся на трактовке понятий темп и ритм и на предлагаемом термине темпо-ритм.

Во многих исследованиях, касающихся проблемы восприятия иноязычной речи на слух, темп рассматривается как один из наиболее важных факторов, обуславливающих качество аудирования. Среди определений темпа встречаются формулировки более общего и более конкретного характера, с указанием единиц измерения. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой темп речи характеризуется как «скорость протекания речи во времени»¹. В словарной статье БСЭ темп речи определяется как «средняя быстрота речи на протяжении того или иного ее отрезка, измеряемая числом слогов в секунду»². Некоторые авторы за единицу измерения темпа принимали количество слов в минуту³. Измерение темпа в секундах неудобно из-за большой дробности. Измерение темпа количеством слов в минуту подвергалось справедливой критике⁴. Наиболее правильным и удобным является измерение темпа речи количеством слогов, произносимых в минуту, так как слог является подлинной, а не условной единицей речи, представляя собой более равномерную по сравнению со словом величину⁵.

Долгое время паузы при рассмотрении темпа речи оставались вне поля зрения специалистов в области методики и психологии речи. В последние годы в связи с новыми исследованиями по теоретической фонетике ученые указанных областей знаний [при анализе темпа

признают необходимость учета пауз. Однако во многих исследованиях такой учет еще недостаточно полный. В. И. Ильина справедливо указывает на то, что темп речи складывается из двух величин — количества слогов в минуту и количества речевых пауз. Установлено, что для иноязычной речи минимальное количество пауз — 7, среднее — 15, максимальное — 24 в минуту. Основываясь на приведенном выше положении, Л. В. Шилкина⁶ подсчитала количество пауз в радиопередачах на немецком языке и пришла к выводу о том, что для них характерно среднее количество пауз в минуту от 9 до 12. Таким образом, обращается внимание на частоту пауз, но не учитывается их длительность. Другие авторы, наоборот, уделяют внимание общей суммарной протяженности пауз во времени без учета их частоты⁷. Установлено, что отношение пауз к звучанию в русской речи равно 16—22%⁸. По данным В. И. Ильиной, среднее арифметическое для средней длительности паузы равно 415 миллисекундам при минимуме в 297 и максимуме — 658 м/сек⁹. Приведенные данные в отношении длины и частоты пауз представляют безусловный интерес. Однако при исследовании темпа речи индивида необходимо учитывать одновременно оба показателя перерыва в звучании речи — длину и частоту пауз. Методической работой, в которой учитываются оба компонента пауз, является исследование Э. Л. Носенко¹⁰. Паузация анализируется для установления уровня владения устной иноязычной речью. Однако и здесь длина и частота пауз рассматриваются изолированно.

В фонетических исследованиях упоминание обоих количественных показателей пауз — их длины и числа — находим при определении темпа лишь в недавно вышедшем втором издании «Фонетика английского языка» В. А. Васильева¹¹. На необходимость суммарного учета указанных характеристик пауз мы отмечали ранее¹².

Среди фонетистов нет единой точки зрения, что считать паузой и какие виды пауз следует различать. Все же большинство фонетистов под паузой понимают как перерыв в звучании, так и воспринимаемый, кажущийся слушателю перерыв при отсутствии такового в звуковом сигнале¹³.

Для обозначения паузы с перерывом в звучании, или нулевой интенсивностью имеется множество терминов.

Ее называют грамматической, смысловой, семантической, межсинтагменной, логической, интеллектуальной, измеряемой паузой. В некоторых трудах по теории фонетики такая пауза представлена описательно без присвоения ей какого-либо термина. Существующая синонимия терминов для определения паузы с перерывом в звучании свидетельствует о неудовлетворенности лингвистов, о неполном соответствии названия функционированию паузы названного типа в речи. Наиболее удачным, по сравнению с другими лингвистическими терминами, на наш взгляд, представляется термин — межсинтагменная пауза.

Другой вид как бы ложной паузы без перерыва в звучании, восприятие которой обусловлено чаще всего резкими изменениями мелодии, темпа или интенсивности, в исследованиях последних лет по фонетике принято называть психологической паузой¹⁴. Однако такой термин нельзя признать удачным. Во-первых, он полисемичен, так как в теории ораторской и сценической речи он издавна обозначает паузу, выполняющую функцию выразительности речи с целью передачи чувств. Во-вторых, в работах по фонетике, в отличие от межсинтагменной паузы, психологическая характеризует явление односторонне, только с позиций воспринимаемого, тогда как в театральном искусстве — с точки зрения обоих участников коммуникации — говорящего и слушающего.

Такую психологическую паузу в терминах теории публичной речи Л. К. Цеплитис называет эмотивной, в отличие от межсинтагменной, которую он называет интеллектуальной¹⁵. М. Г. Каспарова ищет другой подход в дифференциации реально существующих и воспринимаемых пауз. Она вводит, помимо паузы, понятия перерыв и прерыв, где перерыв остается физической категорией, а пауза и прерыв трактуются как категории восприятия¹⁶.

Интерес представляет проведенное названным автором исследование по восприятию пауз. М. Г. Каспарова отмечает, что слышимые паузы без перерыва в звучании не столько обуславливаются интонационными контрастами, сколько смысловым содержанием речевого сигнала. Существуют точки, где паузы ожидаются по тем или иным языковым соображениям. Более того, некоторые паузы с действительным перерывом в звучании могут и

не различаться аудитором в тех местах, где они не ожидаются¹⁷.

В трудах по языкознанию и теории публичной и сценической речи принято различать три вида пауз: логические, психологические и физиологические. Последние, служащие для добора дыхания, называются также дыхательными или люфт-паузами.

К. С. Станиславский, вскрывая разницу между логической и психологической паузой, отмечал: «В то время как логическая пауза механически формирует такты, целые фазы и тем помогает выяснить их смысл, психологическая пауза дает жизнь этой мысли, фразе и такту, стараясь передать их подтекст. Если без логической паузы речь безграмотна, то без психологической она безжизненна... Логическая пауза служит уму, психологическая — чувству»¹⁸.

Некоторые современные фонетисты, например, Л. Р. Зиндер, а вслед за ним и Л. К. Цеплитис считают нецелесообразным говорить о физиологической, дыхательной паузе, так как «подобная терминология может натолкнуть на ложное понимание сущности паузы, при котором определяющей оказывается физиологическая сторона речи»¹⁹.

Вместе с тем Ж. А. Дозорец экспериментальным исследованием доказывает связь между ритмом дыхания и паузами в речи, считая ее одной из основных причин объективной необходимости пауз²⁰.

По нашему мнению, неправомерно отрицать в продуцировании речи ее физиологическую сторону, существующую в реальной действительности. Другое дело, что в речи здорового человека дыхательная пауза обычно совмещается с другими видами пауз.

Наиболее подробную классификацию пауз находим у Л. К. Цеплитиса. В зависимости от способа получения эффекта паузы ученый выделяет темпоральные — с перерывом в звучании, или нулевой интенсивностью — и нетемпоральные паузы — без перерыва в звучании. Исходя из функций пауз, он различает асемантические, или неинтонационные и семантические, или интонационные паузы. Первые делятся на такие группы, как: конститутивные, ситуативные, индивидуальные и физиологические, с еще более мелким дроблением внутри подгрупп. Вторые — семантические паузы — Л. К. Цеплитис под-

разделяет на упоминавшиеся ранее интеллектуальные и эмотивные паузы²¹.

Несмотря на то, что автор сделал определенный шаг вперед в классификации пауз, нельзя, вероятно, считать, что поиск более удачных терминов и оптимальной классификации пауз завершен. В самой терминологии — темпоральные и нетемпоральные паузы (от латинского слова *temporis* — время) и точкой зрения Л. К. Цеплитиса, что паузу не следует относить к временным явлениям, так как время при акустической характеристике пауз выступает лишь вторым измерением²², заключено противоречие. Кроме того, спорным является отнесение автором к темпоральным паузам (с перерывом в звучании) и так называемых пауз хезитации, полностью или частично заполненных звуком²³. Неудачным представляется и термин «интеллектуальные» паузы.

В данном исследовании нами учитываются паузы, связанные с перерывом в звучании смыслового отрезка, так как именно такие паузы создают те или иные условия приема информации.

Говоря о месте и относительной длине пауз в потоке речи, В. А. Васильев отмечает, что паузы между предложениями обязательны и обычно длиннее, чем между смысловыми группами. Паузы иногда наблюдаются и внутри смысловой группы: при обдумывании выбора нужного слова и при эмпазе²⁴.

В методической литературе по обучению восприятию речи выделяют обычно три темпа речи: медленный, средний и быстрый. Однако, как указывалось, паузация при этом либо совсем не принимается во внимание, либо учитывается лишь частично. Встречаются также такие определения темпа, как ускоренный, замедленный, оптимальный, обычный, нормальный. Однако перечисленные определения скорости речи расплывчаты и нечетки. В отношении последнего, как справедливо заметил Л. Д. Цесарский²⁵, не вполне ясно, следует ли понимать под нормальным темпом быстрый или средний темп.

[Разные фонетисты в своих исследованиях выделяют и анализируют разное количество темпов. Так, Л. Р. Зиндер рассматривает всего два темпа — нормальный и быстрый²⁶. При чем Дж. Гейтенби под нормальным темпом понимает индивидуальный темп речи индивида²⁷. Л. С. Агафонова, Л. В. Бондарко и другие ученые суще-

ственным для речи считают различие трех темпов — нормального, быстрого и медленного²⁸. В экспериментах, описанных в книге «Речь. Артикуляция и восприятие», дикторам задавалось семь темпов, хотя, по свидетельству авторов, не все дикторы смогли продуцировать текст во всех требуемых темпах²⁹.

[Подробной классификацией темпов является их градация, предложенная Р. Ферманном³⁰. Данная классификация включает семь разновидностей темпов: 1) очень медленный темп — около 100 слогов/мин; 2) медленный — 150 слогов/мин; 3) ниже среднего — 200 слогов/мин; 4) средний — 250 слогов/мин; 5) выше среднего — 300 слогов/мин; 6) быстрый — 350 слогов/мин; 7) очень быстрый — 400 слогов/мин и более.

Несмотря на то, что Р. Ферманн сделал новый шаг в градации темпов, все же его классификация имеет ряд недостатков. Во-первых, данное деление на темповые группы, по сути, механическое. Каждые соседние группы темпа отстоят друг от друга на 50 слогов в минуту. Во-вторых, как и все предыдущие, данная классификация отражает только внешнюю сторону темпа. Она не учитывает расстановки пауз, их длины и частоты.

В. И. Ильина теоретически выводит возможные девять комбинаций темпа произнесения с длиной паузы и математически доказывает, что «все девять вариантов темпа речи имеют право на существование и могут встречаться в жизни»³¹. Однако какие из этих комбинаций являются характерными в пределах одного и того же темпа произнесения, какие встречаются как редкое явление — не указывается. Кроме того, сочетание темпа произнесения с длиной пауз еще не полностью характеризует варианты темпа. Здесь необходимо учитывать, как уже отмечалось, и частоту пауз. Варианты сочетаемости длины и частоты пауз либо компенсируют друг друга, либо улучшают условия приема информации, либо, наоборот, ухудшают их.

При одном и том же количестве слогов в минуту по-разному будет восприниматься речь при разных комбинациях длины и частоты пауз. В. Риверс справедливо отмечает, что «длина синтагм... и длина пауз между синтагмами важнее, чем темп произнесения слов в синтагме»³². В паузы между синтагмами аудитор осмысливает услышанное, связывает его с ранее поступившей порцией

информации, иногда прогнозирует. Если синтагмы по объему перегружены, то есть паузы редкие, аудитор плохо удерживает в памяти воспринятое. Если паузы слишком коротки, то аудитор не успевает закрепить содержание синтагмы, передать его в резерв оперативной памяти.

Следует различать абсолютный (articulation rate или absolute speech rate) и общий темп речи³³. Абсолютный темп можно определить как скорость произнесения слогов в минуту с вычетом перерывов в звучании, общий темп — с учетом паузации. Некоторые исследователи общий темп речи называют темпом произнесения, а абсолютный темп — темпом речи³⁴.

Проводя социопсихолингвистическое исследование речи, мы ориентировались на три основных абсолютных темпа (быстрый, средний и медленный), поскольку более точная градация темпов речи возможна лишь при инструментальном их исследовании с фиксацией количества слогов в минуту. Однако в данной градации темпов учитывается разная сочетаемость абсолютного темпа с длительностью и частотой пауз, что в конечном счете дает намного больше разновидностей общего темпа, чем предлагает Р. Ферманн. При этом в нашем исследовании обнаруживается значительное количество вариантов темпо-ритмовых рисунков речи.

В последние годы темп речи исследуется специалистами в области экспериментальной фонетики преимущественно в плане его функциональной детерминированности в разных типах и видах устного высказывания. Темп также изучается как компонент интонации при темпоральной организации фразы и при изучении влияния темпа на длительность и качественные изменения звуков³⁵. Темп в зависимости от индивидуальных особенностей речи говорящего, его взаимосвязь и взаимообусловленность с другими параметрами речи не нашли еще освещения в доступной нам литературе.

Интересным и научно обоснованным представляется функциональный подход Л. К. Цеплитиса к рассмотрению темпа. Автор различает темп как семантическое (интонационное) и асемантическое средство. В первом случае значения интонационного темпа Л. К. Цеплитис разделяет на интеллектуальные, эмотивные и изобразительные. Интеллектуальные значения проявляются в за-

медлении темпа говорящим при передаче наиболее важного отрезка информации. Эмотивные — выражаются в ускорении или замедлении темпа под влиянием определенных эмоций и, наконец, изобразительные значения интонационного темпа наблюдаются при имитации темпа речи других лиц, при отражении скорости протекания событий, действий, о которых идет речь.

Во втором случае темп как асемантическое средство может быть конститутивным, т. е. обусловленным особенностями языка, ситуативным, зависящим от элементов речевой ситуации (от подготовленности аудитории к восприятию определенной информации, от акустических свойств помещения и т. п.), и индивидуальным³⁶. Индивидуальным Л. К. Цеплитис называет темп, «к которому больше всего привык говорящий и который он считает для себя удобным, нормальным. По-видимому, индивидуальный темп связан с рядом психофизиологических свойств данного человека, например, с темпераментом, скоростью протекания нейрофизиологических процессов и т. п.»³⁷.

В данном исследовании рассматривается асемантическая сторона темпа, в первую очередь, индивидуальный темп говорящих на сопоставляемых языках в ситуациях повседневного общения.

Л. Р. Зиндер акцентирует внимание на том, что «темп речи является одной из индивидуальных характеристик говорящего. Вместе с тем различный темп определяется стилем произношения, который, в свою очередь, обусловлен ситуацией»³⁸.

Представляется важным отметить, что при исследовании темпоральных и частотных характеристик в речи спонтанной и в речи прочитанной обнаружилось, что разница в темпе спонтанной речи у разных индивидов гораздо больше, чем в разных типах высказывания у одного и того же индивида³⁹. Таким образом, главным фактором, обуславливающим темп речи человека, является не фоностистика, а тип его высшей нервной деятельности.

На темп речи влияет множество постоянных и переменных экстралингвистических факторов, таких как, например, темперамент народа, условия и темп жизни, социальные взгляды, привычки, профессия, возраст, эмоциональное состояние в момент разговора и многое дру-

гое. Предполагается, что темп речи на разных языках и даже диалектах — разный. Более того речь на одном и том же языке на разных этапах своего исторического развития характеризуется различиями в темпе речи ⁴⁰. Имеются сведения, что в XX веке говорят быстрее, чем в XIX ⁴¹.

[Кратко остановимся на рассмотрении ритма, являющегося в данном исследовании составной частью темпо-ритмовой группы параметров речи индивида. В настоящее время имеется около пятидесяти общих определений ритма, существенно различающихся между собой. Многообразие в трактовке понятия ритма объясняют разным подходом к этой проблеме представителей разных профессий ⁴². Одним из наиболее общих определений является следующее: ритм представляет собой «закономерное чередование соизмеримых и чувственно ощутимых элементов (звуковых, речевых, изобразительных и т. д.)» ⁴³. Многие лингвисты понятие ритма относят только к стихотворной форме и ритмической прозе ⁴⁴.

В последние годы в ряде исследований по экспериментальной фонетике ритм речи рассматривают шире. Полагают, что он присущ не только поэзии, но и обычной прозе ⁴⁵. Анализируя разные точки зрения в отношении понимания ритма, можно прийти к выводу о том, что в современной лингвистике существует в основном две точки зрения в трактовке данного понятия. Согласно первой, ритм рассматривается как модель временной последовательности. Согласно второй, ритм представляет собой модель любой последовательности ⁴⁶. Кроме того, различают два вида ритма: связанный и свободный ⁴⁷. Связанный ритм относится к стихотворным и музыкальным произведениям, свободный — к речи и реализации ее в прозе.

[Ритм является одной из наиболее важных просодических характеристик речевого континуума. Ритм упорядочивает слоговые последовательности во времени, делает речевую цепь более обозримой, чем облегчается восприятие устной информации ⁴⁸. «Основным фактором ритма в речи является чередование ударных и безударных слогов. Ударный слог всегда более выделен по сравнению с безударным либо высотой тона, либо усилением звучания, либо длительностью, либо их комбинацией» ⁴⁹.

Выделенные нами в группе темпо-ритма плавность или отрывистость речи, а также специфика произнесения слов и есть наиболее легко воспринимаемые на слух любым человеком элементы ритма речи. Так, сила акцентуации находится во взаимосвязи с плавностью или отрывистостью речи. В отрывистой речи сила звучания ударного слога обычно больше, чем в плавной речи. Кроме того, в отрывистой речи длительность звучания ударного слога меньше, чем в плавной. Длительность звучания ударного слога находится также в прямой зависимости от специфики произнесения слов. Вполне естественно, что длительность звучания ударного слога при произнесении слов нараспев или при специфическом растягивании их гораздо больше, чем при обычном произнесении или при манере говорить, «глотаая» слова. То или иное сочетание вариантов ритмовых параметров обуславливает тот или иной речевой ритм, а в сочетании с вариантами темповых параметров — темпо-ритмовой рисунок речи индивида. Разные темпо-ритмовые рисунки речи создают разные условия для приема информации.

Самого термина темпо-ритм, как единого понятия, ни в лингвистической, ни в методической литературе до настоящего времени не находим. В исследованиях по методике, посвященных восприятию речи, не только темпо-ритм, но и ритм даже не упоминаются. Фонетисты и специалисты в области физиологии и психологии речи при перечислении компонентов просодии темп и ритм называют как отдельные явления. Так, В. А. Артемов к числу воспринимаемых качеств речи относит высоту основного тона, громкость, ударение, длительность, тембр, паузы, ритм, темп, членение на синтагмы и некоторые другие⁵⁰. То же находим и у С. М. Гайдучика: «К компонентам просодии относят такие воспринимаемые качества, как словесное и фразовое ударения, речевую мелодию, темп речи, ритм, тембр, громкость и паузы»⁵¹.

Фонетисты отечественной школы, трактующие в отличие от английских и американских лингвистов понятие интонации широко, относят к ее компонентам либо темп⁵², либо ритм⁵³, либо оба упомянутых просодических компонента⁵⁴ в качестве самостоятельных и равноправных единиц. В. А. Васильев также включает в интонацию и темп, и ритм. Однако ритм рассматривается подчиненным по отношению к темпу. Так, наряду с дру-

гими компонентами интонации В. А. Васильев выделяет темпоральный компонент, составными частями которого считает длительность, паузацию, ритм⁵⁵. При анализе некоторых формулировок ритма обнаруживается, что ряд авторов в противоположность В. А. Васильеву рассматривают темп как составную часть ритма. Так, Э. Ризель под ритмом понимает соотношение фразового ударения, пауз и темпа, взаимодействующих в акте речи⁵⁶. Такого же взгляда придерживается и А. Ф. Брагина, которая полагает, что в свободном ритме живой речи «воспринимаются усиления и спады ударения, ускорение и замедление темпа, обязательные и факультативные паузы...»⁵⁷.

Из изложенного выше видно, что среди лингвистов нет единого мнения о месте темпа и ритма речи в иерархии просодических признаков: одни считают ритм подчиненным темпу, другие — наоборот, третьи — рассматривают темп и ритм как равноправные элементы одной и той же знаковой системы. Из сказанного также вытекает важный вывод о том, что темп и ритм находятся в сложной взаимосвязи и взаимозависимости. Тесное переплетение темпа и ритма проявляется еще и в том, что воспринимаемые паузы представляют собой элементы обоих рассматриваемых явлений. С одной стороны, частота и длительность пауз обуславливают общий темп речи, с другой стороны, паузы отделяют ритмические такты друг от друга⁵⁸.

Словарь лингвистических терминов не регистрирует, естественно, понятия темпо-ритм, поскольку оно в лингвистической и методической литературе до настоящего времени не употреблялось. Однако в словарной статье о темпе в качестве иллюстраций наряду с темповыми приводится и чисто ритмовая характеристика речи. Так, О. С. Ахманова в примерах, кроме быстрого и медленного темпов, называет также прерывистый темп речи. Последний конкретизируется следующим образом: «отрывистая речь, резко разделяющаяся на короткие отрезки»⁵⁹. Такое отнесение ритмовой характеристики к темпу лишний раз подтверждает тесную взаимосвязь темпа и ритма, которые представляют в речи сложное единство.

Впервые термин темпо-ритм был предложен К. С. Станиславским, обратившим внимание на тесное сочетание, слияние двух рассматриваемых явлений. В театральном

искусстве различают темпо-ритм всей пьесы, действия, каждой роли и, наконец, темпо-ритм сценической речи⁶⁰.

Однако сценическая речь — не что иное, как отражение и подражание речи разных индивидов разных социальных и этнических групп разных эпох. Сценическая речь вышла из речи реальной коммуникации и развивается по общим законам.

Исходя из сказанного, перенесение термина темпо-ритм из области театрального искусства в социолингвистику и психолингвистику представляется не только правомерным, но и плодотворным для дальнейшего комплексного исследования речи носителей того или иного языка.

Для такого комплексного изучения и описания речи индивида, помимо введения термина темпо-ритм, необходим также набор определений, характеризующих основные параметры темпо-ритма. Для подробной характеристики речи индивида по темпо-ритму можно использовать в разных сочетаниях перечень вариантов параметров данной группы, представленных в разработанной нами анкете по речевой характеристике. Примеры такой подробной характеристики темпо-ритма речи индивидов:

1) абсолютный темп быстрый (350 слогов/мин), паузы редкие, короткие, произносит слова отрывисто, «глотая» окончания;

2) темп средний (250 слогов/мин), паузы редкие, средней длительности со звуком-заполнителем пауз м, произносит слова плавно, нараспев;

3) темп очень медленный (100 слогов/мин), паузы частые, длинные, заполняемые часто звуком э, произносит слова плавно, очень растягивая их.

Темпо-ритм человеческой речи имеет некоторые общие черты с языком музыки. Поэтому представляется возможным для лаконичной трактовки темпо-ритма речи индивида использовать по аналогии практику называния темпо-ритмов в музыкальных произведениях. В таких кратких характеристиках выделяется главное — общий темп и наиболее характерная черта ритма. Такие словосочетания, как *Allegro Picicatto* (быстро отрывисто) или *Largo Grave* (медленно отчеканивая) более адекватно характеризуют темпо-ритмовую специфику речи индивида, чем определение «говорить быстро» или «говорить медленно».

Итак, примерами кратких определений темпо-ритма речи индивида могут служить следующие: быстро плавно, быстро отрывисто, умеренно плавно, медленно нараспев, медленно, растягивая каждое слово и др.

Для наглядной графической передачи темпо-ритма речи индивида в научно-лингвистических целях, а также для зашифрованной его интерпретации, например, в юриспруденции для распознавания личности по особенностям речи, описательные характеристики рассматриваемой группы параметров можно также передать в транскрипции. Для такой транскрипции можно использовать элементы тонической транскрипции, в частности для передачи пауз, синусоидальную кривую, заключенную между двумя параллельными горизонтальными прямыми, для передачи абсолютного темпа, а также отдельные музыкальные знаки.

Так, медленный темп можно передать синусоидальной кривой с большим периодом колебаний, то есть с далеко отстоящими друг от друга максимумами (рис. 5). Средний темп можно передать синусоидальной кривой со средним периодом колебаний (рис. 6) и быстрый темп — синусоидальной кривой с малым периодом колебаний (рис. 7). Причем по мере убыстрения или замедления любого из трех основных темпов период колебаний синусоидальной кривой соответственно уменьшается или увеличивается.

Рис. 5

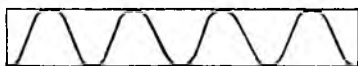

Рис. 6

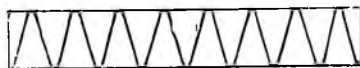

Рис. 7

Как и в тонической транскрипции, для передачи коротких пауз используется вертикальная волнистая линия $\{$, для паузы средней длительности — вертикальная прямая $|$, для более длительной паузы — две параллельные вертикальные прямые $||$. Для передачи плавности речи используются дугообразные линии, обознача-

ющие в музыке слитность, плавность (*legato*) $\smile \smile$. Для отрывистости речи над максимумами синусоидальной кривой можно ставить точки [. . .], обозначающие в музыке отрывистость (*staccato*). Специфику произнесения слов — «глотание» слов и окончаний — можно изобразить знаками апострофов [' ' '], расставляемых внизу между волнами. Растягивание слов можно изобразить пунктирной линией, нараспев — волнистой линией, подчеркивающей синусоидальную кривую темпа речи. Для обозначения обычного произнесения слов специального знака не вводится. Звук-заполнитель паузы можно отмечать перед знаком паузы.

Как видно, предлагаемая транскрипционная передача темпо-ритма располагается на трех полях. Верхнее поле используется для обозначения плавности или отрывистости речи, среднее — для передачи общего темпа и нижнее поле — для фиксации специфики произнесения слов. При наличии инструментальных измерений количество произнесенных в минуту слогов можно проставлять перед синусоидой темпа на среднем поле.

Приведем примеры описательных характеристик в транскрипции. Так, полная описательная характеристика (О. Х.) № 1 изображена на рис. 8, описательная характеристика № 2 — на рис. 9, описательная характеристика № 3 — на рис. 10.

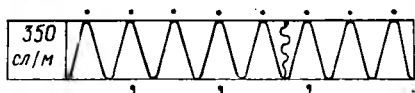

Рис. 8

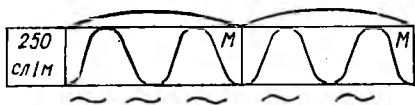

Рис. 9

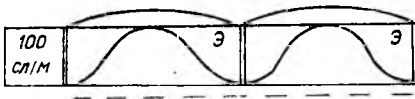

Рис. 10

О. Х. № 1: абсолютный темп быстрый (350 слогов/мин), паузы редкие, короткие, произносит слова отрывисто, «глотаая» окончания.

О. Х. № 2: темп средний (250 слогов/мин), паузы редкие, средней длительности со звуком-заполнителем пауз м, произносит слова плавно, нараспев.

О. Х. № 3: темп очень медленный (100 слогов/мин), паузы частые, длинные, заполняемые часто звуком э, произносит слова плавно, очень растягивая их.

Такое транскрибирование речевой характеристики индивида можно расширять, включая и звуковое оформление речи. Так, для изображения высоты голоса кривую темпа можно располагать в верхней трети горизонтальных параллельных линий для передачи высокого голоса, в средней полосе — для передачи среднего голоса и в нижней трети — для передачи низкого голоса.

Для глубокого изучения какого-либо явления целесообразно расчленять его на составляющие. Это относится и к исследованию темпо-ритма речи. Однако наряду с анализом необходим и синтез, который объединяет в одно понятие темп и ритм, как и входящую в них паузацию. В речепроизводстве темп и ритм, как никакие другие характеристики речи, слиты воедино. В данном исследовании сочетается аналитический подход с конечным синтезом. Вначале рассматривается каждый параметр отдельно, затем сочетание двух-трех параметров и наконец — сочетание всех параметров группы темпо-ритма суммарно. Такого комплексного исследования темпо-ритмовых характеристик речи ни в лингвистической, ни в методической доступной нам литературе не находим.

В группу параметров, характеризующих темпо-ритм, относим следующие: 1) плавность или отрывистость речи; 2) специфику произнесения слов (окончаний); 3) абсолютный темп; 4) частоту пауз; 5) длину пауз; 6) употребление или неупотребление звуков, заполняющих паузу. Стержневым параметром данной группы является абсолютный темп, остальные параметры — дополнительные. Однако только сочетаемость перечисленных параметров в своем единстве обуславливает темпо-ритмовую характеристику речи, создает разный рисунок члененности текста и тем самым — различные условия для приема информации.

Рассмотрим частоты отдельных параметров темпо-

ритмической группы и разные варианты их сочетаемости в трудно- и легковоспринимаемой английской речи, а также сопоставление их с аналогичными данными на материале русского языка.

Если для группы трудновоспринимаемой английской речи более характерна отрывистость речи (62%), то в группе легковоспринимаемой речи преобладает плавность (89,3% случаев).

Чрезвычайно интересным представляется совпадение в данном случае результатов анализа на материале английского и русского языков. При большей почти в два раза выборке на базе русского языка процент наблюдений плавности и отрывистости речи в обоих массивах почти одинаковый (в русской речи отрывистость составляет 60,3%, в английской — 62%; плавность — 78,5 и 89,3% соответственно).

Определение «отрывисто» (в анкетах № 1 по манере речи с вопросами открытого типа) конкретизируется следующим образом: говорить *staccato*, говорить дробью, бросая отдельные слова, обрывая фразы. «Говорить дробью» обозначает не только говорить отрывисто, но и быстро. Таким образом, данное определение находится на стыке двух параметров — степени плавности речи и темпа. Определения говорить «бросая отдельные слова», «обрывая фразы» также могут относиться к двум параметрам — к рассматриваемому и к форме выражения мысли. Плавность речи в упомянутых анкетах подробнее не характеризуется.

Само собой разумеется, что отрывистость речи не ласкает слух и особенно в сочетании с обильной акцентуацией отвлекает внимание своей пульсацией, быстро утомляет слушателя. «Перерывы и паузы не должны превращать речь в рубленую»⁶¹.

К. С. Станиславский ратовал за плавность речи. В музыке паузы не мешают кантилене. По его мнению, «размеренная, звучная, слиянная речь обладает многими свойствами и элементами, родственными с пением и музыкой ... Недаром же хорошую речь называют музыкальной»⁶².

Такое совпадение в русском и английском языках нельзя переносить на другие языки без учета их специфики. Отрывистость речи носителей многих восточных языков можно считать нормой и не относить ее к труд-

ностям, возникающим при восприятии речи на слух. На французском языке, благодаря его специфичному legato, требующему поддержания плавной воздушной струи, едва ли вообще можно говорить отрывисто.

В специфике произнесения слов, как ранее отмечалось, выделены такие варианты данного параметра как: говорить обычно, «глотаая» слова или окончания, нараспев, растягивая слова.

Как и в анкетах на материале русского языка, так и английского в массивах ЛВР произнесение «глотаая слова» полностью отсутствует. В них резко преобладает обычное произнесение слов (в русской речи — 84% случаев, в английской — 88%). Обычное произнесение слов встречается в значительном количестве случаев и в массивах трудновоспринимаемой русской и английской речи (20 и 32% соответственно). Проверка анализируемых анкет по адресам убеждает в том, что трудность восприятия речи данных индивидов обусловлена не спецификой произнесения слов, а другими параметрами, например, формой выражения мысли, звуковым, лексическим или синтаксическим оформлением речи.

В массивах ТВР на материале обоих языков преобладает специфичное «глотание» слов или окончаний. Однако процент таких наблюдений в русской речи значительно больше (52,8%), чем в английской (39%). Это явление объясняется, вероятно, более энергичной артикуляцией в английском языке и его аналитическим строем. Хотя можно говорить «глотаая» слова, все же такая небрежная специфика произнесения чаще проявляется в смазывании, «глотании» окончаний слов флективного языка.

В анкете № 1 специфика произнесения слов «глотаая» уточняется: глотаая звуки, глотаая согласные, выпуская неударные гласные, глотаая слоги, окончания, слова, комкая слова.

Не подлежит сомнению, что одним из основных препятствий в восприятии речи является связанная с плохой дикцией и быстрым абсолютным темпом специфика говорить «глотаая» слова или окончания. Нет, вероятно, руководства по ораторской или сценической речи, в котором бы не указывали на необходимость самым строгим образом бороться с этим недостатком.

Так, например, К. С. Станиславский с негодованием

отмечает, что «у многих актеров, небрежных к языку и невнимательных к слову, благодаря бессмысленной торопливости речи просыпание концов доходит до полного недоговаривания и обрывания слов и фраз»⁶³. Слово с недоговоренным концом напоминает великому актеру человека с ампутированными ногами⁶⁴.

Однако этот недостаток в повседневном общении наблюдается значительно чаще, чем на сцене. Он подвергается критике, а иногда и высмеиванию и в художественной литературе и в жизни. В постановке театра им. Евгения Вахтангова трагикомедии Карла Гоцци «Турандот» в импровизированной реплике талантливый актер Николай Гриценко, обращаясь к одному из действующих лиц, восклицает: «Ты, — когда слова глотаешь, хотя бы пережевывал их».

Следующее место по частоте встречаемости во всех выборках занимает специфика произносить слова, растягивая их. Вариант растянутого произнесения слов находится на границе положительных и отрицательных характеристик параметра специфики произнесения слов, с тяготением в сторону негативных признаков. Степень преобладания положительных или отрицательных характеристик зависит от степени растягивания слов, что реализуется в качественном составе сочетаний вариантов других параметров группы темпоритма, в первую очередь, в сочетании абсолютного темпа с частотой и длиной заполненных или незаполненных пауз. При медленном темпе с частыми и длинными паузами хезитации в такой специфике произнесения слов явно преобладает негативный оттенок флегматичной утомляющей речи.

Как и следовало ожидать, в массивах ТВР специфика произнесения слов с растягиванием встречается намного чаще, чем в массивах ЛВР (более, чем в два раза).

При детальном сопоставлении частот встречаемости данного явления во всех четырех массивах обнаруживается неожиданная картина. Предварительное предположение, что растягивание слов во флективном языке будет наблюдаться значительно чаще, чем в аналитическом английском языке, не подтвердилось. Частота встречаемости этого явления в речи носителей обоих языков очень близкая (24,1% — в трудновоспринимаемой русской речи и 21% — в соответствующем массиве

английской речи, 10% — в легковоспринимаемой русской речи и 6% — в аналогичном массиве английской речи). Преобладание количества наблюдений такой специфики произнесения слов в русской речи по сравнению с английской незначительное (на 3,1% больше в ТВР и на 4% — в ЛВР). Обнаруженная закономерность свидетельствует о том, что растягивание слов обусловлено не столько спецификой языка, сколько таким постоянным фактором, как флегматичный склад характера и отчасти преходящими факторами — плохое самочувствие, недостаточное знание фактического материала по теме разговора.

Произнесение слов нараспев встречается довольно редко во всех наблюдаемых массивах (от 4 до 8% случаев) и особого влияния на восприятие речи не имеет. Произнесение слов нараспев может быть связано в русском языке с диалектными особенностями. Кроме того, как в русском, так и в английском языках такая специфика произнесения слов обуславливается анатомо-физиологическими и психологическими особенностями индивида. Последние могут быть не только постоянными, но и преходящими, вызванными определенным эмоциональным лирическим настроением. В анкете № 1 говорить, растягивая слова, детализируется как: растягивая гласные, говорить протяжно, растягивая слова, фразы; говорить нараспев — говорить певуче, распевно, лирично.

В отношении распределения частот вариантов абсолютного темпа речи в сопоставляемых массивах наблюдается сходство. В подавляющем большинстве случаев легковоспринимаемая речь продуцируется в среднем темпе, примерно с одинаковой частотой как в английской, так и в русской речи (в 78 и в 80% соответственно).

Как и в русском языке, быстрый темп в массиве английской ЛВР встречается несравненно реже, чем средний темп. Наиболее редко ЛВР продуцируется в медленном темпе. При этом процент наблюдений на материале английского и русского языков близок, однако в английской речи быстрый темп фиксируется чаще, а медленный немного реже, чем в русской речи (быстрый темп в английской речи наблюдается в 17,3%; в русской речи — в 14,1%; медленный темп в английской речи встретился в 4,6%; в русской — в 5,8%).

В массивах трудновоспринимаемой английской и русской речи преобладает быстрый темп при почти полном совпадении процента наблюдений (в английской речи — 44% и в русской — 43,2%). Значительную почти одинаковую группу в обоих массивах составляет медленный темп (в английской речи — 28%, в русской — 27,4%). В массивах ТВР репрезентативен и средний темп. При этом процент наблюдений по среднему темпу в обоих массивах трудновоспринимаемой английской и русской речи очень близок (в английской речи — 28%, в русской — 29,4%). Он также почти совпадает с процентом наблюдений речи в медленном темпе в сопоставляемых массивах ТВР. Однако трудность восприятия в данных случаях обусловлена не средним темпом, создающим обычно благоприятные условия приема информации, а отрицательными характеристиками других параметров и их комбинаций, что подтвердилось проверкой по адресам анкет данной группы.

Речь в быстром темпе в анкете № 1 с вопросами открытого типа дополнительно характеризуется как: говорить бегло, живо, торопливо, без запинок, без остановки, без умолку, непрерывно, скороговоркой, как трещетка, захлебываясь, говорит, «как горохом сыплет», «шпарит», говорит, как из пулемета, говорить в немыслимом темпе. Большинство данных определений характеризует не только абсолютный темп, но и паузацию. Кроме того, они также привносят дополнительные характеристики других параметров, в первую очередь эмоциональности и формы выражения мысли. Средний темп анкетизируемые характеризуют как нормальный темп. Медленная речь индивида определяется словами: неспеша, неторопливо, небыстро, медленно, цедит слова, «резину тянет», медленно. Дополнительные определения быстрого и медленного темпов расположены по степени концентрации качества — от положительных до отрицательных характеристик внутри одного и того же темпа.

В художественной и публицистической литературе можно встретить многочисленные примеры, иллюстрирующие варианты темпа речи и сопряженные с ним параметры.

Один из учеников советского востоковеда академика И. Ю. Крачковского пишет: «Мне остро не хватало спокойного одобряющего взгляда Игнатия Юлиановича, его

неизменного доброжелательства ко всем, в ком он отмечал искру серьезного отношения к науке; не доставало его медленно нисходявших прочно пригнанных друг к другу, скупых и весомых слов, за которыми стояла мощь громадного опыта»⁶⁵.

Помимо упомянутого темпа речи в приведенной выше цитате указаны и специфика произнесения слов — плавность речи, и лаконичность изложения, и строго продуманный подбор лексики, направленность и выразительность взгляда говорящего.

В мемуарах М. Чарного «Ушедшие годы» характеризуется такой же темп речи Максима Горького. В беседе со Скворцовым-Степановым о премьере «Егор Булычев» Горький, поглаживая одной рукой ус, «говарил медленно с большими паузами, и казалось, каждое слово рождалось в итоге долгого раздумья»⁶⁶.

В обоих приведенных примерах зафиксирован темп спонтанной профессиональной речи, неторопливость которого обусловлена решением мыслительных задач в процессе говорения. В последнем случае причиной медленного темпа речи явилось еще и ухудшившееся состояние здоровья серьезно больного в последние годы жизни Горького.

Ираклий Андронников вспоминает рассказы народного артиста СССР А. А. Остужева о своих друзьях — корифеях русской сцены. На темп его речи наложили уже отпечаток и возраст, и постигшая Александра Алексеевича глухота. В его «речи, звучной и плавной, замедленной, есть что-то необычное, приподнято-театральное, праздничное. Как и в манерах его. Остужев привык к широким красивым жестам, к обдуманым, завершенным движениям... Возвышенная, «романтическая» манера как-то вяжется с обстоятельным, неторопливым рассказом»⁶⁷.

В романе «Луна и грош» С. Моэм дает противоположную по темпу и другим параметрам характеристику речи художника Стреве: «Когда я уехал из Рима, я с ним переписывался и примерно раз в два месяца получал от него длинные письма на плохом английском языке, которые живо воскрешали передо мной его быструю, сбивчивую эмоциональную речь, сопровождаемую энергичными жестами» (перевод — Л. К.)⁶⁸.

В данном примере, помимо темпа, отражена взаимо-

связь вариантов параметров, обусловленная, в первую очередь, определенным типом высшей нервной деятельности. Сбивчивость речи сопряжена в данном случае, прежде всего, с быстрым темпом. Однако отмеченный темп не является обязательным условием неясной формы выражения мысли.

Известный советский музыковед И. И. Соллертинский в общении с коллегами говорил очень быстро. Однако благодаря четкости и лаконичности изложения темп не затруднял восприятие его речи. В рассказе «Первый раз на эстраде» И. Андронников образно называет его темп «пулеметным»: «В фойе, в кругу молодых хохочущих композиторов, я увидел Ивана Ивановича, который рассказывал им, как всегда пулеметно и остроумно»⁶⁹.

Все же быстрый темп в результате редукции гласных редко сочетается с хорошей дикцией, быстро утомляет слушателя, а иногда и затрудняет восприятие, особенно иноязычной речи.

Ем. Ярославский в советах лекторам и пропагандистам рекомендовал: «Не спеши, не будь тороплив в речи. Не все понимают быструю речь. Иной оратор, как горох сыплет слова, не уследишь за его речью»⁷⁰.

А. В. Толмачев также придает большое значение темпу речи выступающего. «Важно избрать правильный темп речи. Ясно, что чересчур торопливая речь, являющаяся часто следствием смущения оратора, так же как и нарочито медленная, не способствует успеху оратора»⁷¹.

К. С. Станиславский предостерегает и от аритмии в речи. «Аритмия в речи, — пишет Станиславский, — при которой слово или фраза начинается медленно, а в середине вдруг ускоряется, для того, чтоб в конце неожиданно точно шмыгнуть в подворотню, напоминает мне пьяного, а скороговорка — пляску святого Витта»⁷².

Мы полностью разделяем мнение знаменитого актера и режиссера, что от «размеренной речи сила воздействия слова увеличивается»⁷³.

Перейдем к рассмотрению частоты и длительности пауз — этого сложного явления, изучением которого занимаются в последнее время специалисты таких областей знаний, как: фонетика, психолингвистика, социоллингвистика, психология, педагогика, медицина. Следует отметить, что «речевые паузы представляют собой

довольно сложный социальный феномен, так как их возникновение, распределение и качественно-количественные особенности обусловлены взаимодействием как лингвистических (семантико-синтетических и фонетических), так и экстралингвистических факторов. Речевые паузы выполняют не только функцию членения речевого потока; они несут также смысловую и языковую информацию наряду с сегментными и просодическими единицами речи»⁷⁴.

При сопоставлении частоты и длительности пауз в легко- и трудновоспринимаемой английской и русской речи обнаруживается следующее.

В легковоспринимаемой речи обоих массивов в распределении вариантов частоты и длительности пауз прослеживается сходство. В них явно преобладают срединные показатели (умеренная частота пауз в русской ЛВР встретила в 79,1%, в английской ЛВР — в 82%; средняя длительность пауз в русской ЛВР составила 66,5%, в английской ЛВР — 79,3%).

Встречаемость редких и частых пауз в ЛВР обоих массивов существенно различается (в русской ЛВР наблюдалось 14,1% редких и 6,4% частых пауз, в английской — 9,3 и 8,6% соответственно).

В распределении пауз по длительности в легковоспринимаемой русской и английской речи также нет разноречия. В обоих случаях короткие паузы встречаются значительно реже, чем умеренные (19,3% в русской и 27,9% в английской ЛВР). Длинные паузы для ЛВР сопоставляемых массивов не характерны и составляют лишь незначительный процент (5,2 и 1,5% соответственно).

В массивах трудновоспринимаемой русской и английской речи разновидности частоты пауз (редкие, умеренные, частые) встречаются примерно в одинаковом количестве случаев (в английской ТВР частоты между вариантами распределяются в пределах от 31 до 36%, в русской ТВР — в пределах от 28,7 до 37,9%).

Подобная картина наблюдается в распределении пауз разной длительности (короткие, средние, длинные паузы). Отличие состоит лишь в том, что диапазон разной длины пауз в английской ТВР колеблется значительно больше (от 27 до 48%) с преобладанием в ней коротких пауз.

Таким образом, в распределении пауз в русской и ан-

глийской речи значительных расхождений не выявлено. В легковоспринимаемой и русской, и английской речи преобладает умеренное употребление пауз средней длительности. В трудновоспринимаемой русской и английской речи разновидности частоты пауз и их длительности встречаются примерно с одинаковой частотой. Исключение составляют лишь короткие паузы, преобладающие в русской и особенно в английской ТВР.

В отношении паузации в анкетах по манере речи отмечается лишь наличие или отсутствие пауз внутри синтагмы и предложения: делая паузы между словами, останавливаясь после каждой фразы, говоря почти без пауз, забывая останавливаться на знаках препинания. Частота и длина пауз отчасти вскрывается в приведенных выше дополнительных определениях быстрого и медленного темпов речи. Из звуков, заполняющих паузы, анкетуемые отмечают лишь звук э. Кроме того, как заполнитель паузы хезитации, студенты отмечают следующее: часто громко вдыхая воздух, громко выдыхая воздух, с придыханием.

К. С. Станиславский придавал паузам большое значение, относя их наряду с интонацией и ударением к трем основным элементам выразительности речи ⁷⁵.

Константин Сергеевич предостерегал от слишком частого употребления пауз. От злоупотребления ими речь становится путаной и растянутой. Однако нельзя и не дорожить паузами, так как они организуют и оживляют речь ⁷⁶.

О правильном выборе длины и частоты пауз говорит и А. В. Толмачев. Он справедливо считает, что длинные паузы между фразами или словами делают речь скучной, утомляют слушателя. Однако смысловая пауза необходима. «С помощью паузы достигается усиление внимания слушателей, подчеркивается значимость слова или мысли» ⁷⁷.

О таких паузах в речи народного артиста СССР А. А. Остужева вспоминает И. Андронников: «Он любил паузы. Они заполнены мыслью... паузы в рассказах Остужева не менее значительны, чем слова» ⁷⁸.

Длительность пауз определяется, по мнению К. С. Станиславского, рядом факторов. В первую очередь, она зависит от «важности», значимости, содержательности, глубины, законченности, сути и смысла того, что стави-

тся между точками, запятыми, что предвещается двоеточием, что спрашивается вопросительным знаком, о чем возвещает восклицательный знак, что недосказывается многоточием и завершается точкой»⁷⁹. Однако есть и другие причины, влияющие на продолжительность пауз, например: «время, необходимое собеседнику для восприятия чужой мысли, а говорящему — для безмолвной передачи недосказанного словами подтекста; от силы внутреннего переживания, от степени взволнованности, от темпо-ритма словесного общения»⁸⁰.

Паузы участвуют в построении не только темпо-ритма музыкального или поэтического произведения, но и темпо-ритма прозы, который создается из чередования сильных, слабых моментов речи и паузы⁸¹.

В отношении употребления звуков-заполнителей пауз в сопоставляемых массивах прослеживается аналогия. Естественно, что в большинстве случаев в легковоспринимаемой русской и английской речи звуки-заполнители не наблюдаются (69,3% в русской речи и 60% в английской). Употребление звуков-заполнителей изредка зарегистрировано в значительном количестве случаев в обоих массивах (27,3% в русской ЛВР и 38,6% в английской). Частое употребление таких звуков-паразитов для ЛВР не характерно.

В массивах ТВР частоты между вариантами частого, редкого употребления или неупотребления звуков-заполнителей пауз распределяются приблизительно равномерно с преобладанием частого употребления особенно в английской речи (в русской ТВР — 36,2% и в английской — 46%).

Приведенное выше сопоставление частот одних и тех же вариантов темпо-ритмовых параметров обнаруживает, что такие частоты в соответствующих массивах русской и английской речи за редким исключением близки или почти совпадают. Это дает основание предположить, что и в сочетании вариантов параметров темпо-ритмовой группы в обоих языках обнаружится сходство.

Рассмотрим сочетания параметров темпо-ритмовой группы в легко- и трудновоспринимаемой английской и русской речи.

В сочетании двух параметров — плавности или отрывистости речи со спецификой произнесения слов — наблюдается следующее.

На материале английского языка в массиве ТВР встретилось восемь вариантов комбинаций, из которых пять частотных, в ЛВР — шесть вариантов, из которых частотных четыре. В русской речи в обоих массивах встретилось то же количество вариантов, что и в английской, с той лишь незначительной разницей, что в трудновоспринимаемой русской речи частотных оказалось не пять, а шесть вариантов.

В легковоспринимаемой английской речи точно так же, как и в русской, резко превалирует сочетание плавности речи с обычным произношением слов (в английской речи такое сочетание встретилось в 78%, в русской — в 65,3%). В группе трудновоспринимаемой речи обоих массивов такое сочетание встретилось лишь в некоторых анкетах (в английской речи — 4%, в русской — 9%), где трудность восприятия обусловлена другими параметрами.

В массиве трудновоспринимаемой английской, как и русской речи, наиболее характерным сочетанием является отрывистая речь, сопровождающаяся тем, что говорящий «глотаёт» слова (23% в английской речи и 41,3% — в русской). При этом процент сочетания отрывистой речи со специфическим «глотанием» слов значительно выше в русской речи, чем в английской.

Помимо отмеченного наиболее частотного сочетания плавности речи с обычным произнесением слов в легковоспринимаемой английской и русской речи наблюдается еще три репрезентативных сочетания, частотность встречаемости которых в обоих массивах очень близка. Располагаются эти сочетания по убыванию частоты следующим образом: «отрывисто, обычно» (18,7% в русской речи, 14% в английской речи), «плавно, растягивая слова» (8,5 и 9%), «плавно, нараспев» (в 4,9 и 8% соответственно).

Хотя последовательность групп сочетаний параметров по убыванию частот в трудновоспринимаемой русской и английской речи совпадает, все же наблюдаются некоторые различия в распределении частот в ТВР разноязычных массивов. В отличие от массива русской трудновоспринимаемой речи частоты в соответствующей английской речи распределились между аналогичными сочетаниями вариантов параметров более равномерно. Так, в репрезентативных сочетаниях, расположенных в обоих

массивах по степени убывания частотности: 1) «отрывисто, глотая слова»; 2) «плавно, глотая слова»; 3) «плавно, растягивая слова»; 4) «отрывисто, обычно произнося слова»; 5) «отрывисто, растягивая слова» — в массиве английской трудновоспринимаемой речи частоты распределялись следующим образом: в первой группе — 23%, во второй — 17%, в третьей — 17%, в четвертой — 16%, в пятой — 14%; в массиве русской трудновоспринимаемой речи — 41,3, 17,2, 11,4, 10,3, 9% соответственно. Такое распределение произошло, по-видимому, за счет превалирования в массиве русской трудновоспринимаемой речи сочетания «отрывисто, глотая слова».

Итак, как видно из изложенного выше, в сочетании вариантов двух параметров — плавности или отрывистости речи со спецификой произнесения слов — в соответствующих массивах английской и русской речи принципиальных различий не выявлено. В легковоспринимаемой английской, как и русской речи, превалирует сочетание плавности речи с обычным произнесением слов; в трудновоспринимаемой — отрывистость, сопровождаемая тем, что говорящий «глотает» слова. Однако процент встречаемости упомянутого наиболее частотного сочетания в ТВР в массиве русской речи значительно выше, чем в массиве английской.

Рассмотрим сочетание трех параметров: плавности или отрывистости речи, специфики произнесения слов и абсолютного темпа. При добавлении последнего — стержневого параметра группы темпо-ритма — обнаруживается следующее. В массиве трудновоспринимаемой английской речи встретилось 20 вариантов комбинаций указанных выше параметров, шесть из которых частотны. В том же массиве русской речи встретилось 22 варианта, пять из которых частотны. В легковоспринимаемой английской речи обнаружено 12 вариантов при двух частотных и 16 вариантов при пяти частотных в аналогичном массиве русской речи. Очевидно, число вариантов комбинаций в однородных массивах английской и русской речи близки. Несколько большее число вариантов в русской речи (на 2—4 варианта) можно отнести, вероятно, за счет значительно большей выборки на материале русского языка.

В легковоспринимаемой английской речи превалирующим сочетанием, встречающимся в большей половине

наблюдений (в 60,6%), является сочетание плавности речи с обычным произнесением слов в среднем темпе. Аналогичная картина наблюдается и на материале русского языка (в 56,7%). Как видно, количественная разница встречаемости данного сочетания на материале двух сопоставляемых языков крайне незначительна (разница составляет 3,9%). Для ТВР такое сочетание не характерно. Оно встретилось лишь в отдельных анкетах (6% в английской и 5,7% в русской речи), в которых трудность восприятия возникла за счет других параметров. Вторые по частотности группы в легковоспринимаемой английской и русской речи не совпадают. В массиве английской речи такой группой является сочетание плавной речи с обычным произнесением слов в быстром темпе (в 14% случаев). В массиве русской речи такое сочетание встречается более, чем в два раза реже (в 6,1%) и стоит на четвертом месте по убыванию частоты в сочетаниях упомянутого массива.

В массиве русской ЛВР вторым по частоте является сочетание отрывистости речи, с обычным произнесением слов в среднем темпе (в 12,8%). В массиве английской речи такое сочетание встречается в два раза реже (в 6%) и стоит на третьем месте по убыванию частоты в сочетаниях данного массива.

В том, что в массиве английской ЛВР второй по частоте группой (хотя и не очень многочисленной) является сочетание с быстрым темпом, проявляется, по нашему мнению, закономерность, связанная с особенностями конститутивного темпа. Конститутивный темп английской речи немного быстрее, чем русской, так как более быстрое произнесение безударных слогов, характерное для английской ритмо-мелодики, ускоряет общий темп речи. Поэтому и индивидуальный быстрый темп английской речи более привычен для англичан, чем для русских, и при благоприятных характеристиках пауз и других параметров не представляется трудным для восприятия носителями английского языка. Однако этот вывод не следует переносить на легкость восприятия быстрой английской речи иностранцами.

Среди других репрезентативных сочетаний в обоих разноязычных массивах в легковоспринимаемой речи зафиксированы следующие сочетания в среднем темпе. Комбинация плавности речи со специфическим растяги-

ванием слов в среднем темпе встретилаcь примерно с одинаковой частотой в английской и русской ЛВР (5,3% в английской речи и 6,7% в русской). Сочетание, отличающееся от предыдущего лишь произнесением слов нараспев, встречается немного реже (4,6% в английской и 2,1% в русской речи).

Сочетание с медленным темпом в обоих массивах ЛВР наименее характерно. В английской речи оно встретилось только в одном сочетании — плавной речи с обычным произнесением слов в медленном темпе (в 3,3%). В русской речи оно наблюдается немного чаще — в трех малочисленных сочетаниях, отличающихся между собой одним параметром. При плавной речи в медленном темпе слова произносятся либо обычно, либо нараспев, либо со специфическим для флегматичной речи растягиванием их (в общей сумме эти сочетания составили 5,4%).

Таким образом, для легковоспринимаемой английской и русской речи в сочетаниях трех параметров — абсолютного темпа с плавностью или отрывистостью речи и спецификой произнесения слов — прослеживается много общего. Наиболее характерной и частотной в обоих массивах является комбинация плавной речи с обычным произнесением слов в среднем темпе. Значительно реже встречаются быстрый темп с обычным плавным произнесением слов и еще реже медленный темп с таким же сочетанием отмеченных выше вариантов рассматриваемых параметров. Однако следует отметить, что в распределении частот в группах быстрого и медленного темпов в английской и русской ЛВР зафиксированы некоторые различия. Комбинация быстрого темпа с плавностью речи и обычным произнесением слов в массиве английской ЛВР встретилаcь в два с лишним раза чаще, чем в таком же массиве русской речи. В сочетаниях с медленным темпом наблюдается обратное явление: в массиве английской ЛВР они представлены почти в два раза реже, чем в аналогичном массиве русской речи.

Как очевидно, носители английского языка плавную речь в быстром темпе с обычным произнесением слов при положительных акустических и других параметрах обычно рассматривают как легко-, а не трудновоспринимаемую, несмотря на быстрый темп. Для англичан привычнее, чем для русских, воспринимать быструю речь как норму в связи с конститутивной спецификой темпа ан-

лийской речи, для которой характерно убыстренное произнесение безударных слов.

В английской ТВР в репрезентативных вариантах сочетаний рассматриваемых параметров наблюдается бóльшая дробность по сравнению с массивом русской ТВР. Однако при пристальном рассмотрении оказывается, что выделенные сочетания в английской речи объединяются вокруг основного параметра — абсолютного темпа — в более крупные группы, отличающиеся между собой одним из рассматриваемых параметров. Так, двум наиболее частотным группам (по 12%) присущ быстрый темп со специфическим «глотанием» слов и произнесением их либо плавно, либо отрывисто. К ним примыкает третья репрезентативная группа в быстром темпе (9%), отличающаяся от предыдущей тем, что при отрывистой речи слова произносятся обычно. Четвертая группа быстрого темпа отличается от предыдущей тем, что в ней обычное произнесение слов сопровождается не отрывистостью, а плавностью речи (9%).

Первые три перечисленные группы быстрого темпа (в общей сумме составляющие 33%) обуславливают своей сочетаемостью параметров трудность восприятия речи, не компенсирующуюся другими положительными параметрами речевой характеристики индивида. Особенно это касается первых двух групп. Степень трудности восприятия речи с темпо-ритмовой характеристикой четвертой группы быстрого темпа зависит от длины и частоты пауз, а также от сочетания данных параметров с другими.

В массиве русской трудновоспринимаемой речи наблюдается, как отмечалось, бóльшая, по сравнению с английской речью, концентрация частот в определенных сочетаниях параметров. Так, наиболее частотное и характерное для ТВР сочетание отрывистой речи в быстром темпе со специфическим «глотанием» слов встретилось в русской речи примерно в одной трети всех наблюдений массива (32,7%). Зато другие два сочетания в быстром темпе с отрицательными характеристиками того или иного параметра встретились в небольшом количестве наблюдений (сочетание плавной речи со специфическим «глотанием» слов в быстром темпе — в 4,2%, сочетание отрывистости речи с обычным произнесением слов в быстром темпе — в 2,8%).

Таким образом, в массиве английской ТВР три сочетания в быстром темпе с отрицательными характеристиками встретились примерно с одинаковой частотой (в 12, 12 и 9%, что составляет примерно 33%). В массиве русской ТВР частоты соответствующих трех групп сочетаний в быстром темпе распределились неравномерно, со значительным превалированием частот в наиболее трудно-воспринимаемом сочетании (32,7, 4,2 и 2,8%, что суммарно составляет 39,7%). Однако, хотя частоты одних и тех же сочетаний параметров в быстром темпе в русской и английской речи не совпадают, суммарно частоты трех сочетаний в быстром темпе с отрицательными характеристиками существенно не отличаются (39,7% в русской речи и 33% в английской).

В обоих массивах трудновоспринимаемой английской и русской речи встретилось по четыре сочетания в медленном темпе, три из которых по комбинации вариантов параметров совпадают. Первая наиболее частотная группа, характеризующаяся плавностью медленной речи с растягиванием слов, встретилась в обоих массивах почти с одинаковой частотой (12,6% в английской и 11% в русской речи). При частых затянутых паузах речь с такими характеристиками, безусловно, утомляет слушателя, затрудняет восприятие.

Второе по частотности сочетание в русской речи — плавная медленная речь с произнесением слов нараспев — представлено и в массиве английской речи, однако с намного меньшими частотами встречаемости (11,4% в русской и 3% в английской речи). Такая разница в частотности в данном случае вполне закономерна. Кантилена в речи не характерна для аналитического языка с большим количеством коротких слов и не вполне сочетается со спецификой английской ритмо-мелодики. В то время как в русском языке произнесение слов нараспев даже характерно для некоторых говоров. Данное сочетание может затруднять восприятие при негативных параметрах паузации и быть нейтральным при срединных показателях пауз.

Третьим малочастотным сочетанием, встречающимся в обоих массивах ТВР примерно с одинаковой частотой, является сочетание отрывистой речи в медленном темпе, сопровождающейся «глотанием» слов (3,4% в русской и 4% в английской речи). Такая речь с негативными пара-

метрами сопровождается обычно рывками, длинными и частыми паузами.

Четвертые малочастотные группы двух массивов не совпадают между собой. В массиве русской речи — это сочетание плавной медленной речи, сопровождающейся «глотанием» слов или окончаний (2,8%). Такая речь с необычным сочетанием может быть присуща застенчивому человеку, говорящему преимущественно робким тоном.

Четвертым сочетанием в массиве английской речи находим комбинацию плавной медленной речи с обычным произнесением слов (5%). В отличие от предыдущих сочетаний в медленном темпе такое сочетание не является характерным для ТВР, если оно сочетается с паузами средней частоты и длительности.

Таким образом, в сочетаниях с медленным темпом в обоих массивах наблюдается по три из четырех аналогичных комбинаций, в двух из которых частотность встречаемости одинакова. В третьей совпадающей по сочетаемости комбинации расхождение в частоте встречаемости обусловлено спецификой английского языка, для которого произнесение слов нараспев не характерно.

Несколько встретившихся в массиве английской ТВР сочетаний в среднем темпе отличаются небольшими частотами (4—6%). В них средний темп сочетается либо с плавностью речи и произнесением слов обычно, нараспев, с растягиванием, либо с отрывистостью речи при обычном произнесении или «глотании» слов. Все перечисленные малочастотные комбинации в среднем темпе, кроме последней, не характерны для ТВР и попали в данный массив, как показала проверка по адресам, по другим негативным параметрам.

Подобная картина наблюдается в сочетаниях со средним темпом и в массиве русской ТВР. Различие состоит лишь в том, что в массиве русской речи встретилось не одно, как в английской, а два сочетания с негативным параметром. В первом, совпадающем с английским, средний темп сочетался с отрывистостью речи и «глотанием» слов (5,7%), во втором — вместо отрывистости речи отмечалась ее плавность при той же специфике произнесения слов (в 4%).

Кратко суммируя результаты сопоставления трех параметров темпо-ритма — плавности или отрывистости ре-

чи, абсолютного темпа и специфики произнесения слов — в массивах английской и русской речи, можно прийти к следующим выводам: существенных различий в сочетаниях вариантов рассмотренных параметров, а также в частоте встречаемости таких сочетаний в английской и русской речи не наблюдается. Имеющиеся небольшие расхождения, о которых шла речь, обусловлены спецификой сопоставляемых языков.

Проанализировав сочетание темпа речи с первыми двумя параметрами (плавностью или отрывистостью речи и спецификой произнесения слов), проследим в противостоящих массивах русской и английской речи сочетание абсолютного темпа речи с двумя последующими параметрами — частотой и длиной пауз.

В массиве английской ТВР встретилось 20 вариантов комбинаций указанных выше параметров, пять из которых частотны. В том же массиве русской речи встретилось 27 вариантов, из которых наиболее частотных семь. В английской ЛВР обнаружено 12 вариантов при пяти частотных и 26 вариантов при шести частотных в аналогичном массиве русской речи. Очевидно, число вариантов комбинаций как всех, так и репрезентативных в трех выборках из четырех близко между собой. Исключение составляет значительно меньшее количество вариантов в массиве легковоспринимаемой английской речи, что можно объяснить следующим.

В массиве английской ЛВР в число частотных сочетаний рассматриваемых параметров не вошли комбинации с медленным темпом, в то время как в массиве русской ЛВР таковые имеются. Данное явление можно, по нашему мнению, отнести за счет особенностей конститутивного темпа английской речи, для которой, как известно, характерно убыстренное произнесение безударных слогов. Темп речи выше среднего англичане воспринимают как норму, а медленный, как проявление флегматичности, раздражающей слушающего.

Подтверждением такой точки зрения является и то, что в рассматриваемых сочетаниях параметров английской ЛВР вторым по частоте встречаемости является сочетание быстрого темпа с положительными показателями пауз — с умеренной частотой и средней длительностью.

Американский лингвист Марио Пеи в своей научно-популярной книге «Рассказ о языке» приводит интересные экспериментальные данные, показывающие, «насколько все слуховое восприятие зависит от языковых привычек»⁸². Психолингвистический эксперимент был проведен на материале словесного удара с представителями разных языков. Лица, участвовавшие в эксперименте, дали совершенно разные показатели в зависимости от места словесного удара в их родном языке.

То же можно отнести и к трактовке темпа речи, легкости или трудности его восприятия в зависимости от того, какая скорость произнесения слогов в минуту является нормативной для представителей того или иного языка.

Разным народам свойственен различный темп речи. Француз произносит в среднем 350 слогов в минуту, японец — 310, немец — 250, англичанин — 220, а у большинства народов Полинезии, Микронезии и Меланезии темп речи достигает всего 50 слогов в минуту⁸³.

Остановимся более подробно на сочетаниях вариантов рассматриваемых параметров в английской и русской легковоспринимаемой речи. Как и следовало ожидать, наиболее частотным, составляющим половину наблюдений в обоих массивах, является сочетание среднего темпа с умеренным количеством пауз средней длительности (51,3% в английской речи и 50% в русской).

Вторые по частотности группы в легковоспринимаемой английской и русской речи не совпадают. Как уже упоминалось, в массиве английской речи такой группой является сочетание быстрого абсолютного темпа с умеренной частотой пауз средней длительности (14%). В массиве русской ЛВР такое сочетание стоит на четвертом месте по частотности и встретилось в три раза реже, чем в массиве английской ЛВР (в 4,6%).

Второй по частоте встречаемости группой в массиве русской ЛВР является сочетание среднего темпа с умеренной частотой коротких пауз (14,4%). В соответствующем массиве английской речи оно стоит на третьем месте по частоте встречаемости (10,6%).

Третьей по частоте группой в русской ЛВР является сочетание среднего темпа с редкими паузами средней длительности (8%). В массиве английской ЛВР такое сочетание, занимающее четвертое по частоте место,

встретилось почти с такой же частотой, как и в русской речи (в 6%).

Последнее репрезентативное сочетание в массиве английской речи, зафиксированное в одинаковом количестве случаев с предыдущим (в 6%), отличается от него только одним вариантом параметра — здесь среднему темпу с паузами средней длительности вместо редких сопутствуют частые паузы. Такое же сочетание с несколько меньшей частотой (3%) наблюдалось и в массиве русской речи.

С близкой частотой (в 4%) встретилось в массиве русской речи сочетание медленного темпа с положительными показателями пауз — с умеренным количеством пауз средней длительности. В массиве английской речи сочетаний с медленным темпом среди репрезентативных не обнаружено.

Таким образом, суммируя сопоставление сочетаемости вариантов параметров абсолютного темпа речи с частотой и длиной пауз в двух рассматриваемых массивах ЛВР можно сделать следующие выводы. Большинство репрезентативных сочетаний встречается в массивах английской и русской легковоспринимаемой речи с близкой частотой (разница колеблется в пределах от 1,3 до 3,8%). Значимым различием в сочетаемости указанных параметров сопоставляемых массивов являются два показателя: 1) в английской речи сочетание с быстрым темпом встречается в три раза чаще, чем в русском языке (в 14 и 4,6% соответственно); 2) среди репрезентативных сочетание с медленным темпом зафиксировано только в русской речи. Следует отметить, что в массивах ЛВР как быстрый темп, так и медленный сочетался с наиболее благоприятной паузацией. Указанные различия в сочетаемости вариантов описанных параметров в массивах английской и русской речи можно объяснить некоторой разницей в конститутивных темпах английской и русской речи.

В обоих массивах английской и русской трудновоспринимаемой речи первым по частоте встречаемости является сочетание быстрого абсолютного темпа с редкими и короткими паузами (29% в английской речи и 17,8% в русской).

Второй контрастной по всем показателям группой выступает сочетание медленного абсолютного темпа с час-

тыми и длинными паузами (15% в английской речи и 9% в русской).

Репрезентативным сочетанием в обоих массивах представлена комбинация среднего темпа с умеренным количеством пауз средней длительности (11% в английской речи и 13,2% в русской). Как показала проверка соответствующих анкет по адресам, данное сочетание, характерное для ЛВР, попало в массив ТВР из-за других негативных комбинаций параметров, в первую очередь, акустических.

К числу репрезентативных сочетаний английской ТВР, помимо трех рассмотренных, относятся еще два сочетания с небольшими частотами (по 5%). Одно из них примыкает к наиболее частотному сочетанию с быстрым темпом, второе — к сочетанию с медленным. Оба они отличаются от наиболее частотных по одному параметру. Так, различия между сочетаниями в быстром темпе состоят в том, что при коротких паузах в одном случае наблюдается их редкое, в другом — частое употребление. Сочетания в медленном темпе отличаются тем, что длинные паузы употребляются либо часто, либо умеренно.

В массиве трудновоспринимаемой русской речи наблюдается аналогичная картина с той лишь разницей, что к основным контрастным сочетаниям примыкает не по одной, а по две группы (6,9 и 7,5% в быстром темпе, 5,1 и 4,6% в медленном темпе). В трех группах быстрого темпа сочетания длины и частоты пауз варьируются по одному параметру. Так, короткие паузы употребляются либо редко, либо часто; при частых паузах наблюдается либо их короткая, либо средняя длительность. Такая же вариативность имеет место и в трех группах медленного темпа. При том, что паузы в медленном темпе могут употребляться либо часто, либо умеренно, они могут быть или длинными, или средней длительности.

Подводя итог результатам сопоставления вариантов и частот сочетаний абсолютного темпа с длиной и частотой пауз в трудновоспринимаемой английской и русской речи, можно прийти к следующему выводу. Как и в рассмотренном ранее сочетании трех параметров (плавности или отрывистости, специфики произнесения слов и абсолютного темпа), в сопоставляемых массивах ТВР существенных различий не обнаружено. В массиве русской ТВР наблюдалось на две репрезентативных группы боль-

ше, чем в массиве английской речи. Однако при сопоставлении сочетаний в быстром и медленном темпе обнаружилось, что суммарно в обоих массивах русской и английской речи они дают близкие количественные показатели. (В быстром темпе в английской речи встретилось два сочетания, составивших 34% наблюдений, в русской речи — три сочетания, составивших 32,2%. В медленном темпе в английской речи наблюдалось два сочетания, давших в сумме 20% случаев, в русской речи — три сочетания, составивших 18,7%).

В анализируемом сочетании легковоспринимаемой английской и русской речи при общей схожести данных имеются некоторые количественные различия в сочетаниях с быстрым и медленным темпом. Такие различия, как отмечалось, обусловлены восприятием, связанным с языковыми привычками, а также особенностями близких, но все же несколько отличающихся конститутивных темпов сопоставляемых языков.

В результате анализа сочетания абсолютного темпа с паузацией в легко- и трудновоспринимаемой речи на базе двух сопоставляемых языков вскрываются те же закономерности в отношении длины и частоты пауз, которые наблюдались при анализе аналогичных данных на материале родного языка изолированно. В сочетаниях быстрого и медленного темпов с длиной пауз не встречается полярных вариантов параметров — при быстром абсолютном темпе длинные паузы между синтагмами не употребляются, равно как и при абсолютном медленном темпе не употребляются короткие паузы. Средний темп может сочетаться с любой длиной пауз, однако длинные паузы для данного, как и для быстрого, темпа не характерны (в частотных сочетаниях не наблюдались). В медленном темпе не бывает не только коротких, но и редких пауз. В быстром и среднем темпах может быть любая частота пауз: паузы частые, умеренные, редкие.

Прежде чем перейти к анализу сочетания рассмотренных трех параметров с последним параметром группы — употреблением или неупотреблением звуков, заполняющих паузу, остановимся на сочетании длины пауз с употреблением звуков изолированно, так как между ними наблюдается самая тесная связь.

В массиве английской ЛВР встретилось шесть вариантов сочетаний длины пауз с употреблением или не-

употреблением звуков, заполняющих ее, четыре из них частотны; в массиве русской ЛВР — девять вариантов, пять из которых репрезентативны. В массиве английской ТВР встретилось также девять вариантов при семи частотных, в русской трудновоспринимаемой речи — десять вариантов, из них восемь репрезентативных. Как очевидно, количество вариантов сочетаний в сопоставляемых массивах близко между собой. Причем в ТВР количество вариантов сочетаний, особенно частотных, больше, чем в ЛВР.

Как и следовало ожидать, в английской ЛВР наиболее частотным, составляющим почти половину случаев (47,3%), является сочетание, в котором в паузах средней длительности звуков-заполнителей не употребляется. Аналогичная картина наблюдается и в русской ЛВР при полном совпадении количественных показателей (47,2%). На втором месте по частоте стоит сочетание, в котором паузы средней длительности заполняются звуками лишь изредка (30,6% в английской речи и 18,1% в русской).

Кроме двух наиболее частотных рассмотренных сочетаний с паузами средней длительности, в обоих массивах английской и русской ЛВР встретилось по два сочетания с короткими паузами. В первом более частотном сочетании короткие паузы не заполнялись (11,3% в английской речи и 17,1% в русской), во втором — они заполнялись лишь изредка (8% в английской речи и 9,2% в русской). Кроме перечисленных четырех репрезентативных сочетаний, встретившихся с близкими частотами в обоих массивах, в легковоспринимаемой русской речи наблюдалось еще одно малочастотное сочетание с длинными незаполненными паузами (3,7%). В массиве английской ЛВР такое сочетание в число репрезентативных не вошло.

Из сказанного видно, что в массивах английской и русской ЛВР при любой длине пауз частого употребления звуков-заполнителей не наблюдается.

В ТВР, как уже отмечалось, больше репрезентативных сочетаний двух рассматриваемых параметров, чем в ЛВР. Причем в русской ТВР частоты между ними распределились равномерно (в пределах 9,2—14,3%). В английской ТВР при том, что многие сочетания близки по частоте с аналогичными сочетаниями в русской речи (разница в частоте встречаемости составляет 1—3%), два из семи репрезентативных сочетания английской ТВР

превосходят по частоте соответствующие русские (на 8,4 и на 5,2%). Это относится к сочетаниям коротких пауз с редким употреблением звуков-заполнителей или их неупотреблением.

Анализ рассматриваемых комбинаций в двух сопоставляемых массивах трудновоспринимаемой русской и английской речи обнаруживает, что в них в отношении сочетаемости разной длины пауз с употреблением или неупотреблением звуков-заполнителей наблюдается аналогичная картина.

Длинные и средние паузы в ТВР обычно заполняются звуками, которые употребляются либо часто, либо изредка. Звуки-заполнители в репрезентативных сочетаниях отсутствуют только в некоторых случаях при коротких паузах. Однако в коротких паузах наряду с редким употреблением или отсутствием данных звуков встречается и их частое употребление. Такие звуки отвлекают внимание, мешают восприятию речи.

Проследим рассмотренные комбинации в более широком сочетании четырех параметров — в сочетании разных темпов с разновидностями пауз по частоте их употребления, по длительности, а также по их заполнению. При добавлении двух параметров к данному сочетанию количество вариантов сочетаний значительно возрастает. Так, в трудновоспринимаемой английской речи встретилось 36 комбинаций при пяти частотных, в соответствующем массиве русской речи — 61 вариант при четырех частотных. В легковоспринимаемой английской речи наблюдалось 21 сочетание при четырех частотных, и в соответствующем массиве русской речи — 47 при пяти частотных.

По результатам анализа видно, что число сочетаний в русской речи значительно больше, чем в английской, как в массиве легко-, так и трудновоспринимаемой речи. Количество частотных сочетаний во всех массивах почти совпадает. Как и в ранее рассмотренных комбинациях параметров, количество сочетаний в массивах ТВР существенно превалирует над количеством сочетаний в ЛВР.

Остановимся более подробно на сочетаниях вариантов рассматриваемых параметров в английской и русской легковоспринимаемой речи.

Наиболее многочисленную группу, близкую по час-

тотности в обоих массивах английской и русской речи, составляет сочетание среднего темпа с умеренным количеством незаполненных пауз средней длительности (30,6% в английской речи и 38,8% в русской). Вторая по частотности группа в обоих массивах отличается от предыдущей лишь тем, что звуки-заполнители в ней изредка употребляются (20% в английской речи и 11,3% в русской).

Третьи по частоте встречаемости группы в массивах легковоспринимаемой английской и русской речи не совпадают. В английской речи такой группой является сочетание быстрого абсолютного темпа с умеренной частотой незаполненных пауз средней длительности (8%). В аналогичном массиве русской речи такое сочетание попало лишь в разряд малочастотных (2,7%). В массиве английской речи наблюдалось еще одно сочетание в быстром темпе, отличающееся от предыдущего лишь тем, что в нем паузы хезитации изредка заполняются (в 6%). Данное сочетание стоит на пятом месте по частоте в английской речи и в массиве русской речи не репрезентативно (1,5%).

Третьей по частоте встречаемости группой в массиве русской ЛВР является сочетание среднего темпа с умеренной частотой коротких незаполненных пауз (8,9%). Эта же группа в массиве английской ЛВР стоит на четвертом месте, то есть встретила с несколько меньшей частотой (6,6%).

Среди репрезентативных в массиве русской ЛВР наблюдалось еще два близких по частоте сочетания в среднем темпе с короткими паузами. Они разнятся по одному параметру и непосредственно примыкают к третьей группе. Первое из них отличается от нее лишь тем, что короткие паузы изредка заполняются звуками (в 5,2%). Последнее из упомянутых сочетаний отличается от третьей группы частотой употребления пауз (в 5,8%). В нем вместо умеренного наблюдается редкое употребление пауз (в 5,8%). В массиве английской ЛВР оба упомянутых сочетания встретились с близкими частотами среди малорепрезентативных (в 4 и 3,3% соответственно).

Сочетание медленного темпа с положительными показателями пауз — с умеренным количеством незаполненных пауз средней длительности — встретилось в массиве русской ЛВР среди малочастотных (в 2,1%).

При сопоставлении сочетаний четырех параметров — абсолютного темпа, длины, частоты пауз и их заполнения — в массивах английской и русской ЛВР вырисовывается в основном та же картина и выявляются те же закономерности, что и при сопоставлении трех первых параметров без учета заполнения пауз. Однако при добавлении еще одного параметра те же группы встречаются с меньшей частотностью за счет большего рассеяния варианта. В результате некоторые репрезентативные группы перешли в разряд малочастотных.

Проанализируем сочетания вариантов четырех рассматриваемых параметров в массивах трудновоспринимаемой русской и английской речи. При сопоставлении трудновоспринимаемых сочетаний в русской и английской речи выделяются две основные группы сочетаний — комбинации вариантов в быстром и медленном темпах. В быстром темпе в массиве английской речи встретилось два, в русской речи — три наиболее частотных сочетания. Первым по частотности употребления в обоих массивах является сочетание быстрого абсолютного темпа с редкими короткими незаполненными паузами (16% в английской речи и 7,3% в русской). Второе по частотности сочетание в обоих массивах отличается от предыдущего лишь тем, что паузы хезитации изредка заполняются (13% в английской речи и 5,7% в русской). Третье сочетание быстрого темпа в русской ТВР отличается от предыдущих только тем, что в нем звуки-заполнители употребляются часто (в 5,7%). Следует отметить, что два сочетания быстрого темпа в английской речи и три сочетания в русской речи суммарно составляют близкий процент (29 и 31% соответственно).

Диаметрально противоположный блок составляют в обоих массивах по две группы медленного темпа. Первая более частотная группа характеризуется частыми длинными паузами, часто заполняющимися звуками (8% в английской речи и 5,7% в русской). Вторая группа отличается от предыдущей только тем, что звуки-заполнители пауз употребляются изредка (7% в английской речи и 2,8% в русской).

Очевидно, в массивах трудновоспринимаемой, также как и легковоспринимаемой, русской и английской речи в распределении сочетаний вариантов четырех рассматриваемых параметров наблюдается сходство.

В последнее десятилетие успешно развивается новое направление в психолингвистике, изучающее так называемые речевые колебания. Однако до настоящего времени в литературе не освещен вопрос о том, чем заполняются паузы хезитации в том или ином языке. В обзоре о новом направлении в изучении спонтанной речи Т. М. Николаева пишет: «Лингвистически интересно было бы определение тех заполнений, которыми в разных языках создаются заполненные паузы колебаний,— универсальны ли эти вставки по звукам, или национальны, а может быть и индивидуальны?»⁸⁴.

Анализ анкет социопсихолингвистического исследования по характеристике речи лиц, говорящих на русском и английском языках, наблюдение за живой речью, а также слуховой анализ и расшифровка англичанами-филологами спонтанных бесед носителей языка, записанных на ферромагнитную пленку, дали возможность проследить разновидности звуков-заполнителей пауз хезитации в русском и английском языках.

Рассмотрим звуки-заполнители в родном языке. Анализ анкет, заполненных носителями русского языка, слуховой анализ выступлений по радио, телевидению, на конференциях, а также наблюдения за речью в процессе непосредственного общения позволили обнаружить следующие звуки-заполнители у носителей русского языка. К таким звукам и звукосочетаниям относятся следующие: **-э, -а, -ы, -м, -н(ь), -хм(гм), -мгэ, -кгэ, -угу** (и его графические варианты **-эге -ага**). В данном списке к звукам, наблюдавшимся у отдельных индивидов, относятся **-н(ь), -мнэ, -кгэ**. Наиболее часто употребляются носителями русского языка звуки **-э, -м**, несколько реже — **-ы** с подзвуком **-э**.

По способу артикуляции звуки-заполнители также делятся на три группы: 1) произносимых при разной степени раствора рта (**-э, -а, -ы**); 2) при сомкнутых губах (**-м, -н(ь), -хм(-гм), -угу/эге, -ага**); 3) комбинированно (**-мгэ**).

В анкетах носителей английского языка были зарегистрированы следующие звуки и звукосочетания в их графической передаче: **-er, -eh, -m, -em, -ehm, -erm, -egum, -um -a, -ah, -uh, -hm, -ahem, -da, -ye** (как в слове **yes**), **-tch** (звук-щелчок). На первый взгляд такой список представляется весьма обширным. Однако внимательное рассмот-

рение вышеприведенного набора и сопоставление его с данными слухового анализа бесед (продолжительностью звучания в семь часов) и с их расшифровкой обнаруживает, что количество основных звуков-заполнителей невелико и часть из них является разновидностями одного и того же сочетания. Так, широко употребляемые звуки-заполнители образуют три группы разновидностей: 1) **-eh, -er**; 2) **-em, -ehm, -erm, -egum, -um**; 3) **-a, -ah**. Вторая группа к тому же представляет собой сочетание вариантов первой группы (**-eh, -er**) с сонантом **-m**. Кроме того, проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что звуки-заполнители упомянутых групп, а также звуко сочетания **-m, -hm, -ahem** встречаются в речи многих носителей языка. Последние три сочетания **-da, -ye, -tch** индивидуальны по употреблению. Наиболее частыми в речи носителей английского языка являются звуки-заполнители, графически передаваемые как **-er, -eh, -em, -um**.

По способу артикуляции перечисленные звуки-заполнители распадаются на три группы: а) произносимые при разной степени раствора рта (**-er, -uh, -ah**); б) при сомкнутых губах (**-m, -hm, -ahem**); в) комбинированное положение разного по степени раствора рта переходит в смыкание губ (**-em, -u, -egum**).

Сопоставительные наблюдения за употреблением звуков-заполнителей пауз в русском, украинском, английском и французском языках позволили прийти к следующим выводам. Часть звуков употребляется в речи носителей всех упомянутых языков, часть присуща носителям только одного определенного языка, некоторые звуки-заполнители встречаются в речи только отдельных индивидов. Вышесказанное дает основание разделить звуки-заполнители по отношению к количеству членов языковых сообществ на три группы: 1) интернациональные; 2) национальные и 3) индивидуальные.

К интернациональным звукам-заполнителям пауз мы относим звуки и звуко сочетания, соответствующие русским **-э, -а, -хм, -угу**. В данном наборе интернациональных заполнителей пауз полностью идентичны по звучанию в указанных языках последние три, произносимые с сомкнутыми губами **-м(-m), -хм(-hm)** и **-угу** (графически передаваемые в английском языке как **-ahem**, во французском и немецком — как **-uhum**).

Интернациональные гласные звуки-заполнители **-э,**

-а, хотя и очень близки к своим аналогам в других языках, все же их звучание немного отличается благодаря специфике артикуляционной базы того или иного языка. Помимо перечисленных интернациональных звуков, пауза может заполняться громким глубоким вдохом, посмеиванием, покашливанием, а также ложно-физиологическим звуком, производимым будто бы с целью прочистить горло.

Следующей группой заполнителей пауз после интернациональных звуков-заполнителей являются национальные. К национальным относятся либо звуки-заполнители, совпадающие или близкие к фонеме, свойственной только данному языку, либо звуки и звукосочетания, употребляемые носителями только какого-то определенного языка. В первом случае примером может являться звук-заполнитель **-ы** в русском языке, во втором — заполнитель **-er** и его варианты в английском языке. Примеры третьей группы — индивидуальных заполнителей пауз — приводились ранее.

Помимо индивидуальных звуков-заполнителей, существует и индивидуальный выбор их из числа наиболее распространенных интернациональных и национальных. Чаще всего индивид употребляет, если он не избегает их, один-два предпочитаемых звука.

Помимо деления на группы мы прослеживаем две разновидности заполнителей — самостоятельные и зависимые звуки-заполнители. Самостоятельные вставные звуки не повторяют близлежащих звуков. Все рассмотренные выше группы интернациональных, национальных и индивидуальных заполнителей мы относим к самостоятельным звукам-заполнителям. Зависимые звуки-заполнители появляются иногда в речи под влиянием звукового окружения рядом стоящих слов. Они однородны с соседними фонемами предшествующего или последующего слова и зависят от них. Наличие таких звуков можно объяснить явлением регрессивной и прогрессивной ассимиляции. Зависимые звуки включают в себя два подвида заполнителей — раздельно- и слитнопроизносимых. Слитнопроизносимые звуки-заполнители представляют собой продление конечного, реже начального звука слова, находящегося на границе паузы хезитации. Частным случаем такого заполнения является продление союзов и предлогов, состоящих из одной фонемы.

Анализ употребления звуков-заполнителей в речи носителей исследуемых языков позволяет прийти к выводу о том, что выбор таких заполнителей обусловлен принципом экономии произносительных усилий. При употреблении самостоятельных звуков-заполнителей эта экономия достигается за счет выбора наиболее легко произносимых звуков, при употреблении зависимых — за счет использования того же уклада органов речи, что и для предыдущего или последующего звука соседнего слова. Наблюдения также свидетельствуют, что звуки-заполнители представляют собой пограничное явление, связанное как с фонетической системой языка, так и с физиологией.

Подтверждение тому, что одни и те же звуки-заполнители употребляются в обоих сопоставляемых языках, находим и в художественной литературе: «А. Галуа, по обыкновению, хлопал в ладоши и симпатично мычал. Как казалось Тамбиеву, это эканье и меканье, столь свойственное знатым предкам Галуа, сопровождало его русскую и английскую речь, сообщая ей известный колорит и весомость»⁸⁵.

Рассмотрев вкратце разновидности звуков-заполнителей пауз, перейдем к анализу сочетания всех шести параметров темпо-ритмовой группы. Следует отметить, что при наращивании количества параметров в данном сочетании число вариантов комбинаций возрастает, а частотность их соответственно уменьшается. Однако при более пристальном рассмотрении обнаруживается тот факт, что ряд вариантов комбинаций параметров отличается между собой лишь по одному из них.

В массиве трудновоспринимаемой английской речи встретилось 62 варианта комбинаций при пяти частотных, в соответствующем массиве русской речи — 112 вариантов при четырех частотных. В легковоспринимаемой английской речи наблюдалось 38 вариантов сочетаний при шести частотных и в соответствующем массиве русской речи — 92 при шести частотных.

Очевидно, что число сочетаний в русской речи значительно больше, чем в английской, в обоих массивах легко- и трудновоспринимаемой речи. Количество частотных сочетаний во всех массивах почти совпадает. Как и в ранее рассмотренных комбинациях параметров, коли-

чество сочетаний в массивах ТВР существенно превалирует над количеством сочетаний в ЛВР.

Остановимся более подробно на сочетаниях вариантов шести рассматриваемых параметров в английской и русской трудновоспринимаемой речи. При сопоставлении трудновоспринимаемых сочетаний в русской и английской речи выделяются две основные группы сочетаний — комбинации вариантов в быстром и медленном темпах. В обоих массивах встретилось по три сочетания в быстром и по одному сочетанию в медленном темпе. Встретившееся в массиве английской речи сочетание в среднем темпе (4%) трудности для восприятия не представляет и, как показала проверка по адресам соответствующих анкет, попало в массив ТВР по другим негативным вариантам параметров, в основном, относящихся к звуковому оформлению речи.

В массиве русской ТВР три сочетания в быстром темпе характеризуются: отрывистостью речи, специфическим «глотанием» слов, редкими короткими паузами. Отличие между сочетаниями заключается в варьировании последнего параметра — звуки-заполнители употребляются часто (в 4%), изредка (также в 4%) или не употребляются (в 6,9%).

В массиве английской речи все три сочетания быстрого темпа близки к соответствующим сочетаниям в массиве русской речи. Разница между ними состоит в том, что в двух последних сочетаниях вместо отрывистой наблюдается плавность речи при совпадении остальных вариантов параметров. Частота встречаемости упомянутых сочетаний в массиве английской речи почти совпадает с таковой в русской речи (4, 5 и 6% соответственно).

Противоположный блок в обоих массивах составляет сочетание в медленном темпе, для которого характерны: плавность речи, растягивание слов, частые длинные паузы с частым употреблением звуков-заполнителей. Частота встречаемости данного сочетания в обоих массивах почти совпадает (4% в русской речи и 5% в английской).

Рассмотрим варианты сочетаний в массивах легко воспринимаемой английской и русской речи. В обоих массивах встретилось по шесть частотных сочетаний. Одной из групп в каждом массиве присуща отрывистая речь, остальным — плавная. Все шесть групп в массиве рус-

ской речи относятся к среднему темпу, в массиве английской речи четыре группы в среднем темпе и две в быстром при остальных положительных вариантах параметров. Все сочетания в обоих массивах очень близки между собой и отличаются чаще всего по одному параметру.

Наиболее частотное сочетание в обоих массивах совпадает. Оно характеризуется плавностью речи, обычным произнесением слов, умеренной частотой незаполненных пауз средней длительности. Частота встречаемости упомянутого сочетания в обоих массивах близка (29,4% в русской речи и 22% в английской). Вторые по частотности сочетания в обоих массивах также совпадают. Они отличаются от первой наиболее частотной комбинации лишь тем, что паузы в них заполняются изредка (20% в английской речи и 6,7% в русской). В массиве русской речи к первому сочетанию примыкает еще одно сочетание, равное по величине со вторым (6,7%). От первого оно отличается тем, что в нем вместо пауз средней длительности употребляются короткие паузы. Соответствующая комбинация наблюдалась с близкой частотой также и в массиве английской речи (в 4,6%). В массиве русской речи встретилось еще два сочетания, близких к предыдущим по комбинации вариантов параметров. Одно из них отличается от наиболее частотного тем, что в нем вместо умеренного наблюдается редкое употребление пауз (в 4,9%). Второе из упомянутых сочетаний варьирует параметр длительности пауз. В нем зарегистрированы короткие паузы, вместо пауз средней длительности (в 3,3%).

В массиве английской ЛВР в отличие от массива русской речи встретилось два сочетания в быстром темпе. Оба они характеризуются плавностью речи, обычным произнесением слов, умеренной частотой пауз средней длительности. Отличаются данные сочетания лишь по последнему параметру. В одном из них паузы заполняются изредка (в 6%), во втором — звуки-заполнители не употребляются (в 5,3%). Такое отнесение сочетания в быстром темпе к ЛВР вполне закономерно, так как все сопутствующие абсолютному темпу варианты параметров обладают положительными характеристиками. Подобные сочетания в массиве русской речи зафиксированы среди малочастотных. Сочетания в медленном темпе среди частотных не наблюдались.

Контрастным сочетанием, встретившимся с одинаковой частотой в обоих массивах ЛВР, выступает комбинация вариантов параметров, характеризующаяся отрывистостью речи (4,9% в русской речи и 4,6% в английской). Однако и это сочетание отличается от первого наиболее частотного только одним, хотя весьма существенным параметром. В нем вместо плавности наблюдается отрывистость речи.

Как видно из сопоставления, существенных различий между вариантами сочетаний в легковоспринимаемой английской и русской речи не наблюдалось. Наличие среди частотных в массиве легковоспринимаемой речи двух сочетаний в быстром темпе можно отнести за счет специфики конститутивного темпа английской речи.

В заключение анализа сочетаемости вариантов параметров темпо-ритма наиболее характерные сочетания английской и русской легко- и трудновоспринимаемой речи представим графически (рис. 11, 12, 13, 14).

Проведенный сопоставительный анализ сочетаний вариантов параметров темпо-ритма в легко- и трудновоспринимаемой русской и английской речи позволяет сделать следующие выводы:

1. Частоты одних и тех же вариантов темпо-ритмовых параметров в соответствующих массивах русской и английской речи за редким исключением близки или почти совпадают.

2. Существенных различий в комбинациях вариантов параметров, а также в частоте их встречаемости в соответствующих массивах русской и английской речи не выявлено. Наблюдавшиеся отдельные незначительные различия обусловлены, в основном, спецификой строя сопоставляемых языков, а также особенностями конститутивного темпа английской и русской речи. В частности, процент сочетаний отрывистой речи со специфическим «глотанием» слов в русской трудновоспринимаемой речи значительно выше, чем в английской, так как «глотание» происходит чаще за счет флексий, а не отдельных слов, и, таким образом, более характерно для русского, чем для аналитического английского языка.

Сочетание плавной медленной речи с длинными паузами и с произнесением слов нараспев в массиве русской трудновоспринимаемой речи частотно. В соответ-

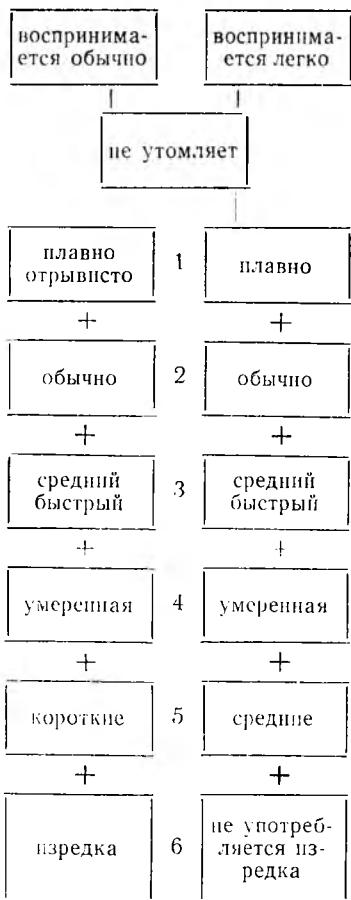

Рис. 11. Наиболее характерные сочетания вариантов параметров темпо-ритма английской ЛВР

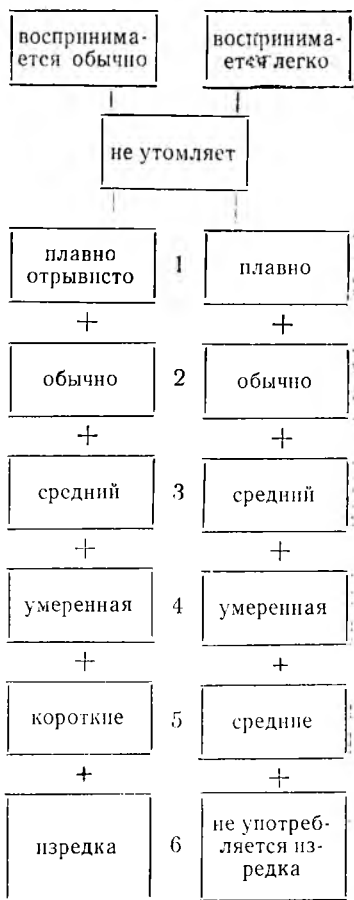

Рис. 12. Наиболее характерные сочетания вариантов параметров темпо-ритма русской ЛВР

1 — плавность; 2 — специфика произнесения слов; 3 — абсолютный темп; 4 — частота пауз; 5 — длительность пауз; 6 — употребление звуков-заполнителей

ствующем массиве английской речи такая комбинация вариантов параметров не репрезентативна. Кантилена в речи не характерна для аналитического языка с большим количеством коротких слов, в то время как в

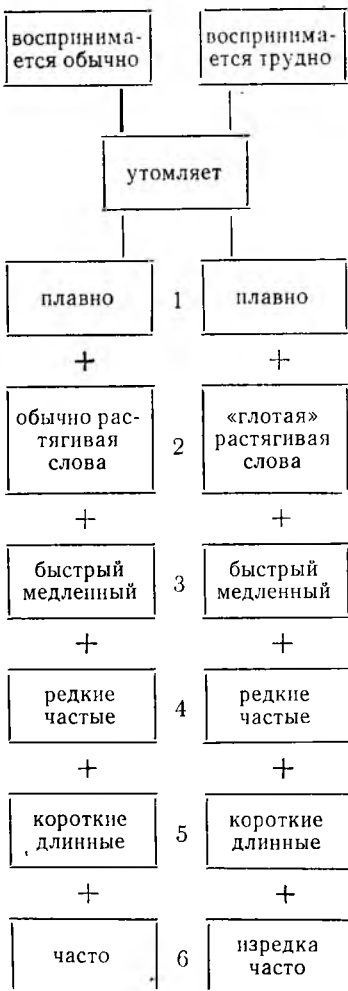

Рис. 13. Наиболее характерные сочетания вариантов параметров темпоритма английской ТВР

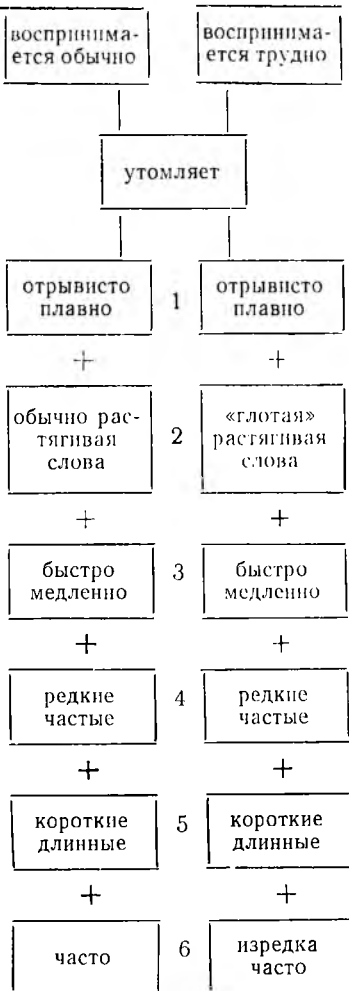

Рис. 14. Наиболее характерные сочетания вариантов параметров темпоритма русской ТВР

русской речи произнесение слов нараспев для некоторых говоров характерно.

Сочетание быстрого темпа с плавностью речи и обычным произнесением слов в массиве английской

ЛВР стоит на втором месте по частотности и встречается более, чем в два раза чаще, чем в соответствующем массиве русской речи. В отношении сочетаний с медленным темпом наблюдается обратное явление: в массиве английской легковоспринимаемой речи они представлены почти в два раза реже, чем в аналогичном массиве русской речи. Данное явление можно объяснить тем, что для англичан привычнее, чем для русских, воспринимать быструю речь как норму в связи с конститутивной спецификой темпа английской речи, для которой характерно убыстренное произнесение безударных слов.

Аналогичное явление прослеживается и в сочетаемости вариантов параметров абсолютного темпа речи с частотой и длиной пауз. При том, что большинство репрезентативных сочетаний встречается в массивах английской и русской легковоспринимаемой речи с близкой частотой, значимым различием в сочетаемости указанных параметров сопоставляемых массивов являются два показателя: а) в английской речи сочетание с быстрым темпом встречается в три раза чаще, чем в русском языке; б) сочетание с медленным темпом среди репрезентативных встречалось только в русской речи. Отмеченные некоторые количественные различия в сочетаниях с быстрым и медленным темпом обусловлены, по-видимому, восприятием, связанным с языковыми привычками, а также особенностями близких, но все же несколько отличающихся конститутивных темпов сопоставляемых языков.

3. В результате анализа сочетания абсолютного темпа с паузацией в легко- и трудновоспринимаемой речи на базе двух сопоставляемых языков обнаруживаются те же закономерности в отношении длины и частоты пауз, которые наблюдались при анализе аналогичных данных на материале родного языка изолированно. В сочетаниях быстрого и медленного темпов с длиной пауз не встречается полярных вариантов параметров — при быстром абсолютном темпе длинные паузы между синтагмами не употребляются, равно как и при абсолютном медленном темпе не употребляются короткие паузы. Средний темп может сочетаться с любой длиной пауз, однако длинные паузы для данного, как и для быстрого, темпа не характерны (в частотных сочетаниях не на-

блюдались). В медленном темпе не бывает не только коротких, но и редких пауз. В быстром и среднем темпах может быть любая частота пауз: паузы частые, умеренные, редкие.

4. Наиболее тесная корреляция в комбинаторике темпо-ритмовых параметров прослеживается между общим темпом и спецификой произнесения слов, а также между абсолютным темпом и расстановкой пауз.

5. В массиве английской, как и русской легковоспринимаемой речи, при любой длине пауз частого употребления звуков-заполнителей не наблюдается. В трудно-воспринимаемой английской и русской речи, где прослеживается аналогичная картина, длинные и средние паузы обычно заполняются звуками, которые употребляются либо часто, либо изредка. Звуки-заполнители в репрезентативных сочетаниях отсутствуют только в некоторых случаях при коротких паузах. Однако в коротких паузах, наряду с редким употреблением данных звуков или их отсутствием, встречается и их частое употребление. Такие звуки отвлекают внимание, мешают восприятию речи.

6. Проведенное сопоставительное исследование на материале нескольких славянских, романских и германских языков позволило установить следующие разновидности звуков-заполнителей пауз хезитации:

а) по отношению к количеству членов языковых сообществ: интернациональные, национальные и индивидуальные;

б) по степени самостоятельности: самостоятельные и зависимые (от близлежащих фонем предыдущего или последующего слова);

в) по способу артикуляции: произносимые при разной степени раствора рта, при сомкнутых губах или комбинированно;

г) по способу произнесения: раздельно- и слитно-произносимые, где последние представляют собой продолжение конечной, реже начальной фонемы слова.

Выбор звуков-заполнителей обусловлен экономией произносительных усилий. Звуки-заполнители представляют собой, по нашему мнению, пограничное явление, связанное, с одной стороны, с фонетической системой языка, с другой — с физиологией.

7. Как очевидно, число сочетаний в русской речи

значительно больше, чем в английской, как в массиве легко-, так и трудновоспринимаемой речи, что можно объяснить большим количеством наблюдений в массиве русской речи. Однако количество частотных сочетаний в сопоставляемых массивах почти совпадает.

8. Во всех рассмотренных сочетаниях как в английской, так и в русской речи, количество вариантов сочетаний в ТВР больше, чем в ЛВР, что говорит о значительной вариабильности, индивидуальности ТВР, обуславливающей дополнительную трудность ее восприятия.

9. В комбинаторике вариантов всех шести параметров темпо-ритма английской и русской легковоспринимаемой речи преобладают срединные показатели при совпадении положительных вариантов остальных параметров. Единственным различием в сопоставляемых сочетаниях является то, что в английской ЛВР наряду со средним наблюдается и быстрый абсолютный темп. В трудновоспринимаемой английской и русской речи все сочетания концентрируются вокруг двух основных — с максимальными и минимальными показателями качеств темповых параметров.

10. В наиболее характерных сочетаниях темпо-ритма сопоставляемых массивов английской и русской речи прослеживается почти полное совпадение вариантов параметров при варьировании только одного из них (рис. 11—14).

11. Индивидуальные особенности речи могут не только описываться, но и графически фиксироваться предложенной транскрипцией.

КИНЕТИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ РЕЧИ

Для устной речи «характерна комплексность в использовании различных знаковых систем: лингвистической (язык), паралингвистической (интонация), кинетической (мимика и жесты)»¹.

Согласно теории Сэпира-Уорфа, «жесты, поведение и т. д. образуют модель коммуникации, которую можно сравнить с моделью поведения и которую следует также изучать как и язык, потому что модель динамического поведения различна у народов, говорящих на разных языках»².

Однако, как отмечает А. А. Леонтьев, «национальная специфика речевого общения до самого последнего времени почти не привлекала внимание ученых, хотя накоплено огромное количество фактов и наблюдений в этой области»³. Лингвокультурные особенности невербального общения стали недавно входить в поле зрения отечественных методистов, в первую очередь, преподавателей русского языка как иностранного. Эта проблематика включается в объем так называемого страноведения⁴. Т. М. Николаева отмечает, что национальная специфика жестового и мимического сопровождения речи наименее изучена и наиболее сложна для имитации и обучения⁵. До настоящего времени нет еще описания системы русских жестов, и преподавателю-практику приходится ориентироваться на случайные и разрозненные сведения⁶. Это в равной мере относится и к невербальному коду английского и других языков. В доступной нам литературе по страноведению обычно приводятся описания отдельных жестов экзотических языков, особенно в плане курьезных несовпадений с другим языком. Системное изучение невербальных средств ком-

муникации разных языков ждет своего исследования.

При изучении кинесики, как справедливо указывает Г. В. Колшанский, следует различать жесты и мимику, участвующие в процессе коммуникации, и таковые на чисто физиологическом и биологическом уровнях⁷.

Обычно к невербальным формам общения относят жесты, мимику, телодвижения⁸. Однако невербальный код может проявляться не только в динамике, но и в ее контрасте — в определенной нарочитой статике, например, в каменной неподвижности поз определенного ритуала, в позе смирения, мольбы или, наоборот, вызова, протеста и т. д. Такая статическая коммуникация дополняется обычно соответствующим выражением лица.

Ряд авторов⁹ разграничивает кинетические средства коммуникативного и информативного характера. Коммуникативное использование кинем предполагает их употребление для передачи информации адресату целенаправленно. Вторая разновидность кинетической активности — информативная — дает определенные сведения об индивиде (его характере, настроении, самочувствии и т. д.) без каких-либо намерений последнего их сообщить.

Тончайший наблюдатель человеческой природы Оноре де Бальзак в трактате «Теория походки» как раз и описывает информативность разных походок, которые, по его убеждению, являются точным указанием на образ мыслей и жизни¹⁰.

Кинесика изучает общественную сигнификацию телодвижений.

По отношению к речевому коду кинетические средства являются вспомогательными. Однако в определенных случаях общения, когда возникает противоречие между информацией, передаваемой кинетическими и паралингвистическими элементами, с одной стороны, и элементами языка, с другой, — доверие к информации в целом строится на основании данных кинетической и паралингвистической коммуникации¹¹.

Жесты и мимика имеют не только довольно большое значение при речевой коммуникации. Они выступают как самостоятельное средство общения, например, жестовая коммуникация глухонемых, которую более правильно было бы называть жестомимической. К таким

самостоятельным невербальным кодам относятся также жесты регулировки автотранспорта, монтажников, крановщиков, морской сигнализации, спортивного судейства, язык жестов американских индейцев, своеобразное бессловесное аргю — тайный жестовый язык бедуинов Палестины, применявшийся во время войны и охоты и др. Однако упомянутые жестовые системы не первоначальны, а восходят к языку. Они применяются при затруднении, невозможности или запрете речевой коммуникации. При этом невербальная коммуникация вблизи собеседника осуществляется преимущественно пальцами, передача информации на определенное расстояние происходит за счет движений всей рукой, головой и даже верхней частью туловища. На выразительной мимике и жестах основано искусство пантомимы.

Часто приходится слышать, что язык жестов общечеловеческий, что с его помощью можно объясниться в разных концах земного шара. Такое понимание основано, в первую очередь, на том, что жесты каждого человека представляются ему настолько естественными, что он не предполагает, что привычные жесты могут выражать что-то иное у представителей другого языка.

Второй причиной такой интерпретации кинесики может служить и то, что «зона распространения некоторых жестикуляционных и мимических знаков нередко охватывает более обширную область, нежели собственно речевые изоглоссы...»¹².

Есть, конечно, отдельные жесты, получившие широкое распространение у целого ряда народов. К ним относятся, например, описательные жесты размеров предметов с явным их преувеличением или преуменьшением. Однако во многих важных случаях значения кинем не совпадают. Например, прощаясь, мы машем рукой, обратив ладонь от себя. Бразилец, опаздывающий на поезд, увидев этот жест, поймет, что мы его подзываем к себе, вероятно, он что-то забыл. Русские, в свою очередь, так же интерпретируют, как просьбу подойти, итальянский жест прощания, который отличается от русского тем, что ладонь обращена к себе.

Улыбка у нас в разговоре обозначает вежливость или выражение приятных эмоций. Японец или китаец, говоря о смерти своих близких, улыбается, чтобы не расстроить собеседника¹³.

Многие жесты народов арабского Востока европейец просто не поймет. Так, если араб средиземноморского ареала оттягивает пальцем нижнее веко, сопровождая этот жест местоимением «кха», то мы можем подумать, что ему что-то попало в глаз и он просит помочь. Оказывается, этот жест обозначает предостережение. Если араб слегка отбрасывает голову назад и при этом щелканьем языка издается звук т' т' т' т' т', то этим выражается отрицание¹⁴. Такое же движение головой в значении отрицания наблюдается у греков и турок.

Специфически алжирский жест, выражающий удивление, заключается в том, что рука кладется на рот и издается звук (ро-ро-ро-ро).

Еще Геродот, описывая древних египтян, заметил, что их жесты противоположны жестам греков¹⁵.

Особая разница в употреблении невербальных средств коммуникации наблюдается, как очевидно, у представителей разных континентов. Причем отличия кинетического сопровождения речи заключаются как в качественных, так и количественных показателях. Под качественными показателями понимаем наличие кинем, свойственных только данному народу или лингвокультурному ареалу, а также пользование жестами, совпадающими по форме, но отличающимися по значению от жестов другого народа. К количественным различиям кинетических средств относим как частоту их употребления в речи, так и количество элементов, входящих в состав одной кинемы.

Мы полностью разделяем точку зрения Ю. С. Степанова о том, что существует определенная взаимосвязь между характером народа и проявлением его в языке¹⁶. В первую очередь, такая взаимосвязь реализуется, по нашему мнению, в паралингвистических и кинетических средствах выражения. Само собой разумеется, что помимо характера и темперамента народа на специфику вербальных и невербальных средств коммуникации, в первую очередь, непосредственное влияние оказывают особенности исторического развития нации.

Вопреки психорасизму «наука давно установила коренное сходство всех народов в основных проявлениях человеческой деятельности. Национальное всегда исторически обусловлено и сочетает общечеловеческое и специфическое¹⁷.

Только зная историю народа, его обычаи, верования, можно понять и особенности жестикуляторно-мимических средств. Так, например, богатая мимика народов Магриба обусловлена, по мнению Ю. Н. Завадовского, влиянием двух основных источников: «один — бедуинский, связанный с традициями древней Аравии и исламом, другой — морской, связанный со средиземноморской лексической зоной»¹⁸.

У одних народов, особенно южных (например, итальянцев, испанцев, латино-американцев), жесты и мимика несут большую информативность. Для их жестикуляции характерна интенсивность. У других народов наблюдается сдержанность или умеренность в употреблении жестов.

Семитские народы, в том числе и арабы, в особенности развили значение жеста как коррелята речи и жестикуляция у них, сопровождающая речь подобно знакам препинания, играет, видимо, большую роль, чем у других народов¹⁹.

«Есть народы, — пишет Л. Успенский, — особенно из числа южных, которые вообще не умеют разговаривать, не размахивая руками: в одном романе 20-х годов молодой египтянин или сириец Гоха, впервые столкнувшись с европейцами, составил о них очень нелестное представление: его раздражало, что те, даже споря, совсем не производили никаких жестов; ему было тяжело, неудобно беседовать с ними, — эта неподвижность казалась ему противоестественной»²⁰.

Нас же, как и большинство народов Европы, утомляет и раздражает слишком интенсивное пользование жестикуляцией.

Количественный показатель, как уже упоминалось, определяется и количеством жестикуляторно-мимических элементов, входящих в одну кинему. Мы, как правило, «подпирая речь», жестикулируем одной рукой. Т. М. Николаева наблюдала, что некоторые иностранцы, особенно жители Европы, жестикулируют двумя руками, причем обе руки движутся всегда симметрично²¹.

У арабов Магриба «основные жесты делаются (а) головой, (б) рукой или (в) двумя руками, (г) указательным или средним пальцами. Они комбинируются с притрагиванием глаза, рта, виска, подбородка, бороды, груди и т. д.»²². Такие комбинированные жесты часто

сопровождаются нефонологическими заместителями или усилителями фонологических сигналов²³.

Для социальной психологии язык жестов имеет особое значение. На использование жестикуляции в значительной мере влияет социальное положение говорящего, вкусы и нравы определенного слоя населения той или иной эпохи.

Как известно, современные французы много жестикулируют, но в XVI веке они жестикулировали очень мало. Напротив, англичане, преимущественно отличающиеся сдержанностью жестов при разговоре, в XVIII веке широко пользовались жестикуляцией²⁴.

Есть жесты, которыми пользуется определенная социальная группа или которые предназначены для общения с представителями того или иного социума. Так, у арабов Средиземноморья существуют жесты, образующие в отдельных случаях целые подсистемы, применяемые в общении с лицами, которых говорящий не считает себе равными. К ним относятся: дети, слуги, иностранцы, больные, юродивые, домашние животные. Наряду с такими жестами существуют отдельные жесты арабских женщин и детей. Например, жест «оскорбления пальцем». Он состоит в неоднократном поднятии и опускании среднего пальца одной руки, над открытой ладонью с полусогнутыми пальцами другой²⁵. В азиатских странах использование жестов и тем более мимики женщинами ограничено.

Ю. Н. Завадовский²⁶, вслед за В. Ла Барром²⁷ приходит к интересному выводу о том, что жест по своему произвольному характеру уподобляется лингвистическому знаку.

В доказательство такой точки зрения Ю. Н. Завадовский приводит примеры заимствования жестов, а также эволюции их значений.

Так, в старину вместе с обычаем магарыча русские купцы заимствовали с арабского Востока кинему «битье по рукам», что выражало закрепление торговой сделки²⁸. В дальнейшем произошло расширение значения данного жеста, который обозначает теперь подкрепление любой договоренности.

В настоящее время часто приходится наблюдать, что наша молодежь вместо ранее привычного жеста прощания при отъезде — покачивание кистью руки

взад и вперед — стала употреблять заимствованный из Западной Европы аналогичный жест — покачивание кистью из стороны в сторону. Подобные заимствования в послевоенные годы происходят не только при непосредственном контакте с иностранцами, но, в первую очередь, по каналам кино и телевидения.

Примером эволюции значения кинем является тот факт, что бывшие магические жесты древнего Среднеземноморья, которые первоначально применялись против «дурного глаза», сейчас, подобно итальянской фиге, все больше превращаются в оскорбительные жесты, выражающие презрение, насмешку, вызов²⁹.

На основании разнообразия жестов арабов Магриба Ю. Н. Завадовский высказывает предположение о том, что кинетические средства могут иметь и диалектальные различия.

Наблюдение процесса общения на русском и английском языках убеждает нас в том, что жесты, как и слова, могут быть, с одной стороны, лексически нейтральны, с другой — помимо основного смыслового значения носить еще и определенный оттенок эмоциональной положительной или негативной окраски.

Развивая далее точку зрения об аналогичном лингвистическому знаку поведению кинем, нам представляется вполне оправданным говорить о синонимии кинетических средств в одном языке.

Так, приветствие у нас может передаваться улыбкой, легким наклоном головы, сочетанием того и другого, поднятием согнутой в локте руки ладонью наружу, у мужчин поднятием руки к шляпе или прикосновением пальцами к полям шляпы (от устаревшей формы приветствия — приподнятием шляпы с одновременным наклоном головы), рукопожатием, у пожилого поколения интеллигенции — поцелуем или прикосновением губами к руке дамы, у молодых людей — обменом поцелуями, обоюдным похлопыванием по плечу* и т. д.

Такие жесты приветствия могут либо выступать самостоятельно, либо сопровождаться штампами речи, причем с каждой кинемой сочетается не любое, а определенное словесное выражение приветствия**.

Как видно из примеров, в синонимическом ряду жестов можно наблюдать различную степень эмоциональности: от нулевой — нейтральной до максимальной.

Синонимические средства кинесики, употребляемые для усиления убедительности речи, представляют еще большее разнообразие. Однако большинство усилительных жестов сводится к разной степени подъема руки с открытой ладонью, расположенной перпендикулярно туловищу. При этом рука согнута в локтевом суставе под разным углом, в ораторской речи может быть поднята выпрямленной. В синонимических разновидностях таких кинем ладонь полузакрывается, указательный палец вытянут. Динамика жеста сводится к лаконичному рубящему движению кисти и предплечья одновременно.

Помимо названных, у докладчиков-филологов наблюдалась на конференции такая ритмическая жестовая акцентуация, как кивки головой в такт речи, легкое постукивание по кафедре сжатой в кулак кистью руки, размеренные опускания на кафедру руки с вытянутым указательным пальцем и т. п. У пианиста в ситуации обычного общения прослеживалось усиление речи постукиванием по столу одновременно тремя пальцами (1, 3 и 5), как при взятии аккорда.

Описанные жесты руки выступают как корреляты речи и без нее не употребляются. Диапазон употребления усилительных жестов широк — от бытовой до ораторской речи.

Выбор жестового синонима связан, как нам представляется, с ситуацией общения, с социальной группой, полом, возрастом, а также индивидуальными и профессиональными привычками.

Мы полагаем, что наряду с синонимией жестов существует и их омонимия в разных социальных и профессиональных группах представителей одного и того же языка. Например, покачивание кистью из стороны в сторону при прощании выражает также извинение при игре в теннис. Подмигивание в волейбольной или баскетбольной команде в сочетании с кивком головой в сторону обозначает приглашение действовать вместе и указывает направление и характер передачи³⁰. В ситуациях ежедневного общения такая комбинация жестикуляторно-мимических средств полисемична и может обозначать предложение выйти поговорить, уйти вместе, привлечение чьего-то внимания на кого-то из присутствующих, на действие, предмет и т. д.

Примеры межъязыковой омонимии невербальных

средств коммуникации малочисленны. В пособиях по страноведению приводятся разные, а иногда и противоположные значения одной и той же кинемы у разных народов. Так, сложенной в кулак рукой с отставленным большим пальцем останавливают машину представители некоторых юго-восточных этнических общностей. В русском лингвокультурном ареале такой жест обозначает одобрение. У американцев два таких кулака с оттопыренными большими пальцами, составленными параллельно, выражают пожелание удачи. Последний жест, не имеющий аналога в других жестовых системах, часто воспринимается в противоположном смысле, как жест угрозы³¹. Общеизвестным стало диаметрально противоположное значение движений головой для выражения утверждения и отрицания у русских и болгар. Данное несовпадение кинем часто приводило к недоразумениям при общении во время пребывания русских солдат в Болгарии в дни войны с Турцией 1877—1878 гг. Такое же отрицательное значение кивка головой, как у болгар, наблюдала французская писательница Симон де Бовар у торговцев в Афинах. Эта кинема заимствована, по мнению некоторых исследователей, у турок³².

Явление межъязыковой омонимии жестов можно объяснить, по нашему мнению, ограниченным набором жестикуляторно-мимических элементов.

«Совокупность обычаев какого-нибудь народа всегда отмечена особым стилем. Обычаи образуют системы. Я убежден, что эти системы не существуют в неограниченном количестве и что человеческие общества, подобно отдельным людям, никогда не создают чего-либо абсолютно нового, но лишь составляют некоторые комбинации из идеального набора возможностей», — писал в 1943 г. датский лингвист В. Брёндаль³³.

Действительно, если учесть разную степень подвижности пальцев и анатомически возможные движения руками, то можно математически вычислить количество допускаемых жестов руки. Жестов, производимых головой, еще меньше. Можно покачать головой из стороны в сторону, назад и вперед, кивнуть, слегка откинуть голову назад, склонить ее набок.

Анатомо-физиологические возможности мимических средств еще более ограничены, чем жестовые. В связи с этим мимика для разных народов более обща.

При анализе невербальных средств коммуникации разных народов можно заметить, что жесты, выражающие одно и то же значение, у многих народов состоят из близкого набора элементов кинем. Так, например, жесты скандирования, выполняющие функцию дополнительной акцентуации речи, чаще всего выражаются в движении полусогнутой руки параллельно туловищу. Вариативность жестов — в разной степени его энергичности и положении кисти: кисть напряженно вытянута, сжата в кулак или вытянут только второй палец.

Кинема прощания при отъезде у народов Европы состоит, как отмечалось, из движения кисти согнутой в локтевом суставе руки. Разница в положении ладони и направлении движения: ладонь от себя (у русских, украинцев, белорусов, поляков, англичан, французов и др.), ладонь к себе (у итальянцев), движение кисти назад и вперед (у русских, украинцев, белорусов, итальянцев), движение кисти из стороны в сторону (у англичан, французов, чехов и др.).

Жест подзывания у европейцев осуществляется движением к себе повернутого кверху согнутого указательного пальца или всех четырех пальцев. У арабов этот жест передается в зеркальном изображении. Согнутые книзу пальцы как будто что-то скребут.

Жест-эквивалент речевого высказывания «он не в своем уме» выражается у ряда народов также схожими жестикуляторно-мимическими средствами: у греков — постукиванием указательным пальцем по лбу и взглядом на небо; у мальтийцев — двукратным постукиванием пальцем по лбу и поворотом трех первых пальцев у виска; у киприотов — вращением всей кисти у виска. Как очевидно, описанный жест очень близок к синонимическим жестам, употребляемым многими европейскими народами***.

Некоторые жесты даже территориально далеких народов совпадают. Так, описательные жесты, иммитирующие форму предмета или действие, во многих этнических группах очень схожи.

То же можно сказать о жестах, указывающих на предмет или направление. Несмотря на запрет Старого света, у многих народов преобладает кинема указания вторым пальцем или кистью руки. Указательный жест может также сводиться к движению всей головой с

легким поднятием подбородка в сторону указываемого предмета. Показывать можно также одними глазами.

Выражение эмоций удивления, например, у многих европейских и восточных народов выражается одинаковым набором синонимических жестов: разведением рук в стороны, хлопком себя по щекам ладонью одной или двух рук одновременно.

Интересно отметить, что тот же жест разведения рук (у русских и афганцев), выражает радость встречи, так же как и прикладывание ладоней к щекам — сочувствие. Семантическая разница жестов реализуется здесь мимикой и выражением глаз. Наряду с этим у арабов, например, сочувствие может передаваться кинемой — «палец во рту». Арабские женщины сочувствие выражают, располагая руку дугообразно над бровью, что связано, как нам представляется, с длительным пребыванием под паранджой, не позволявшей осуществлять мимическую коммуникацию.

В литературе, посвященной невербальным средствам общения, помимо описания некоторых жестов того или другого народа, можно встретить отдельные попытки классификации употребления кинетических средств.

Наиболее интересной классификацией, по мнению Т. М. Николаевой³⁴, является довольно подробная классификация жестовых систем общения по их семиотической функции Х. Хекаена³⁵. Данный автор все жестовые средства делит на три класса: 1) жесты, употребляемые без каких-то реальных объектов; 2) жесты, имеющие место при непосредственном контакте с объектами (не семиотические, а реальные жесты); 3) жесты графической репрезентации, не имеющие, естественно, отношения к устной речи. Наиболее обширный первый класс жестов подразделен на следующие подвиды: а) жесты, заменяющие язык; б) жесты, сопровождающие язык; в) символические условные жесты (например, жест военного приветствия, жест креста); г) экспрессивные жесты (например, жест угрозы); д) описательные жесты (например, изображение курения, бритья). Последняя группа жестов, как полагает Т. М. Николаева, воспринимается интернационально.

Приведенная классификация в большой мере информативна. Однако она не лишена, как нам представляется, некоторых противоречий. Например, не вполне по-

лйтно, почему описательные или экспрессивные жесты нельзя причислить к «реальным». Кроме того, подгруппы первого класса неоднородны, в основу их деления не положен единый принцип. Так, описательные жесты пересекаются с первыми двумя. Они могут как сопровождать речь, так и выступать самостоятельно без речевого кода. Описательный жест без слов может применяться в пантомиме, при незнании языка собеседника, в ситуации общения, когда нужно соблюдать полную тишину.

Символические, куда входят у многих народов и ритуальные жесты, безусловно составляют отдельную группу. Однако и они могут заменять или участвовать в коммуникации параллельно с вербальными средствами. Кроме того, пример именно военного приветствия как символического жеста не вполне удачен. Такая кинема является разновидностью жестового приветствия, закрепленного за профессиональной группой военных той или иной страны, и нам представляется более правомерным говорить об условном, а не символическом характере таких жестов.

Т. М. Николаева классифицирует невербальные средства коммуникации с точки зрения их соотношения с вербальными. Автор различает: 1) невербальные средства коммуникации, сопровождающие естественную речь; 2) невербальные средства коммуникации, заменяющие речевое высказывание, при этом сохраняя его структуру (типа «азбуки Морзе») или передавая речевую структуру в измененном виде (собственно жесты); 3) невербальные средства коммуникации, сочетающиеся с вербальными и создающие одно смешанное высказывание.

В первом случае принято говорить, по словам Т. М. Николаевой, о паралингвистических явлениях, характеризующих индивидуальные, социальные и национальные особенности говорящего; во втором случае — о субституции, в третьем — об интерференции языковых и неязыковых средств³⁶.

В вышеприведенной классификации третий пункт представляется частным случаем второго, где жестом заменяется не все высказывание, а его часть.

Хотя приведенная классификация жестов Т. М. Николаевой отличается стройностью и логической последо-

вательностью, все же она характеризует жесты односторонние.

Невербальный код человеческой коммуникации довольно богат, и поэтому трудно все многообразие его выразительных средств вместить в рамки одной классификации. Нам представляется целесообразным и продуктивным для дальнейшего изучения и описания кинесики классифицировать ее по разным параметрам:

1. По отношению к количеству членов языковых сообществ: а) жесты, употребляемые в культурном ареале большем, чем одна этнолингвистическая общность****; б) общенациональные; в) диалектальные; г) социальные; д) профессиональные жесты, где три последних группы наблюдаются, как очевидно, внутри одного языкового коллектива.

Кроме того, существует индивидуальный выбор жестов, выражающийся в предпочтительном употреблении членом коллектива тех или иных определенных общепринятых для его народа и социальной прослойки жестов.

Профессиональные жестикуляторно-мимические средства могут как переноситься из сферы профессиональной коммуникации в повседневную, так и выступать непосредственно в деятельности по специальности. Особенно развиты профессиональные жесты в спорте. Хотя речевые формы общения здесь, как и везде, являются ведущими, на жестовую коммуникацию в разных видах спортивно-игровой деятельности приходится довольно большой процент: в волейбольных командах — 8, в баскетбольных — 33, в гандбольных — 10,6% всех обращений³⁷.

2. Исходя из сферы применения жестов, их можно разделить на: а) жесты повседневного общения; б) выразительные жесты театрального искусства и публичной речи; в) символические жесты ритуалов и церемоний.

Причем жесты средней группы питаются за счет двух крайних, с определенным их отбором и рафинированием. Следует помнить, что в публичной речи налагаются определенные ограничения на употребление экспрессивных жестов, что относится как к их количественным показателям, так и к качественным. В театральном

искусстве диапазон жестов наиболее широк — от повседневных бытовых до патетико-драматических.

Жесты, сопровождающие обычную речь, как правило, факультативны. В ритуале или церемонии жесты обязательны. В них зафиксирован не только определенный набор кинем, но и их последовательность.

3. По степени преобладания эмоционального или рассудочного начала жесты можно разделить на: а) интеллектуальные и б) эмоциональные.

Примерами интеллектуальных жестов могут служить: кинема задумчивости (указательный палец ко лбу), поза «мыслителя» Родена, загибание пальцев при счете, указательные жесты, жесты, выражающие согласие или отказ, описательные жесты и т. д.

Группа эмоциональных жестов обширна, так как призвана в определенной мере выразить богатую гамму человеческих чувств. Эмоциональные жестикуляторно-мимические средства выражают радость, восхищение, удивление, испуг, досаду, сожаление, сочувствие, безразличие и др. В интеллектуальной кинесике превалируют жесты, в эмоциональной — наравне с жестами активно представлены и мимические элементы невербального кода.

4. По наличию или отсутствию непосредственной связи с объектом жесты разделяются на: а) конкретные, или реальные и б) абстрактные, или условные.

5. По степени самостоятельности или соотнесенности с речью жесты могут либо сопровождать речь, либо заменять речевое высказывание или какую-то его часть.

В связи с лаконичностью жеста при замене высказывания кинемой за один и тот же отрезок времени передается большее количество информации. Сопровождающие жесты могут дополнять, конкретизировать или же дублировать речевой код³⁸. Основной группой кинем, сопровождающих речь, являются жесты, усиливающие вербальный код.

Подрубрики приведенных классификаций образуют в своей совокупности сложное целое, взаимопроникающее и взаимоперекрещивающееся, как нити сложной многоцветной ткани.

Классификация не претендует на окончательность, а является поиском, который можно в дальнейшем уточнять и совершенствовать.

Знакомство с кинесикой по литературе, а также непосредственное наблюдение за жестами разных народов во время пребывания в ряде стран Востока, наблюдения за кинетическим сопровождением речи иностранных студентов, обучающихся в вузах СССР, позволяют сделать следующие выводы.

Наибольшее сходство или в отдельных случаях полное совпадение жестов у разных народов проявляется:

а) в жестах с конкретным значением, например, указательных и описательных;

б) в жестах, усиливающих акцентуацию речи;

в) в жестах, выражающих эмоции.

Наибольшее разнообразие и расхождение наблюдается в условных жестах абстрактного значения, например, в приветствиях. В научно-популярной литературе, посвященной жестам, неоднократно описывались различные формы приветствий разных этнических сообществ, начиная от приветствия улыбкой и рукопожатием и кончая потиранием носами или объятиями латиноамериканских мужчин с троекратным сплевыванием через плечо.

Даже близкие у разных народов формы приветствия без учета их специфики могут явиться поводом серьезных недоразумений. Так, например, целование руки при приветствии у французов, поляков, русских распространяется только на женщин. Поцеловав руку итальянке при знакомстве, можно навлечь на себя скандал. Это привилегия только жениха. Поцеловать руку арабской женщины, бесправие которой на протяжении веков освящалось исламом, совершенно неприемлемо. Такое приветствие у арабов может относиться к почетному старцу, к глубокоуважаемому наставнику, к богатому, у которого бедный находится в полной зависимости.

Особенно тщательно следует относиться к имитации близких к нашим кинемам жестам другого народа. Так, почти тождественное нашему молодежному греческое приветствие, выражающееся во взмахе вверх согнутой в локтевом суставе руки с ладонью, обращенной от себя, может трактоваться как оскорбление, если пальцы будут хоть немного растопырены.

Из сказанного можно сделать методический вывод, что в курсах страноведения основное внимание следует уделять обучению жестов условного характера.

Кинетическое сопровождение речи имеет определенное, а в искусстве большое воздействие на слушающего. В театральных спектаклях, танце, пантомиме жест, помимо смысловой, несет еще и эстетическую информацию. В сверхсегментных средствах к кинетическому сопровождению непосредственно примыкает, по нашему мнению, такой экстралингвистический фактор, как направленность взгляда и выражение глаз при речевом общении. В своих воспоминаниях о премьере «Егора Булычева» М. Чарный пишет: «Уже первый акт взволновал зрителей тем высоким волнением, которое дает большое искусство. О магия художественного слова, *усиленная* голосом, *жестом, глазами* талантливого актера»³⁹.

Мимика, жесты, выражение глаз имеет большое значение для создания контакта с собеседником не только во время общения, но и перед его началом. Подобно эмоциональному оттенку тона (тон ласковый, веселый, тон пренебрежительный, самоуверенный, мрачный и т. д.) улыбка и выражение глаз собеседника, начинающего разговор, является тем ключом, ладом, в котором предлагается вести беседу. Партнер либо принимает предложение, либо своим выражением лица, мимикой предлагает другой лад (например, лад сдержанности).

Автор «Правил высшего красноречия» известный государственный и политический деятель России XIX века М. М. Сперанский писал: «Наш оратор не ограничит своего искусства одним только сочинением, он настроит с предметом своим голос, *лицо, вид и руку*, все в нем будет говорить, и все будет красноречиво». И далее: «Часто один *взгляд*, одно *потупление брови* говорит более, нежели все слова оратора, а посему он должен почитать существеннейшей частью его искусства уметь *настроить лицо* свое согласно с речью»⁴⁰.

Таким образом, в индивидуальной стратегии порождения и восприятия речи выражение лица, поза, жесты являются как бы прелюдией и фоновым сопровождением вербальных средств общения.

В повседневной коммуникации жестикуляция и мимика играют, как отмечалось, подчиненную, вспомогательную роль, они не имеют при восприятии речи решающего значения. Однако их выразительность, а также степень их использования все же оказывают определенное действие на слушающего. Очевидно, в то время как почти полное

отсутствие кинетического сопровождения снижает воздействие речи, слишком интенсивное или монотонное использование жестов и мимики может утомлять и раздражать собеседника, отвлекать его внимание.

А. В. Толмачов в отношении таких жестов настораживает начинающих лекторов: «Проследить за тем, какая у вас жестикуляция, очень важно. Бывает, что оратор, искренне увлеченный своей речью, не замечает, что жесты его однообразны, монотонны, угнетающе действуют на слушателей. Это так же плохо, как и искусственные произвольные жесты, к которым прибегают некоторые пропагандисты ошибочно полагая, что такие жесты усиливают эмоциональность воздействия» ⁴¹.

Пользование мимикой и жестами в определенной мере управляемо и воспитуемо. Человек, привыкший обычно энергично жестикулировать, может себя сдерживать в определенных ситуациях. Актеров специально обучают выразительному жесту и мимике. Однако, на наш взгляд, воспитуемость организации кинетического сопровождения все же в известных пределах ограничена. Разным людям одной и той же социальнодемографической группы присуща своя количественная мера пользования жестикуляцией и мимикой. В этом обнаруживается связь типа высшей нервной деятельности (ТВНД) человека с его проявлением в речевом действии. Хотя у одного и того же человека или группы людей одного ТВНД при разном психическом и физическом состоянии интенсивность жестов и мимики будет в известной мере колебаться, все же можно говорить о характерных для них количественных показателях кинетического сопровождения в привычных для них ситуациях общения.

С целью выяснения индивидуальных количественных показателей использования мимики и жестов рассмотрим частоты параметров кинетического сопровождения и разные варианты их сочетаемости в легко- и трудновоспринимаемой английской и русской речи.

В обоих параметрах кинесики выделяются легкоразличимые варианты количественных показателей: интенсивное, умеренное или минимальное употребление жестикуляторно-мимических средств.

В массиве русской ЛВР в отношении жестов наибольшую группу составляет умеренная жестикуляция (61,1%). Разновидности крайних противоположных ва-

риантов данного параметра составляют две равные по размеру группы: с интенсивной жестикуляцией (19,3%) и с минимальной (19,6%). Каждая из них в три раза меньше группы с умеренной жестикуляцией.

Аналогичная картина в массиве русской ЛВР наблюдается и в использовании мимических средств (умеренное использование мимики встретилось в 56,1%, интенсивное — в 22,1% и минимальное — в 21%).

Распределение вариантов параметра жестикуляции в английской ЛВР несколько отличается от такового в русской речи. Хотя умеренная жестикуляция и наиболее репрезентативна (48%), минимальная — также представляет многочисленную группу (39,3%, всего на 8,7% меньше группы умеренной жестикуляции). Интенсивная жестикуляция составляет сравнительно небольшое количество наблюдений (12,7%), почти в четыре раза меньшее группы умеренной жестикуляции.

В распределении частот вариантов использования мимических средств отличительные количественные особенности английской речи проявляются еще в большей мере. Самой частотной оказалась группа минимального использования мимических средств (53,3%), затем следует группа умеренного мимического сопровождения (38,7%). Интенсивное использование мимики при продуцировании английской ЛВР наименее характерно и составляет лишь небольшой процент наблюдений (6%).

В массиве русской ТВР группы вариантов жестикуляции распределяются следующим образом. Большую группу составляет обильная жестикуляция (34,5%). Контрастная группа, для которой характерно почти полное отсутствие жестикуляции, также довольно репрезентативна (21,3%). Большую группу составляет также умеренная жестикуляция (44,2%). Однако последняя группа не приносит отрицательного воздействия на воспринимаемую речь.

При рассмотрении частот вариантов мимического сопровождения русской ТВР наибольшую группу составляет энергичная мимика (37,9%). Контрастная группа, характеризующаяся минимальным использованием мимики, также весьма частотна (28,2%). В довольно большом количестве анкет рассматриваемого массива отмечается умеренная мимика (33,9%).

В массиве английской ТВР в отличие от аналогично-

го массива русской речи обильная жестикуляция представлена в небольшом количестве наблюдений (в 14%, в 2,5 раза реже, чем в русской ТВР). Минимальная жестикуляция зафиксирована намного чаще, чем в соответствующем массиве русской речи (в 36%). Умеренная жестикуляция отмечена в половине случаев (в 50%), немного чаще, чем в русской речи (на 5,8%).

Если в массиве русской ТВР наибольшую группу составляет интенсивная мимика, то в аналогичном массиве английской речи такая мимика почти нерепрезентативна (3%). Контрастная ей группа минимального использования мимических средств в массиве английской ТВР наиболее многочисленна и составляет больше половины наблюдений (59%). Указанная группа значительно превышает количественные показатели аналогичного варианта рассматриваемого параметра в русской речи (на 30,8%). Умеренная мимика представляет в анализируемом массиве английской речи значительное количество наблюдений (38%) немногим меньшее, чем в русской (на 4,8%).

Таким образом, как видно из анализа, безотносительно к массивам легко- и трудновоспринимаемой речи интенсивное кинетическое сопровождение для английской речи нехарактерно. Минимальная кинесика, наоборот, присуща английской речи. Так, минимальная жестикуляция зафиксирована более, чем в трети, а соответствующая мимика более, чем в половине всех наблюдений.

Кинетическое сопровождение русской речи существенно отличается от такового английской. В ней интенсивная кинесика представлена довольно часто — более, чем в трети наблюдений в ТВР и в одной пятой — в ЛВР. Минимальное пользование жестами и мимикой при продуцировании русской речи встретилось реже, чем в английской речи, примерно в одной пятой наблюдений в обоих массивах русской речи.

Кроме того, исследование показало, что в русской речи отмечаются определенные различия в распределении частот в массивах трудно- и легковоспринимаемой речи, особенно в пользовании энергичной кинесикой. Разница между частотой встречаемости аналогичных вариантов кинетического сопровождения в сопоставляемых массивах легко- и трудновоспринимаемой английской речи незначительна и колеблется в пределах от 1,3 до 3,3%. Та-

кое явление свидетельствует о том, что кинетическое сопровождение английской речи не оказывает существенного влияния на ее восприятие.

Хотя частоты вариантов каждого параметра изолированно и говорят в определенной мере сами за себя, существующие закономерности с большей очевидностью проявляются в сочетаниях разных параметров как внутри группы кинесики, так и в сочетании с другими параметрами звукового и темпо-ритмового оформления речи.

На материале русского языка в массиве ТВР встретилось девять вариантов сочетаний, шесть из которых частотны, в массиве ЛВР — десять вариантов, из которых частотных — семь. В английской ТВР зафиксировано семь вариантов при пяти частотных и в ЛВР — восемь при пяти частотных.

В массиве русской ТВР наибольшую группу составляет сочетание интенсивной жестикуляции с такой же мимикой (27,6% случаев). Контрастная группа по отношению к предыдущей представляет собой сочетание почти отсутствующей жестикуляции и мимики (14,9%).

К первой группе примыкают две промежуточные подгруппы, различающиеся по одному из параметров. В них либо интенсивная мимика сочетается с умеренной жестикуляцией (8% случаев), либо, наоборот, интенсивная жестикуляция выступает в сочетании с уравновешенной мимикой (6,3%).

Родственными по отношению ко второй группе с минимальным кинетическим сопровождением представляется сочетание умеренной жестикуляции с почти отсутствующей мимикой (12,6%) и сочетание отсутствия жестикуляции с уравновешенной мимикой (4,2% — 7 случаев).

Помимо рассмотренных, в массив ТВР вошла довольно большая группа сочетания срединной разновидности параметров — умеренная жестикуляция и мимика (23,5% случаев). Однако детальный анализ соответствующих анкет обнаруживает, что в данной группе трудность восприятия обусловлена определенными параметрами, а кинетическое сопровождение этой трудности не усугубляет.

Если в массиве русской ТВР на первом месте выступает сочетание интенсивной мимики и жестикуляции, то в аналогичном массиве английской речи на первом месте стоит диаметрально противоположная комбинация

минимального проявления параметров кинесики (в 31% случаев). Минимальная жестикуляция в массиве русской речи наблюдалась в два раза реже, чем максимальная, в то время как последняя в рассматриваемом массиве английской речи зафиксирована среди малочастотных (в 3% случаев).

К первому основному сочетанию массива английской ТВР с минимальной кинесикой примыкает вторая по частотности группа, характеризующаяся умеренной жестикуляцией и минимальным использованием мимических средств (28%), и последняя репрезентативная группа массива, которой, наоборот, присуще минимальное использование жестов при умеренной по интенсивности мимике (5%).

Среди частотных в анализируемом массиве английской речи единственным сочетанием с интенсивным использованием кинесики является комбинация с энергичной жестикуляцией и умеренной мимической выразительностью (12% случаев). Сочетание обоих параметров с умеренными показателями стоит в массиве на третьем месте и наблюдалось с близкой частотой таковому в русской речи (в 21% случаев).

Проанализируем распределение частот вариантов сочетаний жестового и мимического сопровождений в массиве русской ЛВР. Наибольшую группу здесь представляет сочетание умеренной жестикуляции с такой же мимикой (39,6% случаев). Затем небольшие почти равные группы составляют следующие четыре сочетания: умеренная жестикуляция с почти отсутствующей или, наоборот, интенсивной мимикой (11,7 и 9,8% случаев соответственно) и умеренная мимика с энергичной либо почти отсутствующей жестикуляцией (11 и 9,5% случаев соответственно). Наименьшими двумя группами являются в данном массиве наиболее характерные для ТВР сочетания двух минимальных или двух максимальных вариантов параметров кинетического сопровождения (8,9 и 7% случаев соответственно). То, что в массиве ЛВР все же встречается некоторое число характеристик речи с отрицательными показателями кинетического сопровождения, говорит о его вспомогательном подчиненном значении при восприятии речи, кроме того, они могут частично нейтрализоваться за счет положительных характеристик других параметров.

Как и следовало ожидать, исходя из распределения частот употребления мимики и жестов изолированно, их сочетание в обоих массивах английской речи составляет аналогичную картину. На первом месте в массиве английской ЛВР расположено сочетание минимального пользования кинесикой (30%). Затем по убыванию частоты расположены следующие четыре репрезентативные сочетания: умеренной жестикуляции с минимальным мимическим сопровождением (24,7%), обоих умеренных показателей кинетического сопровождения (18,7%), интенсивной жестикуляции в сочетании с умеренным проявлением мимики (10,7%) и минимальной жестикуляции с умеренной мимикой (9,3%).

Итак, если в русской ЛВР наиболее частотным оказалось сочетание умеренного, а в ТВР — интенсивного кинетического сопровождения, то для обоих массивов английской речи наиболее характерно минимальное употребление кинесики. Как очевидно, влияние кинетического сопровождения на восприятие английской речи значительно меньше, чем в русской.

Интересным представляются данные анализа сочетаний кинетического сопровождения с темпом речи. Наблюдения за речью людей, описание ее в художественной литературе дают все основания предполагать, что в этом сочетании проявляется определенная закономерность, обусловленная типом нервной деятельности. Трудно представить себе медленную флегматичную речь в сочетании с энергичной жестикуляцией и мимикой и, наоборот, живую, беглую речь почти лишенную кинетического сопровождения. Естественным является сочетание быстрой речи с интенсивным кинетическим сопровождением, а медленной речи с минимальным использованием мимики и жестов.

Обратимся к примерам из литературных источников. У Герцена находим такую характеристику речи: «Он говорил с чрезвычайной живостью, с резкой мимикой»⁴², где под живостью понимается и темп и эмоциональность речи. Конкретное описание находим в воспоминаниях М. Чарного, когда он характеризует речь уже больного А. М. Горького: «Горький поглаживая одной рукой ус, говорил медленно, с большими паузами...» и далее упоминается о «медлительных жестах»⁴³.

Рассмотрим сочетаемость вариантов темпа речи с ва-

риантами кинетического сопровождения в обоих исследуемых массивах русской и английской речи. В массиве русской ТВР встретилось 24 варианта комбинаций указанных выше параметров, семь из которых частотны, в соответствующем массиве английской речи — 16 вариантов при тех же семи частотных. В легковоспринимаемой русской речи обнаружено 26 вариантов при шести частотных и 17 вариантов при пяти частотных в аналогичном массиве английской речи.

В русской ТВР наибольшую группу составляет сочетание быстрого темпа речи с интенсивным кинетическим сопровождением (19,5% случаев). Вторая по численности группа (10,9%) представляет собой сочетание быстрого темпа со срединными показателями жестового и мимического сопровождения. В данном сочетании трудность восприятия обусловлена самим темпом, причем рассматриваемое сопровождение ее не усугубляет.

Третьей по частотности, контрастной первой группе, выступает сочетание медленного темпа с почти отсутствующими показателями жестикуляции и мимики (8% случаев). К последней группе примыкают еще две группы с равными частотами (по 5,6%), отличающиеся между собой только одним показателем. При медленном темпе и умеренной жестикуляции одной из них характерно умеренное пользование мимикой, другой — почти отсутствие таковой. В обоих случаях кинетическое сопровождение не усугубляет трудности восприятия речи. Близкими к первой группе, отличающиеся от нее лишь одним показателем, являются две группы с небольшими частотами, для которых характерно при быстром темпе либо сочетание интенсивной жестикуляции с умеренной мимикой, либо наоборот (3,4 и 4,2% случаев соответственно). Со средним темпом в данном массиве встретилось четыре группы. Причем в двух из них кинетическое сопровождение может отрицательно влиять на восприятие речи. Это сочетание среднего темпа с максимальными показателями и сочетание среднего темпа с минимальными показателями рассматриваемого сопровождения (6,3 и 5,1% случаев). Остальные две группы со средним темпом сочетаются либо с обоими срединными показателями, либо с умеренной жестикуляцией и минимальным мимическим сопровождением (6,3 и 5,1% соответственно). В последних двух группах такое сочетание вариантов параметров

ни в коей мере не обуславливает трудность восприятия речи. Отнесение их в данный массив объясняется наличием отрицательных характеристик других параметров, в первую очередь, акустических.

В массиве английской ТВР наиболее репрезентативную группу (18%), почти равную по количеству наблюдений первой соответствующего массива русской речи (19,5%), также составляет сочетание с быстрым темпом. Однако, если в массиве русской речи быстрый темп в первой группе сочетался с интенсивной кинесикой, то в английской речи — с умеренным ее проявлением. В данном случае первое по частотности сочетание английской ТВР совпадает по комбинаторике вариантов со вторым массива русской речи. Наиболее близким сочетанием к первой группе массива русской ТВР является последнее из репрезентативных сочетаний английской речи, в котором быстрый темп также сочетается с интенсивной жестикуляцией, однако в нем представлена не энергичная, а умеренная мимика. Третьи группы обоих массивов совпадают по набору вариантов и близки между собой по количеству наблюдений (11% — в английской ТВР и 8% — в русской). Им присущи все три минимальные показатели исследуемых параметров: темп медленный, кинесика почти не проявляется. Вторая группа массива английской речи, почти (12%) равная по величине рассмотренной выше, отличается от нее лишь тем, что вместо минимальной в ней зафиксирована умеренная жестикуляция.

Помимо рассмотренных в анализируемом массиве английской речи встретилось два репрезентативных сочетания среднего темпа с минимальной кинесикой и с умеренным проявлением параметра жестикуляции при минимальной мимике (11 и 9% соответственно). Как очевидно, упомянутые сочетания трудности восприятия не усугубляют. В соответствующей комбинаторике массива русской речи средний темп сочетался либо с интенсивной, либо с умеренной кинесикой.

Следует отметить, что в английской ТВР среди малочастотных встретилась комбинация, полностью отсутствующая в массиве русской речи — сочетание быстрого темпа с минимальным проявлением кинесики. При проверке соответствующих анкет по адресам оказалось, что при таком сочетании в английской речи за-

фиксирована невнятная, монотонная сухая и тихая речь, в двух из трех анкет в примечании основное в данной манере речи было определено, как «бубнить».

В массиве русской ЛВР среди частотных наблюдаются сочетания среднего темпа с разными вариантами параметров жестового и мимического сопровождения. Причем для трети всех наблюдений характерно сочетание всех трех срединных показателей: среднего темпа, умеренной жестикуляции и мимики (34% случаев). Помимо превалирующей группы в массиве представлено еще пять репрезентативных сочетаний среднего темпа, отличающихся между собой вариантом одного из параметров кинетического сопровождения. Во второй группе средний темп сопровождается умеренной жестикуляцией и минимальной мимикой (10,1%). К данной группе примыкают еще две близкие по частотности группы, в первой из которых минимальная жестикуляция сочетается с умеренной мимикой, во второй — оба показателя минимальны (8,3 и 7,6% случаев соответственно). В остальных двух группах со средним темпом один из параметров кинетического сопровождения максимален (6,4 и 7,6% случаев).

Сочетание вариантов кинетического сопровождения с медленным темпом в данном массиве ЛВР не характерно. Быстрый темп в сочетании с вариантами параметров кинетического сопровождения также встретился лишь среди малочастотных.

В английской ЛВР в отношении комбинаторики вариантов рассматриваемых параметров наблюдается сходная с массивом русской ЛВР картина. Как и в русской речи в репрезентативные группы английской ЛВР попали сочетания со средним темпом. Однако частотный порядок сочетаемости среднего темпа с параметрами кинетического сопровождения здесь несколько иной. В первом сочетании английской речи представлена минимальная кинесика (23,3%), соответствующее сочетание в массиве русской речи стоит на четвертом месте. Наиболее репрезентативное сочетание умеренной кинесики в массиве английской речи занимает по частоте встречаемости третье место (14% случаев). Вторые сочетания среднего темпа с умеренной жестикуляцией и минимальным использованием мимики по месту расположения в массивах совпадают, хотя в английской ре-

чи такая комбинация наблюдалась в два раза чаще (20 и 10,1% соответственно). Последних два репрезентативных равных по количеству наблюдений сочетаний в среднем темпе характеризуются скупой мимикой и либо такой же, либо интенсивной жестикуляцией (8,7 и 8% случаев соответственно).

Таким образом, как видно из анализа, наиболее характерными для русской ТВР являются сочетания быстрого темпа с интенсивным кинетическим сопровождением и сочетание медленного темпа с минимальными показателями кинесики. В соответствующем массиве английской речи наиболее репрезентативны группы быстрого темпа с умеренной кинесикой и медленного темпа с очень сдержанным жестикуляторно-мимическим сопровождением. В обоих массивах ЛВР во всех репрезентативных группах фигурирует средний темп при превалировании умеренной кинесики в русской и минимальной в английской речи.

Более ярко влияние кинетического сопровождения проявляется при рассмотрении его с большим количеством сопряженных параметров. Имеется в виду сочетание жестикуляции и мимики с эмоциональностью, громкостью и выразительностью речи, а также с темпом речи при учете длины и частоты пауз. Беглый анализ таких сочетаний в речи носителей русского и английского языков свидетельствует также о тесной зависимости паралингвистических и кинетических характеристик речи с типом высшей нервной деятельности человека. Особенно тесная корреляция наблюдается между кинесикой, с одной стороны, и эмоциональностью, громкостью и темпом речи, с другой.

1. Проведенный сопоставительный анализ кинетического сопровождения русской и английской речи выявил определенные различия в количественных характеристиках употребляемого жестикуляторно-мимического сопровождения. Так, в русской речи наблюдается чаще интенсивное и умеренное употребление кинетических средств, в английской — минимальное и умеренное. Вне зависимости от массива английской речи не свойственна энергичная жестикуляция.

Если в русской трудновоспринимаемой речи наиболее частотным оказалось сочетание интенсивных, а в легковоспринимаемой речи — умеренных показателей

кинесики, то для обоих массивов английской речи наиболее характерно минимальное пользование небальным кодом.

Хотя кинетическое сопровождение играет лишь подчиненную, вспомогательную роль в восприятии, при наличии в речи отрицательных характеристик некоторых параметров слишком энергичное употребление кинесики будет отвлекать внимание, усугублять утомляемость слушающих. Однако и почти полное отсутствие кинетических средств снижает выразительность речи.

В связи с тем, что кинетическое сопровождение английской речи по сравнению с русской сдержаннее, оно в меньшей мере влияет на восприятие речи.

2. В обоих массивах трудно- и легковоспринимаемой английской и русской речи в сочетании количественных показателей использования жестов и мимики наблюдается определенная закономерность, связанная, по всей видимости, с типом высшей нервной деятельности человека. Преимущественно сочетаются показатели, одинаковые в количественном отношении. Так, интенсивной жестикуляции сопутствует интенсивная мимика, умеренной жестикуляции — умеренная мимика, а минимальное или почти отсутствие жестикуляции сочетается с подобным явлением в отношении мимики. Немного реже сочетаются близкие между собой показатели, при этом полярные — присоединяют к себе срединные. Так, интенсивная или минимальная жестикуляция сочетаются поочередно с умеренным использованием мимических средств и наоборот. Сочетание противоположных в количественном отношении разновидностей двух рассматриваемых кинетических средств не характерно.

3. Анализ наиболее типичных сочетаний кинетического сопровождения с разными темпами безотносительно к тому, принадлежит ли речевая характеристика к легко- или трудновоспринимаемой речи, обнаруживает закономерность, аналогичную сочетанию абсолютного темпа речи с длиной и частотой пауз.

Наибольший диапазон подключения разновидностей кинетического сопровождения присущ среднему темпу. Он может сочетаться с любой комбинацией вариантов параметров кинетического сопровождения. Часто наблюдаются сочетания среднего темпа со срединными, максимальными и минимальными показате-

лями обоих параметров, а также сочетание среднего темпа с умеренной жестикуляцией и с минимальным или максимальным мимическим сопровождением. Однако наиболее характерным здесь является сочетание среднего темпа с умеренным кинетическим сопровождением.

Медленный и быстрый темпы тяготеют либо к идентичным в количественном отношении кинетическим показателям, либо к срединным. Причем, как и средний, данные темпы наиболее часто сочетаются именно с одинаковым в количественном отношении кинетическим сопровождением, то есть медленному темпу наиболее свойственно сочетаться с минимальным кинетическим сопровождением, быстрому — с максимальным. Сочетание медленного или быстрого темпов с противоположными по степени интенсивности показателями жестов и мимики не характерно, то есть сочетание медленного темпа с максимальным кинетическим сопровождением, равно как и сочетание быстрого темпа с минимальным в репрезентативных группах не встречалось.

В связи с многообразием проявления невербального кода человеческой коммуникации представляется рациональным кинесику классифицировать по разным параметрам:

(1) По отношению к количеству членов языковых сообществ: а) жесты, употребляемые в культурном ареале больше, чем одна этнолингвистическая общность; б) общенациональные; в) диалектальные; г) социальные; д) профессиональные.

(2) Исходя из сферы применения жестов: а) жесты повседневного общения; б) выразительные жесты театрального искусства и публичной речи; в) символические жесты ритуалов и церемоний.

(3) По степени преобладания эмоционального или рассудочного начала: а) интеллектуальные; б) эмоциональные жесты.

(4) По наличию или отсутствию непосредственной связи с объектом: а) жесты конкретные, или реальные; б) абстрактные, или условные.

(5) По степени самостоятельности или соотносительности с речью жесты могут: а) либо сопровождать речь; б) либо заменять речевое высказывание или какую-то его часть.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило обнаружить ряд закономерностей в сочетаемости вариантов параметров звукового, темпо-ритмового оформления речи индивида и ее кинетического сопровождения. Наблюдавшиеся закономерности проявляются в двух планах: безотносительно к конкретному языку и в непосредственной с ним связи. Явления первого плана определяются общечеловеческими анатомо-физиологическими и нейропсихологическими факторами, явления второго — обуславливаются строем языка, особенностями его артикуляторной базы, системой ударений в нем, конститутивными характеристиками темпа речи народа, спецификой его кинесики, принятыми в данную эпоху социальными и этическими нормами устного общения.

К закономерностям, не связанным с определенным языком, прежде всего относится диапазон и особенности сочетаемости вариантов рассматриваемых параметров в речи индивида. Как показал анализ, срединные варианты могут присоединять к себе любой вариант другого параметра с максимальным, умеренным или минимальным проявлением заложенных в нем качеств. Так, при средней дикции можно говорить выразительно, умеренно выразительно и монотонно; при умеренной выразительности — эмоционально, умеренно эмоционально и сухо; при умеренной эмоциональности — громко, умеренно громко и тихо; средняя высота голоса выступает в комбинаторике с каким-либо тембром и тоном речи; со средним абсолютным темпом речи наблюдается любая длина и частота пауз, а также любые показатели кинетического сопровождения.

Тесно коррелируются варианты параметров с одинаковыми количественными показателями — максимальными, срединными или минимальными, например,

эмоционально, выразительно, громко; умеренно эмоционально, умеренно выразительно и умеренно громко; монотонно, сухо и тихо; средний темп наиболее репрезентативно представлен с паузами умеренной частоты и длительности, быстрый и медленный — наблюдается с паузацией, тяготеющей к абсолютному темпу; быстрый темп чаще всего сочетается с максимально интенсивным кинетическим сопровождением, медленный — с минимальным, средний — с умеренным.

Некоторые варианты одних параметров несовместимы с определенными вариантами других параметров, что, в первую очередь, относится к диаметрально противоположным вариантам с максимальным и минимальным проявлением качеств. Так, нельзя говорить монотонно и эмоционально, сухо и выразительно, громким голосом резкого тембра в мягком тоне, низким голосом резкого тембра или высоким голосом глухого тембра; нельзя говорить в быстром темпе с длинными паузами, как и в медленном — с короткими, едва ли можно говорить энергично жестикулируя, почти не пользуясь мимическими средствами.

Некоторые варианты одних параметров могут сочетаться преимущественно с определенными вариантами других параметров. Например, для голоса средней высоты характерно сочетание с ясным и мягким тембром, для низкого голоса — с мягким, сочным и глухим, для высокого — с ясным и резким тембром; общий быстрый темп чаще всего сочетается с нечеткой дикцией, эмоциональность — с энергичным кинетическим сопровождением речи.

Некоторые варианты одних параметров сопряжены только с определенными вариантами других параметров. Например, выразительность речи обуславливает четкую дикцию, интенсивная акцентуация — громкость речи, робкий тон — тихую речь, резкий тембр — высокий голос, частые длинные паузы — общий медленный темп речи.

Ярко выраженная сопряженность прослеживается не только между вариантами параметров, но и между речевыми параметрами в своей совокупности. Однако, хотя все параметры внутри каждой группы — звукового, темпо-ритмового оформления речи и ее кинетического сопровождения взаимосвязаны, степень корреляции

между каждыми двумя-тремя параметрами разная. Наиболее тесная корреляция в наборе параметров звукового оформления наблюдается между эмоциональностью и громкостью, громкостью и количеством логических ударений, дикцией и выразительностью, эмоциональностью, громкостью и количеством логических ударений, выразительностью, эмоциональностью и громкостью; в комбинаторике темпо-ритмовых параметров наибольшая взаимозависимость проявляется между общим темпом и спецификой произнесения слов, а также между абсолютным темпом и расстановкой пауз.

Сопряженность обнаруживается и между отдельными параметрами разных групп, которые можно назвать параметрами межгрупповой связи. Так, тесно взаимосвязаны дикция и абсолютный темп, темп речи и жестикуляция, эмоциональность и темп, эмоциональность, громкость и параметры кинетического сопровождения.

Основные параметры межгрупповой связи являются одновременно и стержневыми параметрами каждой группы: в звуковом оформлении — дикция, в темпо-ритмовом — абсолютный темп, в кинетическом сопровождении речи — жестикуляция.

Успешность приема информации зависит прежде всего от качественных характеристик стержневых параметров первых двух групп. Наличие отрицательного варианта такого параметра обуславливает трудность восприятия речи в целом. Например, если речь трудновоспринимаема из-за невнятной дикции, то она не компенсируется другими параметрами с положительными характеристиками. Кроме того, в соответствии с описанными выше закономерностями комбинаторики вариантов параметров, невнятная дикция сопряжена чаще всего с целым рядом отрицательных вариантов других параметров как внутри самой группы звукового оформления, так и за ее пределами. Невнятная дикция в группе звукового оформления наиболее частотно представлена в сочетании с монотонной сухой и тихой речью; в группе темпо-ритма — со спецификой произносить «глотаю» слова, с очень быстрым общим темпом, реже с очень медленным флегматичным.

Определенные варианты нестержневых параметров либо усиливают, либо ослабляют отрицательные качества других. Так, с одной стороны, утомляющая гром-

кость речи усугубляется интенсивной логической акцентуацией и максимальной эмоциональностью, хотя сама по себе эмоциональность относится к положительным характеристикам речи. С другой стороны, громкость речи будет ослабляться умеренной эмоциональностью и умеренным употреблением акцентов. Высокий голос приобретает негативные характеристики в сочетании с резким тембром и самоуверенным тоном. В то же время высокий голос не вызывает негативной реакции аудитора в сочетании с ясным тембром и убедительным тоном.

Проявление закономерностей взаимосвязи параметров и их вариантов позволяет сделать вывод о возможности воздействия на качество одних параметров посредством других и, прежде всего, посредством стержневых. Так, с одной стороны, совершенствование дикции одновременно ликвидирует дефекты речи, улучшает выразительность, нормализует темп речи, специфику произнесения слов, а также частично громкость речи при привычке индивида разговаривать тихо. С другой стороны, контроль за соблюдением среднего абсолютного темпа, при тенденции говорить очень быстро или, наоборот, медленно, усовершенствует дикцию, выразительность, регулирует специфику произнесения слов, частоту и длину пауз, плавность речи. Таким образом, воздействие на определенный стержневой параметр, требующий коррекции, обеспечивает улучшение характеристик целого ряда параметров и тем самым качества речи в целом. Как очевидно, резервы усовершенствования идиолекта кроются в самоконтроле индивида над речью.

Однако при работе над речью следует учитывать, что не все параметры в равной мере могут изменять свои качества. Негативные свойства параметров нейрофизиологического и нейропсихологического планов поддаются полному или частичному исправлению. Так, выразительность и четкость дикции можно выработать, отрывистость речи и специфика произнесения «глота» слова ликвидируется соответствующей тренировкой. Количественный показатель акцентуации и преобладающий тон, связанные с темпераментом, характером, привычкой и культурой речи, также в значительной мере поддаются контролю говорящего. Громкость и эмо-

циональность речи, общий темп и кинетическое сопровождение, зависящие в первую очередь от типа высшей нервной деятельности, регулируются частично. Речевые параметры, обусловленные анатомо-физиологическими факторами, — высота и тембр голоса — не поддаются изменениям.

Помимо закономерностей, относящихся к диапазону и особенностям сочетаемости вариантов речевых параметров вне зависимости от конкретного языка, проведенное исследование обнаружило также закономерности, проявившиеся в сходстве и различии в распределении частот вариантов параметров в легко- и трудновоспринимаемой на слух английской и русской речи.

В сопоставляемых массивах английской и русской речи в комбинаторике вариантов рассматриваемых параметров и в частоте встречаемости аналогичных сочетаний звукового, темпо-ритмового оформления речи и ее кинетического сопровождения наблюдается много общего. Однако в массивах английской и русской легковоспринимаемой речи зафиксировано больше сходных черт и меньше различий, чем в сопоставляемых массивах трудновоспринимаемой речи. В массивах английской и русской легковоспринимаемой речи большее количество аналогичных сочетаний совпадает по месту их расположения в массиве и частоте их встречаемости. В трудновоспринимаемой речи часть идентичных сочетаний представлена в сопоставляемых массивах со сдвигом в порядке их следования. Расхождения в проценте наблюдений в данных массивах более значимы, чем в легковоспринимаемой речи. Некоторые сочетания массива трудновоспринимаемой английской речи не представлены среди частотных в соответствующем массиве русской речи и наоборот. Данное явление можно объяснить тем, что ТВР более индивидуальна, что обуславливает дополнительную трудность ее восприятия.

В сопоставляемых массивах английской и русской речи в наиболее характерных сочетаниях всех параметров темпо-ритма обнаруживается почти полное совпадение их вариантов. То же относится и к сочетаниям всех параметров звукового оформления легковоспринимаемой речи. В сочетаниях звукового оформления трудновоспринимаемой речи наблюдается совпадение опре-

деленных вариантов параметров при варьировании многих из них.

В комбинаторике вариантов всех речевых параметров английской и русской ЛВР преобладают срединные показатели, в ТВР сочетания концентрируются вокруг двух основных — с максимальными и минимальными показателями качеств параметров.

Большинство репрезентативных и малочастотных сочетаний внутри каждого массива английской и русской речи близки между собой и примыкают друг к другу, образуя ступенчатую шкалу, в которой изменяется от сочетания к сочетанию чаще всего один вариант какого-либо параметра.

Наряду с общими закономерностями в соответствующих массивах английской и русской речи имеются некоторые различия, связанные со строем языка, его артикуляторной базой, конститутивными особенностями определенных речевых параметров, с национальным характером и темпераментом народа, его этическими и социальными нормами.

В звуковом оформлении речи такие различия проявляются в распределении частот вариантов параметров дикции, эмоциональности и громкости; в темпоритмовом — частот вариантов быстрого и медленного темпов, а также некоторых вариантов специфики произнесения слов; в кинетическом сопровождении — обоих его показателей — жестов и мимики.

В английской легковоспринимаемой речи доминирует четкая дикция, в то время как в русской речи четкая и средняя дикция представлены примерно в одинаковом количестве наблюдений. В массиве трудновоспринимаемой русской речи превалирует нечеткая дикция, в соответствующем массиве английской речи, наряду с нечеткой, в незначительном количестве случаев зафиксирована средняя дикция. Данное явление можно объяснить различием в строе аналитического английского и флективного русского языков, а также более энергичной артикуляторной базой английского языка по сравнению с русским.

В массиве английской легковоспринимаемой речи умеренная эмоциональность встречается значительно чаще, чем максимальная, в русской речи оба упомянутых варианта степени эмоциональности представлены,

примерно, в одинаковом количестве наблюдений. В английской трудновоспринимаемой речи преобладает сухость. Русская речь даже в аналогичном массиве более эмоциональна, при значительном количестве в нем сочетаний с нулевой степенью эмоциональности.

Аналогичная картина наблюдается и в распределении вариантов взаимосвязанного с эмоциональностью параметра громкости. Максимальная степень громкости в обоих массивах английской речи встретилась реже, чем в русской. Минимальная степень громкости, наоборот, в английской как трудно-, так и легковоспринимаемой речи фиксировалась чаще, чем в русской. Наблюдения за речью носителей двух языков и результаты проведенного количественного анализа свидетельствуют о том, что русские в своем большинстве говорят громко и эмоциональнее англичан, что связано, на наш взгляд, с национальным характером, темпераментом, конститутивными особенностями параметра громкость и разным оценочным отношением к степени эмоциональности и громкости продуцирования речи. Большая громкость русской речи обусловлена и тем, что в ней значительно больше слов находится под ударением, чем в английской речи.

В группе темпо-ритмовых параметров основным значимым различием является то, что в массиве английской легковоспринимаемой речи фиксировалось большее количество сочетаний с быстрым темпом, чем в русской речи. В отношении репрезентативных сочетаний с медленным темпом наблюдалось обратное. Данное явление можно объяснить тем, что для англичан привычнее, чем для русских, воспринимать быструю речь как норму в связи с конститутивной спецификой темпа английской речи, для которой характерно убыстренное произнесение безударных слов.

В специфике произнесения слов в английской и русской речи некоторые различия проявились в частоте встречаемости сочетания отрывистой речи с «глотанием» слов или окончаний и сочетания плавной медленной речи с длинными паузами и произнесением слов нараспев. Первое сочетание в массиве русской ТВР представлено значительно чаще, чем в английской. Второе сочетание, частотное в русской ТВР, в соответствующем массиве английской речи не репрезентативно.

Значительно бо́льший процент наблюдений сочетаний со специфическим «глотанием» слов в русской трудно-воспринимаемой речи объясняется тем, что такая небрежность в произнесении проявляется чаще всего в недоговаривании флексий и, таким образом, более характерна для флективного русского, чем английского языка. Отсутствие второго указанного сочетания в английской речи закономерно. Кантилена не свойственна аналитическому языку с большим количеством коротких слов, в то время как в русской речи произнесение слов нараспев для некоторых говоров специфично.

В кинесике, тесно коррелирующей с эмоциональностью и громкостью, зафиксированы те же различия, что и в выборе вариантов упомянутых параметров. Кинетическое сопровождение английской речи менее энергично, чем русской.

Проведенное исследование дает основание заключить, что в идиолекте, в речевой характеристике индивидов прослеживаются определенные типы манеры речи с разной степенью легкости и трудности ее восприятия.

Полученные данные имеют не только теоретическое, но и практическое значение. Они прежде всего применимы в обучении устной экспрессивной и импрессивной иноязычной речи. Они могут быть использованы для подбора дикторов и для отбора звучащих образцов иноязычной речи в учебных целях. Учет их представляется полезным при обучении педагогов, лекторов, актеров в целях совершенствования их манеры речи. Знание закономерностей сочетаемости параметров тех или иных групп характеристик речи может быть также полезным для актеров в их работе над речевой типизацией персонажа, а следовательно, и над созданием образа. Знание указанных закономерностей может учитываться в юриспруденции для опознания личности по особенностям речи.

Данные исследования могут быть использованы в лекционных курсах по методике преподавания иностранных языков, теоретической фонетике, культуре речи, сценическому искусству, а также в спецкурсах по социо- и психолингвистике.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

¹ Леонтьев А. А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. — В кн.: Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977, с. 8.

² Ахманова О. С., Минаева Л. В. Место звучащей речи в науке о языке — *Вопр. языкозн.*, 1977, № 6, с. 46.

³ Там же.

Раздел 1

¹ Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977, с. 5.

² Ахманова О. С., Девятникова Г. И. Чем же, en fin de compte определяется восприятие речи? — В кн.: Исследования языка и речи/ Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца, т. 60. М., 1971, с. 248.

³ Щерба Л. В. Из лекций по фонетике. — В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. с. 155, 151.

⁴ Дикция. — *Театральная энциклопедия*, т. 2. М., 1963, с. 442.

⁵ Дикция. — *БСЭ*, т. 14. М., 1952, с. 351.

⁶ Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1966, с. 456.

⁷ Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974, с. 169.

⁸ Борисова Л. В., Метлюк А. А. *Теоретическая фонетика английского языка*. Минск, 1980, с. 129.

⁹ Щерба Л. В. *Цит. работа*, с. 158.

¹⁰ Шилкина Л. В. Особенности аудирования общественно-политических радиопередач. — В кн.: *Методика и психология обучения иностранным языкам в высшей школе*. М., вып. 69, 1972, с. 291.

¹¹ *Станиславский К. С. Собрание сочинений в восьми томах*. М., 1955, т. 3, с. 69.

¹² *Станиславский К. С. Цит. работа*, т. 3, с. 69—70.

¹³ Там же, с. 61.

¹⁴ Ахманова О. С. *Цит. работа*, с. 523.

¹⁵ Демьяненко М. Я., Лазаренко К. А., Кислая С. В. *Основы общей методики обучения иностранным языкам*. К., 1976, с. 180.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*, 2-е изд., т. 2, 1958, с. 405.

¹⁷ Толмачев А. В. *Полководец человеческой силы. (Беседы об ораторском искусстве)*. М., 1969, с. 88, 190, 181.

- ¹⁸ Брагина А. Ф. Ритмические рисунки немецкого предложения. — Иностр. яз. в школе, 1977, № 2, с. 3.
- ¹⁹ Толмачев А. В. Цит. работа, 1969, с. 128, 56, 62, 179.
- ²⁰ Ахманова О. С. Цит. работа, с. 117.
- ²¹ Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974, с. 82.
- ²² Громкость — Энциклопедический музыкальный словарь. М., 1966, с. 133.
- ²³ Артемов В. А. Об интонации. — В кн.: Вопросы интонации. М., 1953, с. 21—22; Гайдучик С. М. Просодическая система современного немецкого языка. Минск, 1972, с. 92.
- ²⁴ Цеплитис Л. К. Цит. работа, с. 86.
- ²⁵ Beyer F. Frangosische Phonetik für Lehrer und Studierende. 2. Anfe., Cothen, 1897; Мурашова Е. И. Изучение и преподавание немецкой фонетики. М., 1961, с. 210.
- ²⁶ Толмачов А. В. Цит. работа, с. 188.
- ²⁷ Stanislawski K. С. Цит. работа, с. 110, 112.
- ²⁸ Громкость. — БСЭ. М., 1952, т. 13, с. 16.
- ²⁹ Abercrombie D. Elements of general Phonetics. Z., 1967, p. 86; Цеплитис Л. К. Цит. работа, с. 86.
- ³⁰ Цеплитис Л. К. Цит. работа, с. 86.
- ³¹ Андроников И. Избранные произведения. М., 1975, т. 2, с. 66—67.
- ³² Кулешов В. В. Сценическая типизация английской речи как семиологическая проблема. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1977, с. 10—11.
- ³³ Образцова И. О музыке и музыкантах. Л., 1952, с. 108—110.
- ³⁴ Ахманова О. С. Цит. работа, с. 39.
- ³⁵ Акцентуация. — БСЭ, М., 1950, т. 2, с. 20.
- ³⁶ Богородицкий В. А. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930. Jones D. An Outline of English Phonetics, 9th ed. Cambridge, 1960. Sweet H. The Sounds of English. Oxford, 1929.
- ³⁷ Stanislawski K. С. Цит. работа, с. 331.
- ³⁸ Там же, с. 343.
- ³⁹ Там же, с. 124.
- ⁴⁰ Леонтьева С. Ф. Теоретическая фонетика английского языка. М., 1980, с. 173.
- ⁴¹ Ударение. — БСЭ, М., 1956, т. 43, с. 641.
- ⁴² Ударение. — БСЭ, т. 43; там же, с. 641; Леонтьева С. Ф. Цит. работа, с. 174.
- ⁴³ Евчик Н. С. Ударение или слоговая выделенность? — В кн.: Романское и германское языкознание. Вып. 1. Вопросы экспериментальной фонетики и прикладной лингвистики. Минск, 1977.
- ⁴⁴ Sprang — Thomsen B. Z'accent fixe en français? ORBAS, Cop., 1963, p. 70.
- ⁴⁵ Carton F. Recherches sur l'accoutuation des parles populaires dans la région de Zittle. Zittle, 1972, p. 289.
- ⁴⁶ Stanislawski K. С. Цит. работа, с. 333.
- ⁴⁷ Евчик Н. С. Цит. работа, с. 37—38.
- ⁴⁸ Щерба Л. В. Цит. работа, с. 159.
- ⁴⁹ Ударение. — БСЭ. М., 1956, т. 43, с. 641.
- ⁵⁰ Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979, с. 275—276.
- ⁵¹ Гайдучик С. М. Просодическая система современного немецкого языка. Минск, 1972, с. 82.

- ⁵² Чистович Л. А., Кожевников В. А. Речь. Артикуляция и восприятие. М.—Л., 1965, с. 91—93.
- ⁵³ Кулешов В. В. Цит. работа, 1977, с. 10.
- ⁵⁴ Станиславский К. С. Цит. работа, с. 331.
- ⁵⁵ Там же, с. 112, 325.
- ⁵⁶ Ахманова О. С. Цит. работа, с. 110.
- ⁵⁷ Голос. — Театральная энциклопедия. М., 1963, т. 2, с. 42.
- ⁵⁸ Там же, с. 42.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Демьяненко М. Я. и др. Цит. работа, с. 181.
- ⁶¹ Fährmann R. Die Deutung des Sprechausdrucks. Bonn, 1960.
- ⁶² Агоева Э. Я. Методика обучения аудированию на старших курсах институтов иностранных языков. Дис. ... канд. пед. наук. М., 1968.
- ⁶³ Ржевкин С. Н. Слух и речь в свете современных физических исследований. М., 1936.
- ⁶⁴ Голос. — Театральная энциклопедия. М., 1963. т. 2, с. 42.
- ⁶⁵ Станиславский К. С. Цит. работа, с. 62.
- ⁶⁶ Там же, с. 61.
- ⁶⁷ Там же, с. 63.
- ⁶⁸ Кулешов В. В. Цит. работа, 1977, с. 8.
- ⁶⁹ Там же, с. 34—35.
- ⁷⁰ Толмачев А. В. Цит. работа, 1969, с. 62.
- ⁷¹ Там же, с. 53.
- ⁷² Штейн А. Человеку нужно, чтобы у него звонил телефон. — Новый мир, 1973, № 1, с. 168.
- ⁷³ Станиславский К. С. Цит. работа, с. 62.
- ⁷⁴ Там же, с. 322.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Толмачев А. В. Об ораторском искусстве. М., 1963, с. 165.
- ⁷⁷ Толмачев А. В. Цит. работа, с. 152.
- ⁷⁸ Чарный М. Ушедшие годы. М., 1970, с. 113.
- ⁷⁹ Чарный М. Цит. работа, с. 154.
- ⁸⁰ Андроников И. Цит. работа, с. 6.
- ⁸¹ Там же, с. 61—62.
- ⁸² Пенфильд Г. Факел. М., 1964, с. 81.
- ⁸³ Горький М. Избранные сочинения. Старуха Изергиль. М., 1947, с. 331.
- ⁸⁴ Beyer T. Frangosische Phonetic fur Lehrer und Studierende. 2. Aufl. Cothen, 1897.
- ⁸⁵ Франс А. Преступление Сильвестра Бонара. Остров пингвинов. Боги жаждут. М., 1970, с. 54—55.
- ⁸⁶ Кулешов В. В. Цит. работа, 1977, с. 8—9.
- ⁸⁷ Кулешов В. В. Цит. работа, 1976, с. 36.
- ⁸⁸ Ян В. Батый. Минск, 1981, с. 79.
- ⁸⁹ Франс А. Цит. работа, с. 54—55.
- ⁹⁰ Станиславский К. С. Цит. работа, с. 64.
- ⁹¹ Тембр. — БСЭ, т. 42, М., 1956, с. 191; Тембр. — Театральная энциклопедия. М., 1963, т. 5, с. 182; Тембр. — Энциклопедический музыкальный словарь. — М., 1966, с. 507—508; Тембр. — Словарь современного русского литературного языка. — М.—Л., 1963, т. 15, с. 240.
- ⁹² Зиндер Л. Р. Общая фонетика, с. 278.
- ⁹³ Леонтьева С. Ф. Цит. работа, с. 199.

- ⁹⁴ *Uassilyev V. A. et al. English Phonetics. M., 1980, p. 129.*
- ⁹⁵ *Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 471—472.*
- ⁹⁶ *Смольевский А. А. Тембр и его лингвистические и экстралингвистические аспекты. — В кн.: Лингвистическая интерпретация результатов экспериментально-фонетических исследований речевого текста. Тезисы докладов. Минск, 1977, 137—140 с.*
- ⁹⁷ *Смольевский А. А. Цит. работа, с. 137.*
- ⁹⁸ *Цеплитис Л. К. Цит. работа, с. 141—152.*
- ⁹⁹ *Шилкина Л. В. Особенности аудирования общественно-политических радиопередач — В кн.: Методика и психология обучения иностранным языкам в высшей школе. Вып. 69. М., 1972, с. 292.*
- ¹⁰⁰ *Станиславский К. С. Цит. работа, с. 322.*
- ¹⁰¹ *Тон. — Словарь современного русского литературного языка. — М.; Л., 1963, т. 15, с. 603.*
- ¹⁰² *Демьяненко М. Я. и др. Цит. работа, с. 122.*
- ¹⁰³ *Цит. по кн.: Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974, с. 144.*
- ¹⁰⁴ *Чехов А. П. Собр. соч., т. 7. Скучная история. — М., 1950, с. 42.*
- ¹⁰⁵ *Скриб Э. Пьесы. Стакан воды, или причины и следствия. — М., 1960, с. 452.*
- ¹⁰⁶ *Дангулов С. Кузнецкий мост. — Роман-газета, 1973, № 15, с. 39.*
- ¹⁰⁷ *Ростан Э. Пьесы. Сирано де Бержерак. М., 1958, с. 229—230.*
- ¹⁰⁸ *Толмачев А. В. Цит. работа, 1969, с. 128.*
- ¹⁰⁹ *Толмачев А. В. Об ораторском искусстве. М., 1963, с. 162.*
- * Легковоспринимаемую речь сокращенно обозначим ЛВР, трудновоспринимаемую — ТВР.

** Количество наблюдений легко- и трудновоспринимаемой речи распределилось следующим образом: из 500 анкет № 2 на базе русского языка 326 характеризуют ЛВР, 174 — ТВР; из 500 анкет на базе английского языка 150 анкет характеризуют ЛВР, 100 — ТВР. Остальные 250 анкет на базе английского языка, содержавшие разнородные социодемографические данные, машинной обработке не подвергались. На базе русского языка все анкеты в отношении социодемографических данных однородны, так как анкетирование проводилось среди студентов IV—V курсов гуманитарных факультетов.

Раздел 2

- ¹ *Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 472.*
- ² *Темп. — БСЭ. М., 1956, т. 42, с. 193—194.*
- ³ *Цесарский Л. Д. Обучение пониманию речи на слух. — Иностр. яз. в школе, 1964, № 2, с. 32—38.*
- ⁴ *Гез Н. И. К вопросу об обучении распознаванию речи при зрительном и слуховом восприятии. — Иностр. яз. в школе, 1969, № 2, с. 27—37.*
- ⁵ *Ильина В. И. К вопросу об изучении вариантов речи. — Вопр. психологии, 1965, № 6, с. 100.*
- ⁶ *Шилкина Л. В. Методические основы использования средств массовой коммуникации (радио) для обучения аудированию в языковом вузе. Дис. ... канд. пед. наук. М., 1973.*

⁷ Варшавский Л. В. Сложные звуки, речь, голос. — *Вопр. физиол. акустики*, т. 3, 1955, с. 15.

⁸ Каспарова М. Г. О речевой паузе. — *Исследования языка и речи*/ Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1971, т. 60, с. 146—149.

⁹ Ильина В. И. Цит. работа, с. 105.

¹⁰ Носенко Э. Л. Об использовании некоторых темпоральных характеристик речи для объективного установления уровня владения устной иноязычной речью. — *Иностр. яз. в школе*, 1969, № 5, с. 48—59.

¹¹ Vassilyev V. A. et al. *English Phonetics*. M., 1980, p. 128.

¹² Кулиш Л. Ю. К вопросу о темпо-ритмической характеристике речи. — *Вісн. КДУ. Сер. інозем. філол.*, 1976, № 10, с. 92—95.

¹³ См., например: Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977, с. 161; Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979, с. 277; Николаева Т. М. Новое направление в изучении спонтанной речи (о так называемых речевых колебаниях). — *Вопр. языкозн.*, 1970, № 3, с. 118; Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974, с. 67.

¹⁴ См., напр., Бондарко Л. В. Цит. работа, с. 277.

¹⁵ Цеплитис Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974, с. 75.

¹⁶ Каспарова М. Г. Механизмы речевой паузы. Сообщение 1. Восприятие временных интервалов в звуковом сигнале. — В кн.: *Новые исследования в педагогических науках*. М., 1, 1963, с. 158—160.

¹⁷ Каспарова М. Г. Восприятие паузы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.

¹⁸ Станиславский К. С. Собрание сочинений в 8-ми т. М., 1955, т. 3, с. 105.

¹⁹ См.: Зиндер Л. Р. Цит. работа, с. 277; Цеплитис Л. К. Цит. работа, с. 74.

²⁰ Дозорец Ж. А. Эксперимент по определению связи между ритмом дыхания и паузами в речи. — *Учен. зап. МГПИ*, 1971, с. 423.

²¹ Цеплитис Л. К. Цит. работа. с. 67—68, 72—75.

²² Там же, с. 69.

²³ Там же, 68.

²⁴ Vassilyev V. A. et al. *Op. cit.*, p. 129.

²⁵ Цесарский Л. Д. Цит. работа.

²⁶ Зиндер Л. Р. Влияние темпа речи на образование отдельных звуков. — *Учен. зап. ЛГУ*, № 325. Сер. филол. наук, 1964, вып. 69, с. 3—27.

²⁷ Гейтенби Д. Х. Эластичные слова. Исследование речи. Сборник переводов. Новосибирск, 1967.

²⁸ Агафонова Л. С., Бондарко Л. В. и др. О некоторых характеристиках русской речи в зависимости от разных темпов произношения. — В кн.: *Слух и речь в норме и патологии*. Л., 1974.

²⁹ Чистович Л. А., Кожевников В. А. Речь, артикуляция и восприятие. М.; Л., 1965, с. 87.

³⁰ Fähmann R. *Die Deutung des Sprechausdrucks*. Bonn, 1963.

³¹ Ильина В. И. Цит. работа, с. 107.

³² Rivers W. T. *Listening Comprehension*. — *Mod. Lang. J.*, 1966, v. 50, No 4, p. 202.

³³ Goldman-Eisler F. *The Significance of Changes in the Rate of Articulation*. — *Language and Speech*, 1964, vol. 4, part 3, p. 18.

³⁴ Батура С. Ф. О темпоральных и частотных характеристиках в речи спонтанной и в речи прочитанной. — В кн.: *Романское и герман-*

- ское языкознание. Вопросы экспериментальной фонетики и прикладной лингвистики. Минск, вып. 1, 1977; *Ильина В. Н.* Цит. работа, с. 107.
- ³⁵ *Градобык Н. С., Дубровский Ю. А.* Модификация темпоральных структур устного текста: *Шунтова Р. А.* О темпоральной организации фразы. — В кн.: Экспериментальная фонетика. Минск, 1976; *Агафонова Л. С., Бондарко Л. В.* и др. Цит. работа.
- ³⁶ *Цеплитис Л. К.* Цит. работа, с. 136—139.
- ³⁷ *Цеплитис Л. К.* Цит. работа, с. 137.
- ³⁸ *Зиндер Л. Р.* Цит. работа, с. 276.
- ³⁹ *Батура С. Ф.* Цит. работа.
- ⁴⁰ Темп. — БСЭ, М., т. 42, 1956, с. 193—194.
- ⁴¹ *Зиндер Л. Р.* Цит. работа, с. 276.
- ⁴² *Ситюк Г. П.* Ритм современной художественной прозы. Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1978, с. 5.
- ⁴³ Ритм. — БСЭ, М., т. 36, 1955, с. 552—553.
- ⁴⁴ Ритм. — БСЭ, М., т. 36, 1955, с. 552—553.
- ⁴⁵ *Ситюк Г. П.* Цит. работа, с. 5; *Fowler R.* «Prose rhythm» and metre. — In: Essays on Style and Language, London, 1966.
- ⁴⁶ *Allen G. D.* The place of rhythm in a theory of language. — Working Papers in Phonetics, 1968, № 10, p. 60.
- ⁴⁷ *Брагина А. Ф.* Ритмические рисунки немецкого предложения. — Иностр. яз. в школе, 1977, № 2.
- ⁴⁸ *Зарецкая Е. В.* О ритмической организации устной речи. — В кн.: Экспериментальная фонетика. Минск, 1976, с. 67.
- ⁴⁹ *Брагина А. Ф.* Цит. работа, с. 12—13.
- ⁵⁰ *Артемов В. А.* Психология обучения иностранным языкам. М., 1969, с. 95.
- ⁵¹ *Гайдучик С. М.* Просодическая система современного немецкого языка. Минск, 1972, с. 6.
- ⁵² *Всеволодский-Генгросс В. М.* Теория русской речевой интонации. П., 1922.
- ⁵³ *Пешковский А. М.* Ритмика «стихотворений в прозе» Тургенева. — В кн.: Русская речь. Л., 1928.
- ⁵⁴ *Антипова А. М.* Ритм как компонент интонации. — В кн.: Интонация. Киев, 1978.
- ⁵⁵ *Vassilyev V. A.* English Phonetics. A Theoretical Course. М., 1970.
- ⁵⁶ *Riesel E.* Stilistik der deutschen Sprache. Moskau, 1963.
- ⁵⁷ *Брагина А. Ф.* Цит. работа, с. 13.
- ⁵⁸ Ритм. — БСЭ, т. 36, с. 552—553; *Зарецкая Е. В.* Цит. работа.
- ⁵⁹ *Ахманова О. С.* Цит. работа, с. 472.
- ⁶⁰ Ритм. — Театральная энциклопедия / Под ред. П. А. Маркова. М., т. 4, 1967, с. 619—620; *Станиславский К. С.* Собрание сочинений в 8-ми т. М., 1955, т. 3, с. 152.
- ⁶¹ *Станиславский К. С.* Цит. работа, т. 3, с. 334.
- ⁶² Там же, с. 172.
- ⁶³ Там же, с. 173.
- ⁶⁴ Там же, с. 69.
- ⁶⁵ *Шумовский Т. А.* Арабы и море. М., 1964, с. 44.
- ⁶⁶ *Чарный М.* Ушедшие годы. М., 1970, с. 113.
- ⁶⁷ *Андроников И.* Избранные произведения в 2-х т. М., 1975, т. 2, с. 61.
- ⁶⁸ *Maugham Somerset.* The Moon and Sixpence. М., 1972, p. 79.

- ⁶⁹ Андронников И. Цит. работа, с. 26.
- ⁷⁰ Об ораторском искусстве / Под ред. А. В. Толмачева. М., 1963, с. 270.
- ⁷¹ Толмачев А. В. Полководец человеческой силы. Беседы об ораторском искусстве. М., 1969, с. 190.
- ⁷² Станиславский К. С. Цит. работа, с. 70.
- ⁷³ Станиславский К. С. Цит. работа, с. 172.
- ⁷⁴ Гайдучик С. М. О лингвистической интерпретации речевых пауз. — Лингвистическая интерпретация результатов экспериментально-фонетических исследований речевого текста. Тезисы докладов республиканского симпозиума. Минск, 1977, с. 39.
- ⁷⁵ Станиславский К. С. Цит. работа, с. 325.
- ⁷⁶ Станиславский К. С. Цит. работа, с. 342.
- ⁷⁷ Толмачев А. В. Цит. работа, с. 190.
- ⁷⁸ Андронников И. Цит. работа, с. 60.
- ⁷⁹ Станиславский К. С. Цит. работа, с. 337.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же, с. 177.
- ⁸² Фролов Ю. Лингвистические неожиданности. — Наука и жизнь, 1979, № 1, с. 70—73.
- ⁸³ Фролов Ю. Цит. работа, с. 72.
- ⁸⁴ Николаева Т. М. Цит. работа, с. 123.
- ⁸⁵ Дангулов С. Кузнецкий мост. — Роман-газета, 1973, № 15, с. 43.

Раздел 3

- ¹ Ножин Е. А. Некоторые социально-психологические и психолингвистические характеристики процесса публичной речи. — Материалы 3-го Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. М., 1970, с. 28.
- ² Березин Ф. М. Теория Сэпира-Уорфа и методика преподавания иностранных языков в высшей школе. — Научно-методическая конференция по вопросам обучения иностранному языку в высшей школе. Тезисы докладов. М., 1967, с. 34—35.
- ³ Леонтьев А. А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики. — В кн.: Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977, с. 5.
- ⁴ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвистическая проблематика страноведения в преподавании русского языка иностранцам. М., 1971.
- ⁵ Николаева Т. М. Невербальные средства человеческой коммуникации и их место в преподавании языка. — В кн.: Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как иностранного. М., 1969, с. 53.
- ⁶ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 2-е изд. М., 1976, с. 150.
- ⁷ Колшанский Г. В. Паралингвистика. М., 1974, с. 49.
- ⁸ Смирнова Н. И. О необходимости обучения невербальному поведению при изучении иностранных языков (русского как иностранного) — В кн.: Вопросы психолингвистики и преподавания русского языка как иностранного. М., 1971, с. 67.

⁹ Волоцкая Э. М., Николаева Т. М., Сегал Д. М., Цивьян Т. В. Жестовая коммуникация и ее место среди других систем человеческого общения. — В кн.: Симпозиум по структурному изучению знаковых систем. М., 1962, с. 65—77.

¹⁰ Balzac H. de Théorie de la démaçhe. Ouvres diverses, 11. Paris, 1902, p. 23.

¹¹ Mehralian A. and Wiener M. Decoding of Inconsistent Communication. — Journal of Personality and Social Psychology, 1967, No 6, p. 109.

¹² Якобсон Р. О. «Да» и «нет» в мимике. — В кн.: Язык и человек. М., 1970, с. 284—285.

¹³ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. — Новый мир, 1965, № 4, с. 35.

¹⁴ Hardy G. Pour une étude de la mimique. — Revue africaine 79 (3-е trimestre), 1936, p. 147.

¹⁵ Завадовский Ю. Н. Внесистемная семиотика жеста и звука в арабских диалектах Магриба. — Труды по знаковым системам / Учен. зап. Тартусского ун-та. Тарту, вып. 236, 1969, с. 418.

¹⁶ Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971, с. 6.

¹⁷ Еремеев Д. Анатомия: связь времен. — Азия и Африка сегодня, 1977, № 4, с. 57.

¹⁸ Завадовский Ю. Н. Цит. работа, с. 419.

¹⁹ Там же, с. 415.

²⁰ Успенский Л. Слово о словах. Л., 1962, с. 88.

²¹ Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976, с. 150.

²² Завадовский Ю. Н. Цит. работа, с. 419.

²³ Там же, с. 415.

²⁴ Цит. по кн.: Николаева Т. М., Успенский Б. А. О новых работах в паралингвистике. Рецензия. — Вopr. языкозн., 1965, № 6, с. 120.

²⁵ Завадовский Ю. Н. Цит. работа, с. 421.

²⁶ Там же, с. 418.

²⁷ La Barre Weston. Paralinguistics, Kinesics and Cultural Anthropology. — Approaches to semiotics, Transactions of Indiana University Conference of Paralinguistics and Kinesic. Monton et Co., 1964.

²⁸ Завадовский Ю. Н. Цит. работа, с. 418.

²⁹ Там же, с. 418.

* Плечо — в анатомическом значении слова, обозначающем часть руки выше локтя.

** Ср. употребление эмоционально окрашенных штампов речи «приветствую» и «привет»; нейтральные выражения типа «здравствуй(те)», «добрый день» могут сочетаться с любой кинемой.

³⁰ Ханин Ю. Л. Психология общения в спорте. М., 1980, с. 28.

³¹ Верецагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1976, с. 147—148.

³² Завадовский Ю. Н. Цит. работа, с. 418.

³³ Brøndal V. Essais de linguistique générale. Copenhagen, 1943, p. 96.

*** Данные примеры, как и ряд других примеров раздела, приводятся из выполненной под нашим руководством курсовой работы студента факультета романо-германской филологии КГУ Ю. Гусева, изучавшего путем наблюдений и опроса информантов кинетические

средства общения проживающих в общежитии студентов-иностранцев из Греции, Мальты, Кипра и некоторых арабских, африканских и латиноамериканских стран.

³⁴ Николаева Т. М. Цит. работа, 1969, с. 55.

³⁵ Hesaen H. Approche semiotique des troubles du geste. — *Languages*, 1967, No 5.

³⁶ Николаева Т. М. Цит. работа, с. 51—55.

*** Мы склонны думать, что в дальнейшем, когда страноведение будет располагать не фрагментарным, а большим фактическим системным материалом по кинесике разных народов, будет преодолена боязнь выделения интернациональных жестов. В настоящее время понятие интернациональных жестов неправомерно отождествляется с общечеловеческими, хотя интернациональные слова входят не во все языки мира, а только в контактируемые языки чаще всего одной группы.

³⁷ Ханин Ю. Л. Цит. работа, с. 31.

³⁸ Василенко И. В. Семантика и прагматика предложений с глаголами кинетической коммуникации. Дис. ... канд. филол. наук. К., 1978, с. 13.

³⁹ Чарный М. Ушедшие годы. М., 1970, с. 121.

⁴⁰ Об ораторском искусстве / Сост. А. В. Толмачев. М., 1963, с. 85.

⁴¹ Толмачев А. В. Полководец человеческой силы. Беседы об ораторском искусстве. М., 1969, с. 196.

⁴² Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1938, т. 2, с. 216.

⁴³ Чарный М. Цит. работа, с. 113, 131.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Раздел 1. Зависимость восприятия от звуковых характеристик речи индивида	6
Раздел 2. Сопоставительный анализ темпо-ритмовых характеристик английской и русской речи индивида	110
Раздел 3. Кинетическое сопровождение речи	163
Заключение	191
Примечания	199

Лариса Юлиановна Кулиш

ПСИХО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ УСТНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧИ

*(Зависимость восприятия
от речевых характеристик говорящего)*

Редактор А. В. Дрожжина
Обложка художника С. Ю. Грибова
Художественный редактор З. Т. Манойло
Технический редактор Н. Н. Бабюк
Корректор С. Д. Мирончак

Информ. бланк № 6136

Сдано в набор 05.01.82. Подп. в печать 08.04.82. БФ 03139. Формат 84×108/32. Бумага типогр. № 1. Лит. гарн. Выс. печать. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 10,92. Уч.-изд. л. 11,42. Тираж 1400 экз. Изд. № 1668-к. Зак. № 42. Цена 2 р. 10 к.

Издательство при Киевском государственном университете,
252001, Киев-1, ул. Крещатик, 4.

Белоцерковская книжная фабрика, 256400, г. Белая Церковь,
ул. Карла Маркса, 4.